

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 3 (112) / 2021

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Динькевич А. В.</i> Грамматические средства выражения эмотивности в англо- и белорусскоязычных интервью	7
<i>Жук В. І.</i> Гіпанімічныя адносіны ў групе альфакторных ад’ектываў (на базе англійскай і беларускай моў).....	15
<i>Иванов А. Э.</i> Модель кооперативности общения в разговорном дискурсе.....	21
<i>Сысоева Т. А., Шуляк Е. А.</i> Экспликация успеха косметического бренда в интернет-публикациях	29

Романское и германское языкознание

<i>Клинцова А. А.</i> Структурно-семантические особенности английских и исландских безличных предложений с предикатами чувственного восприятия	36
<i>Ляшенко Е. С.</i> Объект изменения и его репрезентация в синтаксисе (на материале англоязычных текстов)	43
<i>Назина Г. А.</i> Текстотипологический аспект аналитических медиатекстов о военно-политическом конфликте	50
<i>Романкевич М. Н.</i> От аномалии к норме: феминитивы в современном французском языке	57
<i>Рускевич Л. В.</i> Экспрессивная речь на английском языке как иностранном: просодический аспект.....	66

Исследования славянских языков

<i>Еромейчик Т. В.</i> Речежанровая специфика спортивной коммуникации Беларуси.....	73

Исследования восточных языков

<i>Михалькова Н. В.</i> Динамика развития системы детерминативов китайского иероглифического письма	81
<i>Юй Вэй.</i> Финансовые наименования-неологизмы в современном китайском языке.....	89

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Голяк Ю. Д., Совпель И. В.</i> Автоматическое дополнение русскоязычных пользовательских запросов, формулируемых в виде именных групп.....	101
<i>Детскина Р. В.</i> Нейросетевая модель системы машинного англо-русского перевода юридических текстов.....	110

Литературоведение

<i>Авраменко В. И.</i> Роман на стыке философии и литературы	118
<i>Боричевская Т. Г.</i> Уплыў традыцый антытэатра на развіццё беларускай эксперыментальнай п'есы.....	125
<i>Рак М. С.</i> Мастацка-эстэтычная і жанравая парадыгма твораў Людмілы Рублеўскай і Дзіяны Сэтэрфілд	134
<i>Скоропанова И. С.</i> Среднеазиатский компонент в творчестве Любови Турбиной.....	141

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Dinkevich A.</i> Grammatical Means of Expressing Emotiveness in English and Belarusian Interviews.....	7
<i>Zhuk V.</i> Hyponymy in the Group of Olfactory Adjectives (Based on English and Belarusian Languages).....	15
<i>Ivanou A.</i> The Model of Speech Cooperation in Conversational Discourse	21
<i>Sysoyeva T., Shuliak L.</i> Internet Posts Promoting Beauty Brands and Their Achievements.....	29

Romance and Germanic Linguistics

<i>Klintsova A.</i> The Structural and Semantic Peculiarities of English and Icelandic Impersonal Sentences with Sensory Perception Predicates.....	36
<i>Lyashenko Y.</i> The Object of Change and its Representation in Syntax (Based on the Material of English-Language Texts)	43
<i>Nazina H.</i> Textotypological Aspect of Analitical Media Texts about War Conflict	50
<i>Romankevich M.</i> From Anomaly to Norm: Feminitives in Modern French Language	57
<i>Ruskevich L.</i> Expressive Speech of Esl Students: the Prosodic Aspect.....	66

Slavonic Languages

<i>Eroneitchik T. V.</i> Speech-Genre Specificity of Sports Communication in Belarus.....	73

Studies of Oriental Languages

<i>Mikhalkova N.</i> Development of the System of Determinatives of the Chinese Character Writing.....	81
<i>Yu Wei.</i> Neologisms in Financial Names in Contemporary Chinese.....	89

Applied Linguistics

<i>Haliak J., Sovpel I.</i> Autocompletion of Russian Language User Queries Formulated as Noun Phrases	101
<i>Detskina R.</i> Neural Network Model of the English-Russian Machine Translation System of Legal Texts	110

Studies in Literary

<i>Avramenko V.</i> Novel at the Junction of Philosophy and Literature	118
<i>Barycheuskaya T.</i> The Influence of The Absurdist Tradition on the Evolution of Belarusian Experimental Drama	125
<i>Rak M.</i> Artistic, Aesthetic and Genre Paradigm of Works by Ludmila Rubleuskaya and Diane Setterfield.....	134
<i>Skoropanova I.</i> Central Asian Component in the Works of Lyubov Turbina	141

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК (811.111+811.161.3)'36:070

Динькевич Алевтина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской
филологии
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь

Alevtina Dinkevich
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Romano-Germanic Philology
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
alevtina797979@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ

GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING EMOTIVENESS IN ENGLISH AND BELARUSIAN INTERVIEWS

В статье анализируются грамматические способы выражения эмоций в медиа-дискурсе интервью на английском и белорусском языках. Автор выделяет круг грамматических средств морфологического и синтаксического уровней, участвующих в вербализации эмоциональных состояний говорящих. Спектр эмоций, передаваемых в интервью, включает как положительные, так и негативные оттенки.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: *грамматика; эмотивность; грамматические средства; интервью; английский язык; белорусский язык.*

The research focuses on the grammatical means of expressing emotiveness in English and Belarusian interviews. The article describes morphological and syntactic linguistic units employed for showing the speaker's emotional state. The analysis of the interviews demonstrates that morphological units of expressing emotions in English include Continuous Tense forms and the emphatic *do*, while in Belarusian, the transpositioned forms of the Present Tense and diminutive elements are used. The syntactical means of expressing emotions in both languages include repetitions, parceled syntactic structures, rhetorical questions, exclamatory sentences.

К e y   w o r d s: *grammar; emotiveness; grammatical means; interview; English language; Belarusian language.*

Эмоции в лингвистике являются объектом пристального изучения на протяжении нескольких десятилетий [1; 2; 3]. В фокусе внимания исследователей в настоящее время находится проблема репрезентации эмоций говорящим при помощи разнообразных языковых средств. Для рассмотрения вербальных средств выражения эмоциональности лингвистами было введено понятие *эмотивности*. В широком смысле эмотивность трактуется как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональное состояние психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные

эмоции [1]. Под эмотивностью понимаются также вербальное выражение эмоций [4], свойство конкретных языковых средств, которые употребляются для передачи эмоций в речевом акте и способны произвести соответствующий эффект на слушателя или читателя [5], чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний говорящего [6].

Как известно, воздействие на эмоциональную сферу человека – одна из функций языковой системы в целом. Эмотивность является выражением эмоций говорящего разнообразными языковыми средствами. Эмоции реализуются на всех уровнях языковой системы – от фонетического до синтаксического, текстового [7, с. 235].

Интервью – живой процесс речевого взаимодействия между участниками коммуникации. В ходе интервьюирования происходит не только обмен речевыми высказываниями, информацией, но и эмоциями. Наибольший выход человеческим эмоциям обеспечивает диалогическая речь [8, с. 55]. Этот факт и обусловил выбор дискурса интервью в качестве материала настоящего исследования.

Анализ языкового материала показал, что эмоциональное состояние в дискурсе интервью может быть выражено средствами морфологического уровня. Так, в английском языке эмоции могут передаваться при помощи форм длительного вида (Continuous), так как их употребление имеет субъективный характер и зависит от отношения говорящего или пишущего к высказыванию:

(1) *Rowling: They think Dumbeldore's a goner.*

Couric: So it's not true?

Rowling: I'm not saying that [9].

Видовременная форма Present Continuous **am not saying** ‘я не говорю’ в приведенном примере выражает действие, носящее временный характер. Однако употребление здесь этой формы нельзя объяснить только с точки зрения грамматического значения, так как она призвана придать действию большую выразительность и наглядность. В контексте ощутимо проявляются эмоциональная окраска и субъективность, присущие формам Continuous. Использование формы длительного вида в данном контексте способствует передаче психоэмоционального состояния говорящего, то есть его волнения.

Вербализации эмоций способствует и употребление в формах длительного вида глаголов, относящихся к группе статальных и имеющих семантические ограничения на употребление в данной форме. В англоязычных интервью в форме Continuous зафиксировано использование статального глагола *be* ‘быть’ в роли глагола-связки с предикативными прилагательными. Имена прилагательные, выступая в роли предикативов, выражают временные характеристики, проявляющиеся в данной конкретной ситуации. В приводимых ниже примерах при помощи сказуемых с глаголом *be* с предикативным прилагательным передаются упрек (2), неуверенность (3):

(2) *I don't think he **was being** fair. I picked up an injury and that put me back a bit. But I got myself fit again and got back in the team and just tried my best* [10];

(3) *I'm probably **being** overly **sensitive** about it <...>. What I mean is that there's a whole range of people who are doing really, really good work...* [11].

Особую эмфазу и выразительность высказыванию придает вспомогательный глагол *do* в эмфатической функции. Употребляя данный глагол, говорящий может передавать одобрение, поддержку (4) или, наоборот, выражать недовольство (5):

(4) *The Republic **did** bring some important advances. For the first time, secular schools were created to educate children. The Republic was also the first government that gave equality to women. Women could now vote, women could now be elected and be educated* [12];

(5) *Some people say the TUC should do more, but they **do** need to be clear: what is it they are asking the TUC to do? Do they want a general strike against the Act?* [13].

В англоязычных интервью для передачи эмоций также используются окказиональные глагольные структуры, нетипичные для английской грамматической традиции, но обладающие свойством маркирования эмоционального состояния говорящего:

(6) *I don't want to increase the burden of guilt and anxiety for pregnant women. **We're going to be hearing** a lot more ... in the years to come and I want to offer a positive, productive way of providing information ...* [14].

Сказуемое *We're going to be hearing* содержит два глагола в форме длительного вида: *be going to do* 'собираться сделать' обозначает высокую вероятность действия в будущем и *hear* 'слышать', который, согласно ограничениям, не может быть использован в Continuous. Такого рода конструкции, будучи неузвальными, употребляются для выражения эмоций. В примере эта структура использована для передачи сочувствия, понимания.

Выражение эмотивности грамматическими средствами в белорусскоязычных интервью обеспечивается посредством нестандартного использования временных форм глагола, например, когда настоящее время задействовано для описания событий, имевших место в прошлом:

(7) *Неспадзявана ў 1987 годзе мне **тэлефануе** каляжанка і **прапануе** стаць тытулярнай арганісткай канцэртнай залы ў старажытным Полацкім Сафійскім саборы* [15]. Говорящий в примере передает эмоции удивления, радости.

В белорусскоязычных интервью для передачи эмоций используются слова с формантами в уменьшительно-ласкательном значении. Например:

(8) *Хай нават крышку "накімараць" – на **здароўечка!*** [15].

Говорящий передает симпатию, доброжелательность, радость, воодушевление.

В интервью как на английском, так и белорусском языке отмечены синтаксические явления, которые без учета их эмотивной окраски невозможно интерпретировать. В английском языке к таковым относятся высказывания с инвертированным порядком слов:

(9) *But **long gone are the days** when people come to Charlton and respect us for having been a Premier League club or having a great stadium* [16].

В данном примере интервьюируемый испытывает эмоциональное состояние беспокойства: он уверен в необходимости действовать более активно, чтобы достичь высоких результатов в спортивной игре.

Следует заметить, что в белорусскоязычных интервью инверсия в силу типологических особенностей и отсутствия фиксированного порядка слов в предложении встречается не так часто, как в англоязычных.

Достаточно распространенным приемом реализации эмоций является синтаксический повтор. С его помощью выделяются определенные части высказывания, тождественные в смысловом отношении и занимающие сходную синтаксическую позицию, на которые приходится логическое ударение. Смысловой акцент размещается на повторяющемся слове. В интервью повтор используется для осуществления в высказывании эмфазы, что обеспечивает передачу эмоционального состояния. Например:

(10) *The film is really **beautiful and funny and dark and whimsical** and revels in the art of film-making* [17].

Синтаксический повтор именной части составного сказуемого посредством многосоюзия в данном контексте способствует передаче эмоционального состояния восхищения.

Повторяться могут как целые синтаксические структуры, включающие подлежащее и сказуемое, так и отдельные слова. Такие повторы используются для выражения широкого спектра эмоций – от восторга (11) до волнения (12):

(11) *I love **going** to the gym, I love **lifting** weights, I love **doing pull-ups and press-ups and core stability**. Love it* [18].

(12) *What I was taught was really **be specific** in your writing. **Never, never, never, never** tell the reader. Always show* [19].

В примере (12) повтор наречия *never* ‘никогда’ помогает передать волнение писателя, которое он испытывает при создании произведения.

Для вербализации эмоциональных состояний говорящих нередко используются синтаксические конструкции с противоположной семантикой. Наличие таких конструкций в высказывании также носит эмфатический характер и способствует выражению чувств и эмоций говорящего в дискурсе интервью. При помощи таких структур и в англо-, и в белорусскоязычных интервью могут выражаться эмоции разочарования (13) или раздражения (14):

(13) *Imagination is a wonderful thing, but it's also a terrible thing* [20].

(14) *Хтосьці прыходзіць на працу толькі з **планшэтам**, хтосьці з **нататнікамі**, хтосьці наогул без нічога, а я з цэлым **стосам папер*** [21].

Повторяющиеся синтаксические конструкции либо конструкции, содержащие последовательно повторяющиеся однородные члены предложения, постепенно нарастающие при перечислении, свидетельствуют о разных эмоциональных состояниях: недовольства (15), обеспокоенности, тревоги (16), радости (17):

(15) *It starts with the immigrants, then the prisoners, the terror suspects, the whistleblowers, the people that are members of extreme political parties and before long you've got rights for a very small and very privileged bunch of people who, for whatever reason, have the approval of the government* [22].

(16) *Прынамсі, наш патэнцыйны чытач, гартаючы выданне, прыслухоўваецца: ці адпавядае яно яго інтарэсам, ці будзе карысным, ці дапоўніць светапогляд* [23];

(17) *І цяпер мой зяць вельмі любіць есці тое, што мной прыгатавана. Ён кажа, што я частую шкоднай, але вельмі смачнай ежай. Тут і дранікі, і калдуны, і бабка, язык з грыбамі, расольнік, боршч...* [24].

В интервью на двух языках употребляются также парцеллированные синтаксические структуры, т.е. членение высказывания, при котором его содержание реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Подобное интонационное и структурное членение высказывания используется для актуализации наиболее важной информации и передачи эмоционального содержания. Такие парцеллированные структуры в дискурсе интервью могут выражать эмоциональные состояния волнения (18), обиды (19):

(18) *Our movement is about changing that. We stand for something better. Community. Solidarity* [13];

(19) *Цяжкасцяў было шмат: акрамя траўмаў калісьці лепшыя сябры адварочваліся ад мяне (думаю, раўнавалі да спорту). Зносін цяпер з імі няма, як і крыўды. Гэта іх выбар. Пры сустрэчы вітаемся, але не больш* [25].

В интервью на английском и белорусском языках отмечено употребление параллельных синтаксических конструкций, которые выражают эмоциональную оценочность. Такие конструкции, содержащие перечисление значимых фактов, указывают на эмоциональную реакцию раздражения (20) или, наоборот, восторга (21). Например:

(20) *Unless we all take on that responsibility and unless we make this a movement for social change, unless we tell our young people why it is that human rights are an important part of their future in this country then they will be ever more at risk from politicians who want to tear them up on a whim* [22];

(21) *Мы імкнёмся выклікаць у дзетак станоўчыя эмоцыі і жаданне прыйсці да нас яшчэ раз. Пакуль гэта атрымліваецца. Я бачу, як шырока расплюшчаныя ў іх вочы, як шчыра яны пляскаюць у далоні, з якой цікавасцю і ўсмішкай за ўсім назіраюць* [15].

Вопросительные предложения, в которых имеет место эмоциональная окраска, в дискурсе интервью обретают характер риторических. Это обусловлено, в первую очередь, эмоциональными переживаниями. Такие вопросительные предложения не являются целиком вопросительными и служат для передачи эмоционально окрашенного высказывания. В высказываниях на обоих языках отмечено, что риторические вопросы используются для выражения эмоций, например, удивления (22, 23), гнева (24), возмущения (25), тревоги (26, 27):

(22) *God! **Did you see the kids?** There are ten-year-olds, 18 and 20-year-olds and then there's our age group sprinkled through it all. I love that* [26];

(23) *...як гэта, фінансава падтрымаюць <...> ініцыятыву? І гэтыя сродкі не трэба будзе вяртаць?* [27];

(24) *Where was this government then with its £1 billion? They couldn't care less* [13];

(25) *Перад міліцыяй стаіць першачарговая задача – ахоўваць грамадскі парадак і грамадзян. Напрыклад: ідзе маці з дзіцем на пераходзе, а там музыкант, так званы «вольны мастак» спявае непрыстойную песню. **Ці спадабаецца вам такое? Што, малому вушы закрываць? І ці дапаможа гэта?*** [28];

(26) *Ёсць навучэнцы, за работай якіх я назіраю і за якіх перажываю: **а што далей?*** [29];

(27) *Успомніце, якое бывае расчараванне, калі на камп'ютары набралі тэкст, падймаецца вочы на экран, а там – англійскія літары. **А калі так у жыцці?*** [30].

Восклицательные конструкции отличаются ингерентно присущим им эмоциональным содержанием. При помощи предложений, оформленных восклицательной интонацией, как в англо-, так и белорусскоязычных интервью могут выражаться разнообразные эмоции: недовольства (28) изумления (29), восторга (30). Например:

(28) *In 2014-16 alone we lost 6,000 manufacturing jobs there. **Six thousand!** Workplaces decimated, at Michelin, at Gallaher, in Ballymena and Bombardier* [13];

(29) *Былі эпізоды, абрады з бубнам і рэальнымі шаманамі з Якуціі. Яны праводзілі самыя сапраўдныя рытуалы проста на нашых вачах, **і гэта ўсё здымалася!*** [31];

(30) *Потым дастаю гэты чыгунок, а там усё згарэла. І толькі ў цэнтры засталася чайная лыжачка кашы, якую можна было яшчэ з'есці. **Але яна была вельмі смачная!*** [Там же].

Таким образом, анализ языкового материала показал, что в английском и белорусском языках выражение эмоций в дискурсе интервью возможно при помощи разнообразных грамматических средств. В репертуар этих средств входят грамматические единицы морфологического и синтаксического уровней, отражающие типологические особенности двух языков. В интервью на английском языке к грамматическим средствам передачи эмоций можно отнести видовременные формы глагола (в частности, Continuous), а также эмфатический глагол *do* в усилительной функции. К таким же средствам в интервью на белорусском языке относятся слова с формантом в уменьшительно-ласкательном значении, а также транспозиция форм настоящего времени для выражения прошедшего действия. Репертуар синтаксического уровня, обеспечивающий трансляцию эмоционального состояния в интервью на обоих языках, включает повторы, парцеллированные синтаксические

структуры, риторические вопросы, восклицательные предложения. В английском языке эмоции также эксплицируются посредством инвертированного порядка слов. Перечисленные синтаксические средства в интервью на английском и белорусском языках используются для выражения широкого спектра эмоциональных состояний – от волнения, тревоги, раздражения, недовольства, гнева, возмущения, разочарования, удивления до восхищения, радости и восторга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987. – 190 с.
2. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, каф. языкознания, Науч.-исслед. лаб. «Язык и личность» ; редкол.: отв. ред.: С. В. ИONOва, Ю. К. Волошин, В. В. Леонтьев. – Волгоград : ЦОП «Центр», 2004. – 247 с.
3. Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию профессора В. И. Шаховского. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2013. – 370 с.
4. *Шаховский, В. И.* Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 3–13.
5. *Герасименко, И. Е.* Эмотивность как лингвистическая категория / И. Е. Герасименко, О. М. Тютрина // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2. – С. 23–25.
6. *Миронова, Н. Н.* Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : НВИ-Тезаурус, 2007. – 158 с.
7. *Маслечкина, С. В.* Выражение эмоций в языке и речи / С. В. Маслечкина // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2015. – С. 231–236.
8. *Орлова, Н. Н.* К вопросу о языковых средствах выражения эмоций / Н. Н. Орлова // Изв. Юж. федер. ун-та. Филол. науки. – 2008. – № 4. – С. 55–63.
9. *J. Rowling.* The Author with a Magic Touch [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nbcnews.com/id/8599597/#.UmhWvfmkpjg>. – Date of access : 31.03.2021.
10. Put Me On Spot. I'll Dump Germans if It Goes to Penalties // The Sun. – 2010. – 25 June. – P. 95.
11. The Once and Future Stephen King / Interview by Jill Owens [Electronic resource]. – 2006. – 22 Nov. – Mode of access : <http://www.powells.com/post/interviews/the-once-and-future-stephen-king>. – Date of access : 31.03.2021.
12. An Interview with Jos Almudever Mateu, International Brigader and Spanish Civil War Veteran [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.morningstaronline.co.uk/a-091b-An-interview-with-Jos-Almudever-Mateu,-international-brigader-and-Spanish-Civil-War-veteran#.WgrDj1u0OUk>. – Date of access : 31.03.2021.

13. Extraordinary Times in Politics : Interview of Len McCluskey [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.morningstaronline.co.uk/a-8d8a-Len-McCluskey-interview-Extraordinary-times-in-politics#.WgrDF1u0OUk>. – Date of access : 31.03.2021.
14. Why It's All Mummy's Fault – or Is It? // The Daily Telegraph. – 2010. – 3 November. – P. 26.
15. Хілько, Х. Ксенія Пагарэлая: “Запускаю ў нябёсы з труб чароўных галасы” / Х. Хілько // Алеся. – 2017. – 30 авг. – С. 15.
16. Man on a Mission // London Evening Standard. – 2012. – 17 Aug. – P. 64.
17. Now Burton Gets Animated about Frankenstein and His Pet Dog // London Evening Standard. – 2012. – 23 Aug. – P. 3.
18. Victoria's Secrets // London Evening Standard. – 2012. – 23 Aug. – P. 37.
19. The Once and Future Stephen King / Interview by Jill Owens [Electronic resource]. – 2006. – 22 Nov. – Mode of access : <http://www.powells.com/post/interviews/the-once-and-future-stephen-king>. – Date of access : 31.03.2021.
20. Watch in Full: Madeleine McCann's Parents' Heartbreaking Interview on 10th Anniversary of Daughter's Disappearance [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.mirror.co.uk/news/madeleine-mccann-watch-full-interview-10326286>. – Date of access : 31.03.2021.
21. Любажэвіч, Д. Ганна Любянкова: «Расказваць пра спорт з экрана было маёй марай» / Д. Любажэвіч // Звязда. – 2017. – 27 кастр. – С. 3.
22. The Cheapening of the Meaning of Human Existence [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.morningstaronline.co.uk/a-30c1-The-cheapening-of-the-meaning-of-human-existence#.WgrCplu0OUk>. – Date of access : 31.03.2021.
23. Весялуха, М. Кацярына Захарэвіч: «Бярозка» перамен не баіцца! / М. Весялуха // Звязда. – 2017. – 6 крас. – С. 4.
24. Асташкевіч, І. Галіна Мельнікава: «Радуюся, калі ўдаецца дапамагчы ...» / І. Асташкевіч // Звязда. – 2017. – 22 лют. – С. 3.
25. Навічэнка, Я. Самы важны бой – наступны / Я. Навічэнка [Электронны рэсурс] // Газета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2017. – 9 ліпеня. – Рэжым доступу : <http://www.gazeta.bsu.by/2017/07/samy-vazhny-boj-nastupny-pra-karate-gavoryc-anton-isakou/>. – Дата доступу : 31.03.2021.
26. Swift, J. If this wasn't my job, I'd still do it just for the fun of it... I love playing // The Sun. – 2010. – 25 June. – P. 66.
27. Сеген, Т. Галоўнае – не баяцца, або Эксперыменты для ўстойлівага развіцця / Т. Сеген // Звязда. – 2017. – 15 лют. – С. 8.
28. Арэф'ева, Д. Як «зачапіць прахожага», ці Ад чаго залежныя вулічныя музыкі / Д. Арэф'ева // Звязда. – 2017. – 5 студз. – С. 4.
29. Ваўчок, Ю. Сітуацыя «голага караля», або кансерватыўная адукацыя / Ю. Ваўчок // Бярозка. – 2016. – 15 кастр. – С. 32.
30. Дзядзюля, А. Шлях Жэкі. Ад падвала з пацукамі да ўласнага брэнда / А. Дзядзюля // Звязда. – 2017. – 3 лют. – С. 4.
31. Савіцкая, Ю. Актрыса Таццяна Чардынцава: «Працуючы, не думаю, як быць у кадры прыгожай» / Ю. Савіцкая // Звязда. – 2017. – 10 лют. – С. 5.

Поступила в редакцию 19.04.2021

Жук Васіль Ігаравіч

выкладчык кафедры замежных моў
Белорусскі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Vasili Zhuk

Lecturer of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical University named
after Maxim Tank
Minsk, Belarus
ubimgr@mail.com

ГІПАНІМІЧНЫЯ АДНОСІНЫ Ў ГРУПЕ АЛЬФАКТОРНЫХ АД'ЕКТЫВАЎ (на базе англійскай і беларускай моў)

HYPONIMY IN THE GROUP OF OLFATORY ADJECTIVES (Based on English and Belarusian Languages)

У артыкуле разглядаюцца ад'ектывы альфакторнага поля ў англійскай і беларускай мовах, выяўляюцца мадэлі ўтварэння другасных лексіка-семантычных варыянтаў і ўста-наўліваюцца тыпы гіпанімічных адносін у сэнсавых структурах англійскіх і беларускіх прыметнікаў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *альфакторнае поле; эквівалент; лексіка-семантычны варыянт; гіпанімія; мадэль пераходу; другасная намінацыя.*

The article examines olfactory field adjectives in English and Belarusian languages. Models of secondary lexical-semantic variants and sets of hyponimic relations in the sensory structures of English and Belarusian adjectives are analyzed.

K e y w o r d s: *olfactory field; equivalent; lexical-semantic variant; hyponymy; transition model; secondary nomination.*

Сістэмны падыход да лексікі мовы і вобласці яе значэнняў даў штуршок да шматлікіх даследаванняў, у якіх разглядаецца магчымасць апісання слоўнікавага складу мовы ў тэрмінах іерархічнай, таксанамічнай класіфікацыі адзінак.

Самым універсальным вымярэннем лексічнага запasu, якое арганізуе яго ў цэласную іерархічную структуру, прызнаны ў сучаснай лінгвістыцы рода-відавныя адносіны, што атрымалі назву *гіпаніміі*. Анталагічнай асновай гіпаніміі з'яўляецца ідэя, што аб'екты асяроддзя, падобныя паміж сабой у большай ці меншай ступені на розных узроўнях абагульнення, утвараюць іерархію агульнага і прыватнага. Словы, якія называюць больш спецыфічныя, відавныя паняцці, – гіпонімы, з'яўляюцца падначаленымі ў логіка-семантычным дачыненні да слоў, якія абазначаюць больш агульныя, родавыя паняцці, – гіперонімаў.

Гіпанімія як кагнітыўны аналаг размеркавання прымет знаходзіць адлюстраванне як у семантыцы назваў рэчаў, так і ў семантыцы назваў прымет і якасцей. Навуковыя ўяўленні аб гіпаніміі на гэтых адрэзках лексіка-семантычнай прасторы актыўна даследуюцца ў сучаснай лінгвістыцы.

Вывучэнне структуры лексікі, якая вербалізуе працэс успрымання асяроддзя, і спосабаў яе фарміравання ў мовах дазваляе глыбей зразумець семантыку дадзеных пластоў лексікі, а таксама ўстанавіць асаблівасці ўспрымання рэчаіснасці носбітамі розных культур [1].

Гіпероніма-гіпанімічныя адносіны выяўляюцца ў розных тэматычных групам. Звычайна прычынай з'яўляецца той факт, што ў мове адсутнічаюць спецыяльныя назвы элементаў семантычнага поля. Па гэтай прычыне ЛСВ з шырокай дэнататыўнай суадноснасцю набываюць вузкасפעцыялізаваныя значэнні, прыстасаваныя для абазначэння спецыфічных з'яў, працэсаў, адчуванняў і г.д.

У якасці прыкладу разгледзім некалькі адзінак англійскай мовы, якія пазначаюць альфакторныя характарыстыкі, вызначым наяўнасць у іх другасных намінацый і параўнаем з эквівалентамі беларускай мовы. У межах дадзенага артыкула скарыстаемся адзінкамі, прыведзенымі ў артыкуле “75 Words That Describe Smells – A Resource For Writers” [2], які змяшчае 75 адзінак лексічнага поля «Пах», размежаваных па катэгорыях “General Words Describing Smells” (агульныя словы, якія апісваюць пахі), “Words That Describe Unpleasant Smells” (словы, якія апісваюць непрыемныя пахі), “Words That Describe Pleasant Smells” (словы, якія апісваюць прыемныя пахі) і “Words That Smell Like Something” (словы, якія называюць пах чагосці). Адзначым, што ў матэрыяле кожная адзінка падаецца з тлумачэннем альфакторнага значэння на англійскай мове. Таксама па меры неабходнасці будзем звяртацца да Oxford Advanced Learner's Dictionary (Оксфардскага тлумачальнага слоўніка) [3] і онлайн-варыянта Cambridge Dictionary (Кембрыджскага слоўніка) [4]. Для аналізу эквівалентаў беларускай мовы скарыстаемся Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы. У межах дадзенага даследавання абмяжуемся выбаркай пяці адзінак у кожнай з трох першых катэгорый.

У першую групу ўключаюцца прыметнікі *faint* ‘слабы’, *powerful* ‘моцны’, *heavy* ‘цяжкі’, *comforting* ‘заспакойлівы’, *delicate* ‘далікатны’.

Faint згодна з Кембрыджскім слоўнікам мае тлумачэнне ‘that cannot be clearly seen, heard or smelt’ (які не можа быць выразна ўбачаны, пачуты ці ўспрыняты органамі нюху) і характарызуе інтэнсіўнасць уздзеяння на сэнсарныя сістэмы ўспрымання. Другаснае значэнне гэтага ад’ектыва ‘very small; possible but unlikely’ (вельмі нязначны; магчымы, але малаверагодны) адлюстроўвае пераход ад сферы пачуццёвага ўспрымання да катэгорыі абстрактных паняццяў на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці. Прыметнік *слабы* ў беларускай мове мае асноўнае значэнне ‘які мае невялікую фізічную сілу, недастаткова дужы фізічна’ і ў дачыненні да пахаў адлюстроўвае пераход ад катэгорыі фізічнага ўздзеяння да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці (напрыклад, *слабы водар*).

Powerful у англійскай мове мае значэнне ‘having great power or force; very effective’ (які мае вялікую моц або сілу; вельмі эфектыўны), якое ў дачыненні да пахаў трактуецца як ‘a strong smell’ (моцны пах). Беларускі ад’ектыў *моцны* тлумачыцца ‘які цяжка парваць, разбіць, зламаць і пад.; трывалы’, што ў дачыненні да пахаў абазначае ‘насычаны, канцэнтраваны; не

разбаўлены’, ‘значны па ступені свайго праяўлення, моцы, велічыні’. Абодва ЛСВ утвораны шляхам пераходу ад катэгорыі фізічнага ўздзеяння да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці.

Heavy падаецца Кембрыджскім слоўнікам як ‘weighing a lot; difficult to lift or move’ (які шмат важыць; які цяжка падняць або зрушыць). У дачыненні да пахаў гэтае значэнне змяняецца на ‘a sweet and strong smell’ (салодкі і моцны пах). Асноўная дэфініцыя беларускай адзінкі *цяжкі* ‘які мае вялікую вагу, з грузам вялікай вагі’ ў дачыненні да альфакторнай прасторы абазначае ‘вельмі густы, моцны, непрыемны’ пах. Альфакторныя дэфініцыі фарміруюцца шляхам пераходу ад катэгорыі вагавага ўздзеяння да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці.

Comforting у першасным значэнні абазначае ‘making you feel calmer and less worried or unhappy’ (які прымушае адчуваць сябе больш спакойна і менш хвалявацца) у дачыненні да пахаў набывае значэнне ‘pleasant aroma’ (прыемны водар), што можна лічыць кантэкстуальным звужэннем значэння з пераходам прыметніка ў сферу пачуццёвага ўспрымання. Беларускае слова *заспакойлівы* мае дэфініцыю ‘які заспакойвае, прыносіць заспакаенне’, аднак прыкладаў ужывання адзінкі ў дачыненні да апісання альфакторных феноменаў у Беларускім нацыянальным корпусе не зарэгістравана.

Delicate ужываецца з тыповай намінацыяй ‘easily damaged or broken’ (які лёгка пашкодзіць ці зламаць). Пры выкарыстанні для апісання пахаў ад’ектыў набывае дэфініцыю ‘subtle, faint, smell that is not overpowering’ (лёгкі, слабы, не вельмі выразны пах), адбываецца пераход ад катэгорыі фізічнага ўздзеяння да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці. У беларускай мове прыметнік *далікатны* мае першаснае значэнне ‘ветлівы, ласкавы ў абыходжанні з людзьмі; уважлівы, паслужлівы’. Другаснае значэнне ‘прыемны на смак, пах, гучанне’ фарміруецца шляхам пераходу ад катэгорыі міжасобасных адносін да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці.

У другую катэгорыю ўключаны прыметнікі *acid* ‘едкі’, *damp* ‘вільготны’, *fetid* ‘смуродны’, *frowsty* ‘затхлы’, *funky* ‘дрэнны’.

Acrid у англійскай мове падаецца як ‘having a strong, bitter smell or taste that is unpleasant’ (які мае моцны, горкі пах ці непрыемны смак) і ўжываецца пераважна для апісання альфакторных або густаторных адчуванняў. Часам гэты ад’ектыў можа выкарыстоўвацца для апісання сапсаваных рэчываў, якія маюць непрыемны смак або пах: *the water here looks acrid, but tastes well enough* ‘вада тут выглядае застаялай, але на смак дастаткова добрая’. У гэтым выпадку адбываецца пераход ад візуальнай да густаторна-альфакторнай характарыстыкі на аснове крытэрыя падабенства або сумежнасці. У беларускай мове прыметнік *едкі* мае больш шырокае значэнне ‘які раз’ядае, разбурае што-небудзь хімічна’, аднак актыўна ўжываецца для характарыстыкі пахаў, у першую чаргу, прадуктаў гарэння і выпарэнняў, якія аказваюць раздражняльны эфект. Адбываецца пераход ад катэгорыі фізічнага ўздзеяння едкіх матэрыялаў (здольнасці ўступаць у актыўныя хімічныя рэакцыі) да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання.

Damp мае першаснае значэнне ‘slightly wet, often in a way that is unpleasant’ (злёгка вільготны, часта непрыемна), у дачыненні да пахаў змяняецца на ‘a wet smell’ (вільготны пах), спецыфічны пах, характэрны для тэрыторый ці памяшканняў з высокім узроўнем вільготнасці. Беларуская адзінка *вільготны* пазначаецца як ‘насычаны, пакрыты вільгацю; мокры’ і ў дачыненні да пахаў набывае значэнне, блізкае прыведзенаму для англійскай мовы. Такім чынам, у абодвух выпадках адбываецца пераход ад катэгорыі фізічнага стану да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове крытэрыя падабенства квалітатыўных характарыстык.

Fetid у англійскай мове ўжываецца са значэннем ‘smelling very unpleasant’ (які пахне вельмі непрыемна) і зрэдку выкарыстоўваецца для апісання вельмі дрэнных, непрыемных сітуацый або месцаў. У беларускай мове слова *смуродны* мае дэфініцыю ‘які дрэнна пахне, смярдзіць’. Як і англійскі прыметнік, беларускі эквівалент можа апісваць фізічныя аб’екты, якія вылучаюць непрыемны пах, а таксама непрыемныя адцягненыя паняцці. Такім чынам, у абедзвюх мовах ажыццяўляецца пераход ад густаторна-альфакторнай характарыстыкі да катэгорыі абстрактных паняццяў.

Frowsty мае дэфініцыю ‘smelling bad because there is no fresh air’ (які дрэнна пахне, бо няма свежага паветра) і можа ўжывацца для апісання непрыемных, змрочных, брудных ці старых памяшканняў. Прыметнік *затхлы* пазначаецца як ‘з пахам сырасці, гнілі; застаялы, заляжалы, нясвежы’ і можа ўжывацца для апісання будынкаў ці памяшканняў у аналагічным кантэксце. У абедзвюх мовах вызначаецца пераход ад сферы пачуццёвага ўспрымання да апісання стану на аснове крытэрыя падабенства якасных характарыстык.

Funky падаецца як ‘having a strong unpleasant smell’ (які мае моцны непрыемны пах) і можа ўжывацца для апісання прадуктаў, якія верагодна сапсаваліся і вылучаюць непрыемны пах. Беларускі ад’ектыў *дрэнны* мае дэфініцыю ‘з адмоўнымі якасцямі або ўласцівасцямі; недавальняючы’, але можа ўжывацца ў дачыненні да пахаў з адмоўнай канатацыяй. Магчыма меркаваць, што ў абедзвюх мовах адбываецца пераход ад сферы пачуццёвага ўспрымання да апісання якасці на аснове крытэрыя пеяратыўнасці.

Да трэцяй групы адносяцца прыметнікі *savory* ‘салёны’, *aromatic* ‘духмяны’, *rich* ‘багаты’, *delicious* ‘смачны’, *fresh* ‘свежы’.

Savory падаецца як ‘tasting of salt; not sweet’ (саланаваты на смак; не салодкі), якая пры апісанні пахаў змяняецца на ‘having a pleasant taste or smell’ (які мае прыемны смак або пах). Адбываецца пераход ад катэгорыі смаку да альфакторнага поля на аснове крытэрыя сумежнасці. Беларуская адзінка *салёны* мае дэфініцыю ‘які ўтрымлівае ў сабе соль, насычаны соллю’ і ўжываецца для апісання як густаторных, так і альфакторных адчуванняў (напрыклад, *салёны вільготны вецер*). Другасная дэфініцыя гэтай адзінкі ‘дасціпны да рэзкасці, непрыстойнасці’ характарызуецца пераходам ад катэгорыі смаку да характарыстыкі маўлення чалавека, насычанасці яго рэзкімі выразамі, грубымі словамі (напрыклад *салёнае слоўца*, *салёны анекдот*).

Aromatic мае значэнне ‘having a pleasant smell that is easy to notice’ (які мае прыемны пах, які лёгка заўважыць) і можа быць ужыта для апісання аб’ектаў, якія маюць спецыфічны пах, ажыццяўляючы пераход ад сферы пачуццёвага ўспрымання да апісання аб’екта на аснове крытэрыя падабенства або сумежнасці. У беларускай мове слова *духмяны* тлумачыцца як ‘з моцным прыемным пахам; пахучы’. Беларускае слова можа быць ужыта для характарыстыкі прадметаў, але валодае і больш шырокім кантэкстам, здзяйсняючы пераход ад сферы пачуццёвага ўспрымання да катэгорыі месца ці часу на аснове сумежнасці або эмацыянальнай сувязі.

Rich мае зыходную дэфініцыю ‘having a lot of money or property’ (які мае шмат грошай або маёмасці), якая ў дачыненні да пахаў змяняецца на ‘a smell that is strong in a pleasant way’ (моцны прыемны пах). Беларускі прыметнік *багаты* мае аналагічнае першаснае значэнне ‘які жыве ў поўным дастатку, валодае вялікай маёмасцю, грашовымі сродкамі, заможны’ і падобна англійскаму эквіваленту ўжываецца для апісання моцных прыемных пахаў, у прыватнасці напіткаў. Такім чынам, у абедзвюх мовах ажыццяўляецца пераход ад катэгорыі колькаснага аб’ёму да катэгорыі пачуццёвага ўспрымання на аснове квантытатывнай характарыстыкі.

Delicious падаецца як ‘having a very pleasant taste or smell’ (які мае вельмі прыемны смак ці пах), аднак яго другасны ЛСВ мае больш шырокае значэнне і абазначае ‘extremely pleasant’ (надзвычай прыемны). Адбываецца пашырэнне значэння адзінкі за межы альфакторнага і густаторнага палёў у сферу пачуццёвага ўспрымання. Беларуская адзінка *смачны* падаецца як ‘прыемны на смак; апетытны’ і можа ўжывацца для апісання станоўчых альфакторных адчуванняў са значэннем ‘прыемны пах’, а таксама як сінонім да слоў *каларытны* або *сакавіты*. Такім чынам, можна лічыць, што ў дачыненні да прыметніка *смачны* пераход адбываецца ад густаторнай характарыстыкі да катэгорыі абстрактных паняццяў на аснове крытэрыя меліяратывнасці.

Fresh мае першасную дэфініцыю ‘recently produced or picked and not frozen, dried or preserved’ (нядаўна выраблены або сабраны, а не замарожаны, сушаны ці кансерваваны). Ад’ектыў *свежы* валодае эквівалентнымі дэфініцыямі ‘які не страціў сваіх натуральных якасцей’, ‘чысты, нічым не забруджаны, які часта абнаўляецца’. Такім чынам, для абодвух прыметнікаў адбываецца пераход ад катэгорыі стану ці якасці да альфакторнага поля на аснове падабенства па якаснай прымеце.

Сярод абраных для аналізу адзінак англійскай мовы 7 ад’ектываў маюць першаснае альфакторнае значэнне і развілі другасныя неальфакторныя ЛСВ, 8 прыметнікаў маюць першасную неальфакторную дэфініцыю з другаснымі альфакторнымі ЛСВ.

Сярод прыметнікаў беларускай мовы 2 словы маюць першаснае альфакторнае значэнне і развілі другасныя неальфакторныя ЛСВ, 12 лексічных адзінак маюць першасную неальфакторную дэфініцыю з другаснымі альфакторнымі ЛСВ, і 1 прыметнік (*заспакойлівы*) не мае кадыфікаванай альфакторнай дэфініцыі.

Сярод абраных для аналізу прыметнікаў гіпанімія выразна праяўляецца ў ад’ектывах англійскай мовы *comforting* і *delicious*. Абодва словы маюць выразную меліяратыўную канатацыю і захоўваюць яе ў другасных ЛСВ. Другасная дэфініцыя адзінкі *delicious* пашыраецца за межы альфакторнага і густаторнага палёў і пачынае апісваць любое прыемнае адчуванне ўвогуле. *Comforting*, наадварот, ажыццяўляе зрух ад агульнага апісання прыемных адчуванняў да альфакторнай характарыстыкі. Для эквівалентных адзінак альфакторнага поля беларускай мовы гіпанімія не ўласціва.

Прыведзенае размеркаванне сведчыць аб істотна адрозным падыходзе да ўтварэння альфакторных намінацый у англійскай і беларускай мовах. Эквівалентныя або вельмі блізкія ў перакладзе адзінкі беларускай мовы значна радзей уключаюць у склад першаснай дэфініцыі альфакторны кампанент, фарміруючы яго ў якасці другаснага ЛСВ. У той жа час магчыма канстатаваць, што тэндэнцыя набываць неальфакторнымі лексэмамі альфакторных ЛСВ існуе ў значнай ступені як у беларускай, так і ў англійскай мове.

Пры фарміраванні другасных намінацый сярод аналізуемых ад’ектываў можна вылучыць наступныя мадэлі пераходу значэнняў і колькасць адзінак, у якіх яны зарэгістраваны:

- на аснове крытэрыя падабенства характарыстык – 6 ад’ектываў з англійскай мовы, 4 – з беларускай;
- на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці або тыпу ўздзеяння – 5 слоў з англійскай мовы, 8 – з беларускай.
- на аснове пеяратыўнай або меліяратыўнай канатацыі – 2 адзінкі, па адной з кожнай мовы;
- на аснове кантэкстуальнага пашырэння або звужэння дэфініцыі – 2 прыметнікі з англійскай мовы;
- пераход ад густаторна-альфакторнай характарыстыкі да катэгорыі абстрактных паняццяў – 2 адзінкі, па адной з кожнай мовы.

На аснове атрыманых вынікаў магчыма меркаваць, што для англійскай мовы найбольш характэрна ўтварэнне другасных ЛСВ на аснове падабенства, а таксама з дапамогай кантэкстуальнага пашырэння або звужэння дэфініцыі, у той час як для беларускай мовы больш тыповым з’яўляецца ўтварэнне ЛСВ на аснове характарыстыкі інтэнсіўнасці або ўздзеяння. Абедзвюм мовам у роўнай ступені ўласціва фарміраванне другасных дэфініцый на аснове пеяратыўнай або меліяратыўнай канатацыі, а таксама шляхам пераходу ад густаторна-альфакторнай характарыстыкі да катэгорыі абстрактных паняццяў.

Такім чынам, тыповыя другасныя намінацыі могуць развівацца як па аналагічным шляху семантычнай дэрывацыі за кошт аналагічнай дэрывацыйнай базы, так і па асобнаму. На дадзены момант стан разглядаемай лексікі – гэта вынік працяглага гістарычнага развіцця. Негледзячы на невысокі колькасны паказчык ілюстрацыйнай выбаркі, можна меркаваць, што абедзве мовы праяўляюць сярэдняю ступень паралелізму семантычнай дэрывацыі, бо агульнае ў мадэлях рэгулярнай семантычнай дэрывацыі

дэтэрмінуецца ў першую чаргу дэрывацыйнай базай і агульнасцю вобразаў, якія выкліканы ўспрыманням аб’ектыўнай рэчаіснасці носьбітамі дзвюх моў. Нацыянальна спецыфічнае ў мадэлях семантычнай дэрывацыі абумоўлена рознай моўнай свядомасцю, якая ўспрымае і арганізуе канцэптуалізацыю свету пэўным чынам і адпаведна, рознымі відамі дзейнасці, мадэлямі паводзін, якія рэпрэзентуюцца ў лексічным складзе дзвюх моў.

ЛІТАРАТУРА

1. Баранова, Е. Структурные типы ольфакторной лексики в английском и русском языках / Е. Баранова // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур: материалы XVII Междунар. студ. науч. конф., Донецк, 23–24 апр. 2019 г. / под общ. ред. С. Е. Кремзиковой. – Донецк: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019. – 446 с. – С. 38–40.
2. 75 Words That Describe Smells – A Resource For Writers // Writers Write [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://www.writerswrite.co.za/75-words-that-describe-smells/> – Date of access: 14.02.2021.
3. Oxford Advanced Learner’s Dictionary // Oxford Learner’s Dictionaries [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Date of access: 14.02.2021.
4. Cambridge English Dictionary // Cambridge University Press [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/> – Date of access: 14.02.2021.

Поступила в редакцию 31.03.2021

УДК 811.111’42:811.161.1 (045)

Иванов Артур Эдуардович
аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь,

Artur Ivanou
Postgraduate Student of the Department
of Speechology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
arthur_ivanov94@mail.ru

МОДЕЛЬ КООПЕРАТИВНОСТИ ОБЩЕНИЯ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

THE MODEL OF SPEECH COOPERATION IN CONVERSATIONAL DISCOURSE

Статья посвящена проблеме соблюдения правил речевого общения при актуализации кооперативных стратегий в разговорном дискурсе на английском и русском языках. В результате проведенного исследования были выявлены следующие типы модификаций

коммуникативного кодекса: лингвокультурные, дискурсивные (функциональные) и субъективные. Определена модель трансформаций в процессе построения кооперативной программы общения. Установлена частотность употребления каждого типа модификаций в англо- и русскоязычном разговорном дискурсе.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: *разговорный дискурс; правила речевого общения; кооперация; кооперативные стратегии и тактики; лингвокультура; дискурсивные роли.*

The paper discusses the role of pragmatic principles in the process of implementing cooperative strategies in English-language and Russian-language conversational discourse. The following types of communicative code modifications have been identified: linguocultural, discursive (functional) and subjective. The research also determines a model of transformations relevant for the construction of a cooperative programme of communication. The frequency of modifications in the given discourse type is determined.

Key words: *conversational discourse; principles of pragmatics; cooperation; cooperative strategies and tactics; linguoculture; discursive roles.*

К началу XXI века в языкознании сформировались и укрепились несколько концепций понимания кооперативности человеческой коммуникации. В частности, был разработан принцип кооперации Г. П. Грайса, согласно которому вклад каждого из коммуникантов соответствует цели общения, выработанной совместно [1]. Позднее Дж. Личем был постулирован принцип вежливости, сущность которого заключается в существовании шести максим общения, а именно максим такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии, поддерживающих дружеские отношения между собеседниками, способствующих укреплению социального равновесия и взаимопомощи в обществе [2]. Одним из главных правил речевого общения признается принцип сохранения лица П. Браун и С. Левинсона, в соответствии с которым у каждого индивида есть «позитивное лицо» (формирование положительного имиджа в глазах коммуникативного партнера) и «негативное лицо» (стремление оберегать и защищать свободу своих действий) [3]. Все вместе упомянутые выше принципы речевого общения, их максимы и постулаты формируют коммуникативный кодекс говорящего, направленный на поддержание эффективной, бесконфликтной, приемлемой для всех участников речевой интеракции.

Тем не менее до сих пор остается актуальным вопрос кооперативности используемых коммуникантами речевых действий в контексте стратегичности коммуникации. Так, к настоящему времени сформировались два подхода к пониманию данной проблемы. Согласно первому из них, оппозиция кооперативность–конфронтационность является перманентной характеристикой практически любой коммуникативной стратегии, в том числе тех, которые зачастую рассматриваются как классические бесконфликтные, например, утешение [4; 5; 6]. Это объясняется рядом причин: во-первых, употреблением неконвенциональных коммуникативных ходов, во-вторых, несоответствием уровней понимания используемых собеседниками стратегий [4, с. 42].

Согласно второму из них, выделяются глобальные стратегии – кооперации, конфронтации и дистанцирования, сущность которых заключается в определении направленности партнеров по общению, т.е. «на собеседника, против него или его игнорирование» [7, с. 9], другими словами, их установки на общение [8, с. 27]. Следует подчеркнуть, что данная концепция также основывается на существующих принципах речевого общения, однако ее отличие заключается в постулировании глобальной, более общей цели коммуникации. В случае кооперации такой целью является стремление наладить и поддержать дружеские, миролюбивые отношения, и впоследствии данная гиперстратегия реализуется набором более частных. Подобная концепция более приемлема для проведения данного исследования: изучается только один тип дискурса – разговорный, а материалом послужили сугубо кооперативные контексты. Тем не менее, на наш взгляд, приведенные выше подходы отличаются уровнем абстракции и в то же время не противоречат друг другу, а выбор одного из них в качестве основания для проведения исследования зависит от его конкретных целей и задач.

Однако на фоне сказанного важным представляется вывод о том, что принципы речевого общения, обеспечивающие его кооперативность, не являются универсальными и могут преломляться в зависимости от различных условий. В соответствии с данным тезисом одной из задач настоящего исследования является установление причин вариативности параметров кооперативной коммуникации, а целью – определение модели кооперативности (или кооперации) в разговорном дискурсе на английском и русском языках в контексте тактико-стратегического подхода. Материалом для исследования послужили 300 англо- и русскоязычных диалогов, изолированных из художественных фильмов британского и белорусского производства. Необходимым для соблюдения условием отбора являлось то, что в каждом из диалогов реализуется хотя бы одна кооперативная стратегия.

Как уже отмечалось, универсальные принципы речевого общения могут быть модифицированы под воздействием нескольких условий. П е р в ы м из таких факторов является тип дискурса: правила могут трансформироваться, а также ранжироваться по критерию релевантности в зависимости от сферы употребления [9, с. 20]. Данное условие, однако, не совсем актуально для настоящего исследования, поскольку в работе рассматривается исключительно разговорный дискурс и его характеристики.

В т о р ы м фактором различного понимания правил речевого общения, имеющим большое значение при выборе стратегической программы, выступает лингвокультурная специфика коммуникативного поведения носителей того или иного языка, что указывается в ряде фундаментальных работ по прагматике [10; 11; 12]. Принципы, разработанные Г. П. Грайсом, Дж. Личем, П. Браун и С. Левинсоном, во многом критикуются отечественными и российскими учеными в силу их большей применимости в условиях англоязычной культуры, другими словами, ввиду большего учета рече-

поведенческих характеристик носителей английского языка [8; 11; 12]. В этой связи целесообразно привести пример русскоязычного диалога, демонстрирующего описанную выше тенденцию. В следующем эпизоде коммуникант А рассказывает своей близкой подруге (коммуниканту Б) о произошедшем с ее коллегой случае, а также выражает свое мнение по поводу сложившейся ситуации:

А: У него проблемы. Понимаешь?

Б: Он ликвидатор. Скажи честно.

А: Да ты что?!

Б: Или на атомной подводной лодке служил? Ой, ну, просто невероятно! У меня был такой «пациент»... Так намучилась, ты себе не представляешь.

А: Не, не угадала. У него психологическая травма! У него недавно девочка на столе умерла!

Б: Ах, ну, просто ужас! Какие страшные вещи творятся в мире. Вот я не думала. Ну, ты сама-то не нервничай.

А: Нет, он все правильно сделал, все, что мог. А теперь у него стресс, скальпель в руки взять не может. А хирург знаешь какой! От Бога!

Б: Ага-ага, молодец какой, ты посмотри! Бывает же такое! Я, правда, тоже таких встречала.

А: И добрый. Ты знаешь, по-настоящему такой добрый парень.

Б: Ой, кошмар... А ты его утешаешь, да? Тут утешаешь, как можешь.

На первый взгляд речевое поведение коммуниканта Б может быть расценено как некооперативное, поскольку, с одной стороны, он нарушает постулат релевантности, предписывающий придерживаться заданной темы (*у меня тоже был такой пациент*), с другой – постулат категории количества, демонстрируя излишнюю эмоциональную реакцию на реплики коммуниканта А (*Бывает же такое! Ах, ну, просто ужас!*). Тем не менее, согласно имеющимся в научной литературе указаниям на открытость и участие представителей белорусской лингвокультуры [13, с. 114], а также в целом большей эмоциональности носителей русского языка по сравнению с носителями английского [14], можно заключить, что речевая партия коммуниканта Б является адекватной сложившейся ситуации и может быть признана кооперативной. Данный тезис правомерен также по той причине, что реплики коммуниканта Б не вызывают негативной реакции у собеседника и частично могут быть эксплицированы максимами симпатии и одобрения Дж. Лича. Рассматриваемый диалог является примером реализации кооперативной стратегии искренности, актуализируемой тактиками признания (*у него девочка на столе умерла*), призыва к откровенности (*скажи честно*) и выражения эмоционально-чувственного состояния, сопряженного с аналогичным состоянием партнера по интеракции (*ой, кошмар*).

Коммуникативное поведение носителей английского языка в гораздо меньшей степени подвержено нарушениям правил речевого общения.

Несоответствия коммуникативному кодексу общения чаще всего возникают в силу условий того или иного дискурсивного пространства. Так, в англоязычном разговорном дискурсе было отмечено более частотное употребление тактики нарратива (повествование о личном жизненном опыте), при помощи которой коммуниканты устанавливают доверительные, близкие отношения. В некоторых случаях такое поведение может рассматриваться как нарушение постулата категории количества, однако в рамках разговорного дискурса оно допускается и может быть интерпретировано расширением принципа кооперации принципом функционализма, предложенным А. Н. Барановым [9]. Суть данного принципа заключается в существовании различных норм текстовой деятельности. Примером репрезентации описанной ситуации служит следующий контекст: (А) *I didn't know how he'd been in the meantime. I didn't want to guess, really, 'cause I'd brought disgrace on him and his family <...> He's had a peaceful life and, he's never forgotten me* «Я не знал, где он был все это время. Даже думать не хотел, потому что навлек позор на него самого и его семью. У него была спокойная жизнь, и он всегда помнил обо мне». – (Б) *Top of the mountain* «Вершина горы».

Третий фактор, потенциально способствующий нарушению как глобального принципа кооперации, так и коммуникативного кодекса в целом, заключается в неравномерной перцепции коммуникантами речевой партии друг друга [4]. Другими словами, участники общения могут по-разному оценивать интенции и их языковую реализацию, что может приводить к ситуации, в которой кооперативная стратегия, продуцируемая одним говорящим, воспринимается как некооперативная другим. Тем самым точно определить кооперативность/некооперативность общения не представляется возможным в силу «субъективной интерпретации коммуникативной ситуации ее участниками» [4, с. 44], а также их различной трактовки правил речевого общения. В следующем эпизоде из художественного фильма на английском языке муж (коммуникант А) пытается поддержать заболевшую жену (коммуникант Б), признаваясь в своих чувствах:

А: *I love you* «Я люблю тебя».

Б: *I know* «Я знаю».

А: *I love you even when you're sick and look disgusting* «Я люблю тебя, даже когда ты болеешь и отвратительно выглядишь».

Б: *Go, or you'll actually miss it* «Иди давай, или опоздаешь».

А: *Did I mention that I love you?* «Я сказал, что люблю тебя?»

Б: *Yes, you did, get out, loser [smiles]* «Да, сказал, иди уже, неудачник [улыбается]».

Приведенный выше фрагмент может служить демонстрацией нарушения постулатов категории способа и категории количества со стороны коммуниканта А, который пытается усилить воздействие, повторяя одинаковые по смыслу реплики и актуализируя свою дискурсивную роль – «доброжелатель», «заботливый» (*I love you, did I mention that I love you?*).

Коммуникант Б в некоторой степени раздражен по этому поводу, однако выходит из ситуации, придавая финальной фразе шутливый тон (*Yes, you did, get out, loser [smiles]*). С точки зрения коммуниканта А, его поведение является кооперативным, поскольку ситуация требует от него дополнительной заботы и внимания, что и обусловило выбор в пользу реализации партии «благожелателя». Тем самым диалог служит ярким примером субъективной интерпретации стратегий искренности и солидаризации, а соответственно, и дискурсивных ролей коммуникантов, основанной на различном понимании правил речевого общения. В то же время речевые партии обоих партнеров могут быть признаны кооперативными с определенной долей условности.

В примере на русском языке можно зарегистрировать аналогичные тенденции. Мать (коммуникант А) и сын (коммуникант Б) обсуждают недавнюю ссору сына с отцом:

А: *Напрасно ты о нем так. Он о тебе заботится.*

Б: *Конечно, напрасно. Ему можно, а мне нельзя.*

А: *Ты не прав, мы все тебя очень любим и беспокоимся о тебе.*

Б: *А я кругом не прав. Не марширую в этой долбанной академии, не прав, музыку играю не ту...*

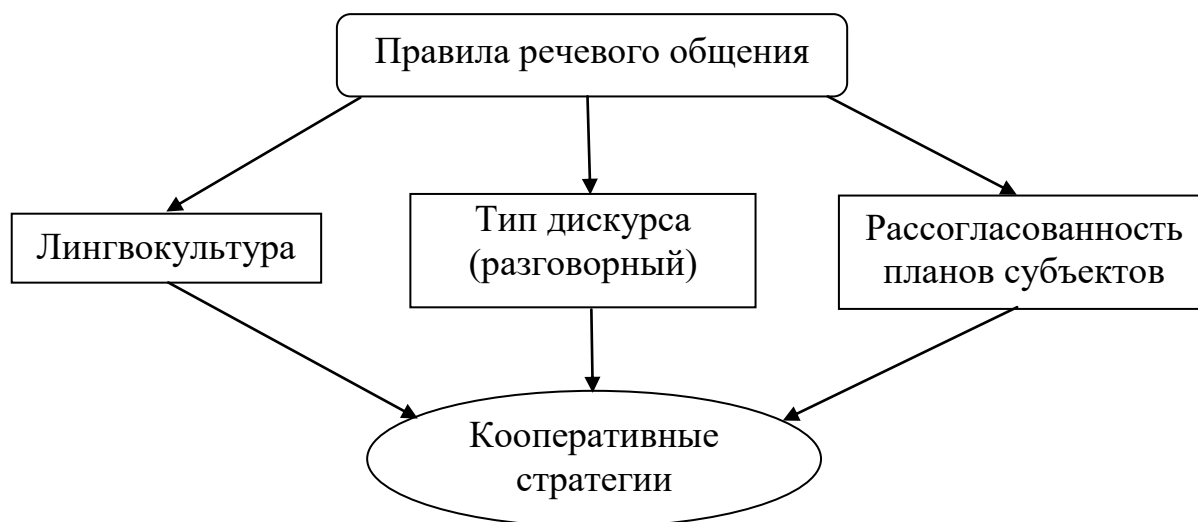
А: *Звонила сестра Марта, она тоже нервничает. Спрашивала о тебе. Я ей ничего не сказала.*

Б: *Марта... Спасибо.*

В данном диалоге коммуникант А осуществляет речевую партию «утешителя», пытаясь оказать эмоциональную поддержку коммуниканту Б (*мы все тебя очень любим*), который также проявляет недоверие по отношению к собеседнику. В то же время такое коммуникативное поведение не воспринимается коммуникантом Б как кооперативное, поскольку нарушает постулаты категории качества и отношения – «Не говори того, что считаешь ложным» и «Не отвлекайся от темы». Тем не менее последняя реплика (*спасибо*) демонстрирует определенную эффективность стратегии солидаризации, актуализируемой коммуникантом А, что в итоге позволяет рассматривать речевое взаимодействие участников диалога как кооперативное.

Особый интерес для исследования также представляют диалогические контексты, в которых наблюдаются сразу два типа трансформации кооперации, например, по причине соответствия определенному типу дискурса, в результате которого возникает модификация, а также в силу последующей рассогласованной интерпретации.

В заключение следует отметить, что соблюдение правил речевого общения служит залогом эффективной коммуникации. Тем не менее они не являются универсальными и в процессе выбора стратегий и порождения высказывания могут трансформироваться, проходя через несколько «фильтров». Модель построения такого типа коммуникации можно представить следующим образом (рисунок).

Модель формирования кооперативных стратегий в разговорном дискурсе

Сущность приведенной выше модели заключается в том, что основой кооперативных стратегий являются правила речевого общения, которые в определенных условиях могут трансформироваться, проходя через несколько «блоков». В результате такой модификации коммуникативного кодекса возникают упомянутые выше типы нарушений, под воздействием которых, тем не менее, стратегии не становятся менее кооперативными ввиду отсутствия негативного результата взаимодействия и сохранения эффективности и бесконфликтности общения. Проведенный анализ позволил установить, что в результате влияния лингвокультуры, к которой принадлежат носители языка, правила речевого общения могут меняться в 17 % случаев в английском языке и 39 % в русском. Данное различие обусловлено ориентированностью принципов кооперации, вежливости и сохранения лица на англоязычные лингвокультуры [11, с. 205] и отражается в соответствующей частотности употребления кооперативных стратегий и реализующих их тактик. Тип дискурса также имеет большое значение и влияет на трансформацию коммуникативного кодекса в 40 % случаев от общего количества нарушений в английском языке и 33 % в русском. Третьим фактором воздействия признается неравномерное понимание правил речевого общения партнерами по интеракции, что в итоге приводит к несоответствию продуцируемой и воспринимаемой дискурсивной роли (например, *утешитель* интерпретируется как *отдающий приказы*). Подобные трансформации регистрируются в 43 % случаев в англоязычном разговорном дискурсе и 28 % в русскоязычном, что зачастую отражается в различном наборе дискурсивных ролей при реализации кооперативных стратегий. Указанные модификации правил речевого общения подлежат учету при проведении исследований в области прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grice, H. P.* Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / P. Cole, & J. L. Morgan (Eds.). – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 41–58.
2. *Leech, G. N.* Principles of pragmatics / G. N. Leech. – N. Y. : Longman Group Limited, 1983. – 250 p.
3. *Brown, P.* Politeness : some universals in language usage / P. Brown, St. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 345 p.
4. *Задворная, Е. Г.* Некооперативные кооперативные стратегии / Е. Г. Задворная // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 19–20 апр. 2019 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. А. Тарасевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Ч. 3. – С. 42–44.
5. *Кошкарлова, Н. Н.* Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Кошкарлова. – Екатеринбург, 2015. – 441 л.
6. *Радюк, А. В.* Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом диалоге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Радюк. – М. : ФГОБУВПО МГИМО, 2013. – 226 л.
7. *Певнева, И. В.* Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения общедоступно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 19 с.
8. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
9. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 180 с.
10. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
11. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Т. В. Ларина. – М., 2003. – 495 л.
12. Русское повседневное общение: прагматика, культурология / И. Н. Борисова [и др.]; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. – Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2018. – 442 с.
13. *Ключенович, Т. П.* Этнолингвистическая специфика авторской ремарки в конструкциях с чужой речью (на материале белорусской и британской художественной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. П. Ключенович. – Минск : МГЛУ, 2019. – 30 с.
14. *Стернин, И. А.* Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 185 с.

Поступила в редакцию 17,05,2021

Сысоева Татьяна Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения и теории
коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Sysoyeva
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speechology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tanyaSys@tut.by

Шуляк Елизавета Артуровна
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Lizaveta Shuliak
Graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lizaveta.shuliak1999@gmail.com

ЭКСПЛИКАЦИЯ УСПЕХА КОСМЕТИЧЕСКОГО БРЕНДА В ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯХ

INTERNET POSTS PROMOTING BEAUTY BRANDS AND THEIR ACHIEVEMENTS

В статье рассматривается языковое оформление онлайн-публикаций о деятельности белорусских и зарубежных производителей косметики. Выявляются содержательно-структурные особенности корпоративного веб-сайта, устанавливаются способы маркирования информации об успехах в производстве косметических средств и высоком качестве продукции. Сообщения о белорусских организациях содержательно богаче, однако авторы публикаций на двух языках используют сходный комплекс лингвистических средств, призванных управлять вниманием читателей, а о хорошей репутации обсуждаемых брендов свидетельствуют положительные отзывы клиентов на специализированных сайтах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *корпоративный сайт; интернет-публикация; продвижение бренда; пользовательский отзыв; языковые маркеры релевантной информации; управление вниманием.*

The article sheds light on Internet posts dedicated to the effectiveness of domestic and foreign beauty brands. The content and structure of corporate websites are described, linguistic markers of relevant information about brand success and product quality are identified. Although Belarusian companies are more specific about keeping their clients informed via online messages, the linguistic means of controlling the readers' attention are uniform, and favourable client reports affirm the brands' solid reputation.

Key words: *corporate website; Internet post; brand promotion; client report; linguistic markers of relevant information; controlling attention.*

Современные условия ведения бизнеса предполагают адаптивность организации как системы и высокую скорость реагирования на быстро меняющиеся запросы субъектов деловой среды. Сказанное обуславливает поиск способов эффективного и оперативного информационного обмена

компании с внешней средой (в первую очередь, с клиентами). В подобных обстоятельствах Интернет стал тем самым каналом коммуникации, который способен обеспечить множество форм взаимодействия организации и потребителей с целью удовлетворения потребностей каждого из участников.

В настоящей статье обратимся к публикациям, размещенным на официальных сайтах косметических компаний, сделав акцент на их вербальном аспекте и выделив языковые средства, эксплицирующие информацию об успехе бренда и высоком качестве его продукции. Материалом послужили корпоративные сайты белорусских и зарубежных производителей косметики, таких как Relouis, Belor Design, Maybelline, L'Oreal.

Корпоративный сайт – это представительство компании в Интернете, инструмент формирования ее имиджа и продвижения товаров (услуг), средство привлечения клиентов, поиска деловых партнеров [1, с. 50]. Информация, размещенная на корпоративном сайте, позволяет дать четкое представление о деятельности организации, ее сильных сторонах, преимуществах перед конкурентами. Несмотря на то, что веб-сайт нуждается в постоянном процессе поддержки (как технической, так и информационной) [2], его грамотное ведение открывает для компании новые возможности: повышение производительности, появление дополнительных способов продаж, прямой выход на рынок, улучшение качества обслуживания клиентов, мгновенный сбор информации [3, с. 22]. Однако «в условиях обостряющейся конкуренции во всех сферах коммерческой и общественной деятельности сохранение лояльности уже сформированной аудитории и привлечение новой становится задачей номер один для любой организации, стремящейся к стабильному положению или к доминированию в отрасли» [4, с. 140], поэтому веб-сайт должен максимально ориентироваться на клиентов как на первичную целевую аудиторию, оперативно информируя их о новинках продукции и успехах, достигнутых компанией.

Традиционно корпоративный сайт имеет иерархическую структуру и включает раздел «О компании» («About/Our Company») [см.: 5, с. 114]. Эту страницу могут называть по-разному: «Кто мы» («Who we are»), «О нас» («About us»), «Наша команда» («Our team») и т.п. Содержательно она охватывает историю, миссию организации, слоган, стратегию развития, реквизиты, сведения о сотрудниках и т.п. [4]. Суть раздела при этом остается неизменной: производитель знакомит клиентов с компанией и ее деятельностью, тем самым повышая уровень доверия к ней.

О важности данного структурного компонента свидетельствует такой факт: раздел «О компании» – одна из самых посещаемых и читаемых страниц веб-сайта, что позволяет использовать ее потенциал в продвижении бренда. Как оказалось, «продающими» могут быть не только описания товаров или услуг, но и «визитная карточка» компании. Вместе с тем к содержанию и структуре данного раздела предъявляются дополнительные требования: он должен наглядно и лаконично давать представление о деятельности организации, не требуя лишних усилий со стороны посетителя сайта.

Из четырех анализируемых интернет-ресурсов самым информационно насыщенным является сайт бренда Relouis. Раздел, посвященный деятельности организации, имеет подразделы «История бренда» и «Об этичности». Появившись на рынке почти 30 лет назад, косметическая продукция этой компании стала своеобразным ответом популярным импортным аналогам: *Это был ход, который смог сломать стереотипы и доказал, что декоративная косметика белорусского производства может заслуживать внимания.* Сейчас компания значительно расширила свой продуктовый портфель, но при этом неизменно придерживается принципа этичной косметики: не тестирует продукцию на животных, уделяет внимание био-разлагающейся упаковке, сертификатам качества. Производитель сообщает: *Испытания декоративной косметики компании Relouis на соответствие требованиям проводятся в аккредитованных лабораториях, включенных в Реестр органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров) Таможенного союза (ЕАЭС)...; Покупая этичную косметику, Вы говорите свое «Да!» гуманным способам тестирования без участия животных.* Раздел «О компании» второго белорусского бренда (Belor Design) чуть более лаконичен. В нем приводится краткое описание истории компании и ее заслуг: *Компания Belor Design работает уже более 25 лет, чтобы дарить вам ощущение восторга от собственного отражения в зеркале каждый день... Мы ежедневно совершенствуемся в технологическом плане. Наши специалисты уже разработали свыше 1000 уникальных рецептур и формул.* На сайте нет специального подраздела «Об этичности», однако дается следующая информация: *Производство Belor Design первое в Беларуси, в косметической сфере, которое получило международный сертификат GMP, подтверждающий, что качество продукции соответствует международным стандартам.*

Что касается аналогичного раздела «About us» на сайтах зарубежных производителей, то компания Maybelline придерживается принципа краткости, не дает подробной информации об истории становления, развитии и будущем своего бренда. Также не предоставляются документы, подтверждающие этичность продукции. Акцент делается лишь на ключевых фактах из истории компании и преимуществах продукции: *From a small, family-owned business to the number one cosmetics company in America, Maybelline New York takes trends from the catwalk to the sidewalk... Maybelline gives you scientifically-advanced formulas, revolutionary textures and up-to-the-minute, trendsetting shades effortlessly, affordably, beautifully.* В отличие от сайта Maybelline, на корпоративном сайте L'Oreal есть более детальный раздел «Group», включающий в себя историческую справку, цель и миссию бренда: *In 1909, Eugène Schueller, a young chemist with an entrepreneurial spirit, founded the company that was to become the L'Oréal group; Our principles are Integrity, Respect, Courage and Transparency.*

Сопоставляя раздел «О компании» вышеперечисленных брендов, можно сделать вывод, что белорусская компания Relouis уделяет более присталь-

ное внимание своему сайту и заботится о том, чтобы потребители знали о продукте, который они покупают, как можно больше. Это единственная компания, которая детализирует раздел «Клиентам». На остальных анализируемых сайтах не представлены декларации на продукцию, финансовые отчеты и другая отчетность для широкой общественности. Несомненно, отсутствие документации, подтверждающей качество продукции, является минусом для деловой репутации компаний, и можно сделать вывод о том, что сайт Relouis оптимизирован под клиентов гораздо лучше, чем остальные. В то же время корпоративные сайты всех представленных брендов имеют полезный контент, эргономичный дизайн и грамотные сообщения, адресованные как лояльным клиентам, так и потенциальным покупателям косметики.

Эксплицируя информацию об организации и ее продуктах, отправители сообщений ожидаемо делают акцент на успехах бренда: высоком качестве косметической продукции, достижениях и наградах компании, признании ее общественностью. Акцентуация релевантной информации осуществляется посредством комплекса языковых маркеров лексического и грамматического уровней, которые будут рассмотрены далее.

Поскольку все анализируемые бренды занимаются производством косметики, в сообщениях превалирует узкоспециализированная лексика (*ремувер, консилер; primer, BB cream*). При этом на сайтах белорусских компаний часто встречаются заимствованные слова: *Во-первых, **спрей** может использоваться в качестве **праймера** для подготовки кожи.* Однако, говоря об исключительном качестве продукции, авторы сообщений не ограничиваются апелляцией к эмоциям (*Максимальная цветовая глубина, максимальный объем и максимальный комфорт – максимальность на глазах!*). Наоборот, для завоевания доверия клиентов привлекается терминология науки, производства и других социальных сфер: *To promote this process, L'Oréal's researchers have developed **Stemoxydine**, an active ingredient that imitates the optimal environment of **stem cells** in **hair follicles**, revitalizing hair that has become dormant; They managed to isolate a **probiotic**, the **Lactobacillus paracasei ST11**, which is capable of significantly reducing dandruff and related symptoms (itching, rash...).* Апелляция к авторитету, призванная повысить достоверность информации, также осуществляется за счет аббревиатур (названий организаций, документов и т.д.). В русскоязычных сообщениях встречаются аббревиатуры ООО – общество с ограниченной ответственностью, ЕАЭС – Евразийский экономический союз, ТС – Таможенный союз, ТР – Технический регламент: *В настоящее время парфюмерно-косметическая продукция в потребительской таре выпускается в обращение на рынке **ЕАЭС** при ее соответствии требованиям **ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции»**.* В сообщениях на сайтах зарубежных брендов употребительны сокращения CEO – Chief Executive Officer, FDA – Food and Drug Administration и т.п.: *Since some ingredients are known by more than one name, we use the standard industry **FDA-recognized names**.*

На анализируемых веб-сайтах предоставляется информация об успехах бренда, в том числе о наличии авторитетных партнеров и широкой географии поставок, поэтому для сообщений характерны имена собственные: *На сегодняшний день бренд Relouis представлен в более чем 1000 магазинах по Беларуси и у 70 партнеров за ее пределами. Наиболее активными рынками являются Беларусь, Россия, Украина и Казахстан; L'Oréal has organized its Research and Innovation around six regional platforms (Europe, United States, Japan, China, Brazil, India).* Вместе с тем широко применяется и абстрактная лексика, функциональное назначение которой заключается в апелляции к общепринятым ценностям (красота, свобода, доверие и т.д.): *Artificial intelligence, augmented reality, data, automatic statistical learning – all of these technological advances are reinventing the world of beauty.* Как в русскоязычных, так и в англоязычных сообщениях используются лексические повторы, позволяющие усилить выразительность речи, акцентировать выдвигаемые лексические единицы. Как правило, подобным образом маркируется абстрактная либо эмоционально-оценочная лексика: *В стремлении дарить положительные эмоции и наполнить удовольствием все то, что нас окружает каждый день, была создана коллекция Paradiso. Новая коллекция Paradiso (итал. «Рай») – это райское удовольствие от использования косметических продуктов, возможность выглядеть прекрасно каждый день, не дожидаясь особого случая... Paradiso – удовольствие каждый день; If for over a century L'Oréal has been devoted to just one business – beauty – it is above all because of our passion for it. Passion for what cosmetics can bring to women and men.*

Рассмотрев лексические средства, кодирующие сообщения о достижениях косметических компаний, высоких стандартах качества их продукции, определим грамматические средства, которые помогают выделить релевантную информацию о бренде. Как русскоязычные, так и англоязычные сообщения изобилуют осложненными предложениями с причастными, деепричастными оборотами, вставными конструкциями и т.п. Подобное синтаксическое оформление текста направлено на эффективное управление вниманием читателя: *Компания Relouis старается активно участвовать в жизни животных, помогая им найти дом; We have chosen to offer our expertise in the service of women and men worldwide, meeting the infinite diversity of their beauty desires.*

На корпоративных сайтах отечественных и зарубежных производителей встречаются личные конструкции «местоимение мы + глагол». Однако в данном контексте они не столько помогают производителю выразить солидарность с клиентами или подчеркнуть принадлежность к единой социальной группе, сколько позволяют наладить диалог между компанией и ее целевой аудиторией: *Мы стремимся сделать своих партнеров и потребителей счастливыми; We have the ambition to meet the needs of every consumer according to his or her habits and lifestyle.* В русскоязычных

и англоязычных сообщениях в равной степени представлены глаголы в страдательном залоге, снижающие субъективность подачи материала: *Вся продукция торговой марки Belor Design производится на высокотехнологичном оборудовании с использованием ингредиентов, произведенных в Европе; Emulsifiers are used to combine different types of liquids such as water and oil.* Вводные слова, маркирующие определенные структурные компоненты сообщения и логические связи между ними, превалируют в русскоязычном материале: *Кроме того, ООО «РЕЛУИ БЕЛ» с 2015 года придерживается принципа «этичной косметики», и при проведении испытаний декоративной косметики по токсикологическим показателям определяется общетоксическое действие альтернативным методом in vitro- с помощью люминесцентного бактериального теста.*

Помимо информации, размещенной непосредственно на корпоративных веб-сайтах, в ходе исследования учитывались публикации на веб-форумах и в социальных сетях, где клиенты оставляют отзывы на продукцию и таким образом определяют рейтинг брендов (otzovik.com, irecommend.ru, consumeraffairs.com и т.д.). Косметика всех четырех производителей получила оценку в пределах 3,9–4,4 баллов (из 5 возможных), что является достаточно высоким показателем и свидетельствует о доверии клиентов к ее качеству. Отзывы преимущественно носят положительный характер: *Ассортимент огромный, оттенков тоже много, цена доступная; Впечатление от данной косметики – самое прекрасное; I must say, their quality overall is incredible!.* Негативные отзывы составляют 10–30 % выборки и чаще связаны с несоответствием продукта индивидуальным предпочтениям или непереносимостью определенных компонентов, а не с низким качеством косметики как таковым: *Самое первое, что я поняла при открытии помады, это то, что мне совсем не нравится ее отдушка...; Результат меня очень расстроил; My eye lids are swollen, itchy and now they are even peeling; My eyes felt like there was sand under my contact lenses.* В целом можно сделать вывод, что продукция всех четырех производителей пользуется популярностью у целевой аудитории, свидетельствуя о действительно хорошей репутации брендов.

Подводя итог, подчеркнем, что для корпоративного сайта производителя косметики важен не только каталог продукции, но и наличие информации об истории бренда, перспективах его развития, этичности косметических средств, их соответствии стандартам качества и т.п. Подобные публикации об успехах и достижениях организации размещаются в разделе веб-сайта «О компании» и являются важным инструментом обеспечения эффективного взаимодействия фирмы и ее клиентов. С лингвистической точки зрения тексты характеризуются использованием языковых средств, прагматическое назначение которых – выделить основные направления деятельности компании и вызвать доверие клиентов. Однако сайт компании не может выступать единственным источником информации об ее успехе. Анализ пользова-

тельских отзывов, размещенных на специализированных форумах, позволяет сделать вывод о рейтинге компании и таким образом подтвердить (либо опровергнуть) заявления о высоком качестве продукции и ее соответствии стандартам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потеряхина, И. Н. Жанрообразующие элементы корпоративного сайта / И. Н. Потеряхина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 37 (328), вып. 86. – С. 49–51.
2. Шурчкова, Ю. В. Управление маркетинговыми коммуникациями посредством веб-сайта компании / Ю. В. Шурчкова // Гуманит. и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 36–47.
3. Алентьева, Е. Ю. Веб-сайт компании как коммуникативный маркетинговый инструмент / Е. Ю. Алентьева // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 11. – С. 22–27.
4. Пескова, Е. Н. Средства поддержания имиджа организации и контент корпоративного сайта / Е. Н. Пескова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филологические науки. – 2016. – № 7 (389), вып. 101. – С. 140–147.
5. Потеряхина, И. Н. Языковые особенности корпоративных сайтов / И. Н. Потеряхина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 32 (248), вып. 60. – С. 113–115.

Поступила в редакцию 06.05.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11'362'37(045)

Клинцова Анна Александровна

аспирант кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Klintsova

Post-Graduate Student of the Department
of English History and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
aprilryan.ru@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ
И ИСЛАНДСКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ПРЕДИКАТАМИ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES
OF ENGLISH AND ICELANDIC IMPERSONAL SENTENCES
WITH SENSORY PERCEPTION PREDICATES

Данная статья посвящена специфике английских и исландских безличных предложений, предикаты которых отражают человеческое восприятие характеристик окружающей среды и ее конкретных объектов (предикаты чувственного восприятия). Обнаружено, что в исландском языке сфера чувственного восприятия, представленная четырьмя семантическими подгруппами, получает две структурных модели безличной реализации: с импликацией субъекта восприятия для всех подгрупп, а также с экспликацией субъекта восприятия для подгрупп слухового и вкусового восприятия. В английском языке наблюдается безличная актуализация только предикатов слуха и обоняния, при этом импликация субъекта восприятия характерна для обеих групп предикатов, а экспликация субъекта – только для подкласса слухового восприятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *безличные предложения; чувственное восприятие; семантический субъект; формальное подлежащее; дативные конструкции.*

The article deals with the language-specific peculiarities of English and Icelandic impersonal sentences with sensory perception predicates that convey human perception of objective reality and its components. It is stated that Icelandic sensory perception predicates make four semantic groups that are used in two impersonal valency patterns, that is the structure implying the subject of perception for all the groups, and the structure involving the explication of the said subject for the auditory and gustatory semantic groups. In opposition to that, the only English verbs that are able to become impersonal are those of auditory and olfactory semantic groups, and while the implication of the subject of perception is required for the said groups, the only type of impersonal verbs allowing the expression of the semantic subject is the auditory one.

Key words: *impersonal sentences; sensory perception; semantic subject; expletive subject; dative constructions.*

Феномен безличности как особой языковой концептуализации отдельных типов ситуаций, обладающих смысловой общностью, принадлежит к числу семантико-синтаксических универсалий [1; 2, р. 4]. Такая репрезен-

тация предполагает устранение агентивного элемента из сентенциальной структуры, хранящей его след в предикатной форме в виде имплицированного представления о максимально обобщенном денотативном элементе [2, р. 1; 3, с. 79]. Такой «пространственно-предметный, статический... подход к жизни... навязываемый говорящим языку» [4, с. 793–794] обеспечивает смещение фокуса с деятельностной фигуры человека на ограниченность проявлений его воли как сознательного существа в сложившихся условиях, «изображаемых формой безличного предложения» [3, с. 79], и представляет известную языковедческую проблему в рамках исследования синтаксической организации индоевропейских языков номинативного строя. Одним из таких вопросов является определение областей человеческого опыта, которые от языка к языку могут получать безличную актуализацию. Следовательно, сопоставительный анализ предполагает обнаружение общих и лингвоспецифических семантических классов безличных предикатов, а также выявление различных вариаций основного паттерна безличности – фиксированной формы третьего лица единственного числа предикатной единицы. Имея в виду вышеперечисленное, обратимся к основным принципам классификации безличных единиц.

В рамках *структурного подхода* под безличными понимаются предложения, в которых не обнаруживается номинативного подлежащего, обладающего конкретной референцией, в соответствии с чем выделяются все возможные структуры (см. работы А. Мальчукова, А. В. Циммерлинга [2; 5]). В английском и исландском языке к таковым относятся предложения с эксплетивным подлежащим, демонстрирующие субъектные функции, но не содержащие полной субъектной референции. В исландском также встречаются структуры с «косвенными подлежащими» [5, с. 537], отличающимися по своим функциям от типичных номинативных, а также предложения с формальными (семантически опустошенными) подлежащими и предложения с нулевым подлежащим.

Предикативно-денотативный способ безличной категоризации предполагает обнаружение предикатных единиц, участвующих в образовании безличных предложений, и вычленение всех репрезентируемых ими денотативных областей. Подобную классификацию использует в своей работе Р. Мелиг-Фальке в отношении древнеанглийского языка [6], Е. М. Галкина-Федорук в своем исследовании о природе русской безличности [7], М. Ониши, работа которого посвящена выделению основных ситуаций, поддающихся безличной актуализации в индоевропейских языках вообще [8]. К типичным сложным денотатам относятся метеорологические явления, психофизическое состояние человека, выражение его отношения касательно соответствия ситуации норме и т.п., то есть все те события, воспринимаемые человеком как неконтролируемые, в которых он выступает в качестве внешнего наблюдателя или пассивного субъекта восприятия, переживающего и дающего оценку тому, что с ним происходит.

В данной статье мы рассмотрим один их классов безличных предикативных единиц в английском и исландском языках – класс чувственного восприятия – с целью обнаружения общего и различного как в структурной, так и семантической репрезентации категории безличности в данных языках. Материалом для анализа послужил корпус 298 отобранных предложений – 123 английских и 175 исландских.

В исландском языке сфера чувственного восприятия, способная получать безличную интерпретацию, представлена шире, чем в английском, и включает подгруппы *слухового восприятия* (14 единиц), *обоняния* (3 единицы), *вкусовых ощущений* (4 единицы) и *зрительного восприятия* (22 единицы). В английском обнаруживаются похожие подгруппы обезличенных предикатов, за исключением зрительного и вкусового восприятия, которые не получают безличную репрезентацию: 1 глагол и 2 основных предикативных прилагательных *слухового восприятия* и 3 предикативные единицы *обоняния*. Обратимся к рассмотрению выделенных подклассов в указанном порядке.

Существует два способа безличного представления ситуаций слухового восприятия в отношении исландского языка. Возвратный глагол *heyrast* ‘слышаться’ актуализирует паттерн, в котором посредством дативной предложной группы в постглагольной позиции формализуется участник ситуации, выступающий в роли *источника воздействия* на органы чувств *имплицитруемого субъекта*. Такой глагол требует облигаторного по смыслу распространения в виде обстоятельства образа действия (1a – *vart*) или времени в совокупности с отрицательной словоформой (1b – *ekki lengur*):

(1) a) ...*vart heyrðist í henni vegna látanna í veðrinu* ‘...ее было плохо слышно из-за бушующей погоды’ (здесь и далее перевод наш. – А. К.) [9];

b) *Það heyrist ekki lengur í lestinni* ‘Уже не слышно поезда’ [10, s. 672].

Наряду с такими предикативными единицами, как *berast til eyrna* ‘слышаться’ (2a) и *misheyrast* ‘ослышаться’ (2b), глагол *heyrast* в значении ‘послышаться’ (3) также образует синтаксический паттерн, в котором фокус помещается непосредственно на дативный субъект, оформляемый дательным падежом, в то время как объект восприятия – конкретный звук или целая ассоциированная со звучанием ситуация – получает выражение в виде именной группы в номинативе (2a – *grunsamleg hljóð*, 2b – *hendingar í dægurlagatextum*) или структуры с номинативной группой, которая управляет инфинитивным компонентом (3 – *hljóðið koma úr kjallaranum*):

(2) a) *Nágrannar fylltust grunsemdum er þeim fóru að berast til eyrna grunsamleg hljóð úr húsinu* ‘Соседи насторожились, когда из дома до них стали долетать подозрительные звуки’ [9];

b) *Mjög algengt er að mönnum misheyrast hendingar í dægurlagatextum* [Там же] ‘Очень часто люди неправильно слышат строчки из популярных песен’;

(3) *Mér heyrðist hljóðið koma úr kjallaranum* ‘Мне послышалось, будто бы из подвала раздавались какие-то звуки’ [Там же].

В исландском языке также обнаруживается группа глаголов, обозначающих неприятные, резкие звуки. Они обладают общим валентностным паттерном, предполагающий введение предложной группы с вершиной *í*, обозначающей источник неприятных звуков (4 – *í öllu*), в то время как субъект восприятия является невозможным к экспликации:

(4) *Húsið var kalt og illa einangrað, og það hvein og söng í öllu þegar hvessti* ‘В доме было холодно и не протоплено, и когда на улице дул ветер, он весь свистел и завывал’ [9].

В английском языке для безличной репрезентации ситуации слухового восприятия употребляется глагол *to sound* ‘звучать’, предикат которого, в соответствии со своей дефиницией, соотносится не с субъектом восприятия, но с окружающей средой. Последняя манифестируется посредством предложной группы с вершиной *like*, управляющей именной группой (5a – *thunder*) или именной группой в сочетании с причастием настоящего времени (5b – *his bike falling over*), которые обозначают раздражитель органов слуха – конкретный звук:

(5) а) ‘*It’s stopped raining*’... ‘*It sounds like thunder*,’ said Mrs Wright ‘«Дождь перестал» ... «Похоже на гром», – сказала миссис Райт’ [11];

б) *As Philip ran across to her, he heard a crash. It sounded like his bike falling over* ‘Подбежав к ней, Филипп слышал грохот. Похоже, упал его велосипед’ [Там же].

В дистрибуцию данного глагола также входит двухчастная структура с сентенциальным компонентом, вводимым с помощью союзов-вершин *as if*, *as though* – она передает впечатление о чем-то на основании услышанного (6a – *as if he wanted to leave it all behind*, 6b – *as if there was a lot of explosives in the van*) и допускает также введение субъекта восприятия (6b – *to me*):

(6) а) *It sounded as if he wanted to leave it all behind* ‘Такое чувство, будто бы он хотел все оставить позади’ [Там же];

б) *It sounded to me as if there was a lot of explosives in the van* ‘Судя по звукам (по разговору), фургон был начинен взрывчаткой’ [12].

Подгруппа исландских предикатов семантики обоняния представлена глаголом *ilma* ‘пахнуть’ и предикативными существительными *lykt* и *ilmur* ‘запах’, которые могут образовывать сложные единицы, указывающие на тип раздражителя (7a – *matarlykt*). Такие предикаты соотносятся с окружающей средой в целом, при этом для конкретизации последней могут использоваться обстоятельства места (7a – *í herberginu hjá mér*, 7c – *þar*). Другим компонентом является источник определенных свойств, которые, в свою очередь, служат раздражителями органов чувств (7b – *af hárinu á henni*, 7c – *af olíu*). Этот участник ситуации вводится в высказывание с помощью дативного предлога (7b – *á koddanum*):

(7) а) *Það var matarlykt í herberginu hjá mér* ‘У меня в комнате пахло едой’ [9];

b) *Það var ilmur af hárinu á henni á koddanum* ‘От подушки пахло ее волосами’ [9];

с) *Þar ilmaði af olíu og terpentínu* ‘Там пахло маслом и скипидаром’ [Там же].

В английском языке сфера обоняния представлена нейтральным по своему значению глаголом *to smell* ‘пахнуть’ и рядом синонимов, обозначающих восприятие неприятных запахов – *to stink, to reek* ‘вонять’. Дистрибуция первого представлена следующими валентностными паттернами: структурой с облигаторной предложной группой с вершиной *of*, обозначающей источник раздражения органов чувств (8a – *of greens*), и структурой, включающей предикативы, дающие оценочную характеристику запаха (8b – *so terrible*). Важными компонентами также являются пространственно-временные маркеры (8a – *in the spring*, 8b – *in there*), ограничивающие среду как носителя предикативного признака:

(8) a) *It smells of greens in the spring* ‘Весной пахнет зеленью’ [11];

b) *I always have baby owls in my bedroom. That’s why it smells so terrible in there* ‘У меня всегда в комнате жили совы. Поэтому там так ужасно пахнет’ [Там же].

Что касается *to stink* и *to reek*, то здесь наблюдается структура с облигаторным обстоятельством места (9 – *in here, around here*) и отсутствием экспликации раздражителя, ввиду его инкорпорированности в семантику глаголов:

(9) ‘*Let’s get out of here... It stinks in here. Oh God it reeks around here!*’ ‘Давай выбираться отсюда... Здесь воняет. О боже, как же здесь воняет!’ [12].

В то время как в английском языке не обнаруживается единиц семантики вкусового восприятия, которые участвуют в образовании безличных предложений, исландский язык демонстрирует два паттерна актуализации такого положения дел. Возвратный глагол *smakkast* ‘иметь определенный вкус’ открывает две позиции (10): дативная именная группа обозначает субъект процесса восприятия (*mér*), в то время как обстоятельство образа действий (*betur*) модифицирует данный процесс. Непроизвольное внимание и оценка такого субъекта направлена на раздражитель, оформляемый номинативом (*þær sænsku*):

(10) *Aldrei kaupi ég hollenskar gulrætur... vegna þess að mér smakkast þær sænsku betur* ‘Я никогда не покупаю датскую морковь... потому что мне вкуснее шведская’ [9].

К данной подгруппе относятся предикативы *bragð* и *keimur* ‘вкус’, дистрибуция которых включает постглагольную предложную дативную группу (11a – *af þessum osti*, 11b – *af því*), обозначающую раздражитель, в то время как субъект восприятия является имплицитированным:

(11) a) *Það er gott bragð af þessum osti* ‘У этого сыра приятный вкус’ [13, с. 72];

b) *...er vínið hárautt á litinn og af því er keimur af jarðarberjum* ‘...Это вино ярко-красного цвета и пахнет клубникой’ [9].

Группа зрительного восприятия, характерная только для исландского языка, демонстрирует многообразие предложных групп, управляемых глаголом *sjá* и его возвратным вариантом *sjást*. Они образуют ряд таких значений, как ‘виднеться, быть видимым’ (*sjá(st) í, sjá(st) til*), ‘виднеться (следы чего-то либо), быть заметным’ (*sjá(st) á, sjá(st) fyrir*) и т.п.:

(12) а) *Það sá ekki í grindverkið fyrir snjó* ‘Из-за снега не было видно забора’ [14];

б) *Það sást til hennar í fylgd með nýjum manni* ‘Ее видели в сопровождении нового мужчины’ [Там же].

Объект действительности, выполняющий роль раздражителя, получает косвенное падежное кодирование (12а – *í grindverkið*, 12б – *til hennar*), в то время как в начальной позиции обнаруживается эксплетив или нуль (в зависимости от установленного в предложении порядка слов). В свою очередь, фигуру Наблюдателя как субъекта чувственного восприятия невозможно включить в структурную схему.

Данный класс демонстрирует широкий ряд оттенков значений, ассоциированных со зрительным восприятием окружающей действительности: так, в дефинициях безличных единиц может содержаться *степень выраженного признака* (*djarfa fyrir* ‘едва, неясно виднеться’), *его длительность* (*bregða fyrir* ‘мелькать, обнаруживаться’) и т.п.:

(13) а) *Það djarfaði fyrir húsunum í myrkrinu* ‘В темноте нечетко виднелись дома’ [14, с. 69];

б) *Íðulega brá fyrir eldingum* ‘Часто мелькала молния’ [15].

Большинство из обнаруженных глаголов также могут выступать в качестве синонимов предикатов *sýnast, virðast* ‘казаться’, в которых передается семантика эвиденциальности. Такие употребления исландских безличных глаголов обнаруживают общность с когнитивными глаголами английского языка *to appear, to look like* ‘казаться’ с общим значением вероятности представляемого, которые также содержат в своих дефинициях компонент зрительного восприятия:

(14) *Það sér ekki á þér, að þú sért veikur* ‘По тебе не видно, что ты болеешь’ [15, р. 171];

(15) *It doesn't look like you'll be moving to Liverpool* ‘Кажется, ты не собираешься переезжать в Ливерпуль’ [11].

Таким образом, можно выделить общую денотативную модель чувственного восприятия, которая включает в себя три компонента: субъект восприятия, источник раздражения органов чувств и характеристику данного источника (конкретный запах, звук и т.д.). В английском и исландском языках описываемая модель получает две синтаксические реализации. Первая реализация предполагает отсутствие экспликации субъекта восприятия, в то время как выражение двух других компонентов или их совмещение друг в друге зависит от семантики предикатной единицы. Во второй синтаксической модели носителем предикативного признака выступает словоформа в косвенном падеже, обозначающая одушевленного субъекта, внимание которого невольно обращается на раздражитель органов чувств.

Следовательно, с помощью первой модели дается характеристика раздражителей чувственного восприятия как продукта окружающей среды в целом или ее компонентов в частности; она характерна для всех семантических подгрупп сопоставляемых языков (исландские предикаты слуха, обоняния, вкуса и зрения; английские предикаты слуха и обоняния). В свою очередь, во второй модели фокус помещается на сам акт восприятия и его оценку со стороны субъекта. В предложениях с такой структурой употребляются исландские предикаты слуха и вкуса и английские предикаты слуха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cresseils, D.* Impersonal and related constructions: a typological approach [Electronic resource] / D. Cresseils. – Lyon : Univ. Lumière Lyon 2, 2008. – Mode of access: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-impers.constr.pdf>. – Date of access: 12.07.2020.
2. *Malchukov, A.* Introduction / A. Malchukov, A. Siewierska // Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective. Studies in Language Companion Series. – 2011. – Vol. 124. – P. 1–19.
3. *Павлов, В. М.* Субъект в безличных предложениях / В. М. Павлов // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность / В. М. Павлов ; отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 71–100.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
5. *Циммерлинг, А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков / А. В. Циммерлинг. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 896 с.
6. *Möhlig-Falke, R.* The Early English Impersonal Construction: An analysis of verbal and constructional meaning / R. Möhlig-Falke. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. – 546 p.
7. *Галкина-Федорук, Е. М.* Безличные предложения в русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Либроком, 2011. – 336 с.
8. *Onishi, M.* Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and Properties / M. Onishi // Non-canonical marking of subjects and objects. Typological studies in language. – 2001. – Vol. 46. – P. 1–53.
9. *Risamálheildin* (2019) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://malheildir.arnastofnun.is/?mode=rmh2019>. – Date of access : 28.12.2020.
10. *Haraldsson, H.* Rússnesk-íslensk orðabók / H. Haraldsson. – Reykjavík : Nesútgáfan, 1996. – 946 s.
11. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access : 15.11.2020.
12. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coca>. – Date of access : 15.11.2020.

13. Берков, В. П. Исландско-русский словарь / В. П. Берков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.
14. Íslensk nútímaálsorðabók [Electronic resource]. – Mode of access : <http://islenskordabok.arnastofnun.is>. – Date of access : 03.11.2020.
15. Einarsson, S. Icelandic Grammar, Texts, Glossary / S. Einarsson. – Baltimore, Maryland : Johns Hopkins Univ. Press, 2000. – 576 p.

Поступила в редакцию 09.02.2021

УДК 811.111'367 (045)

Ляшенко Елена Станиславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и грамматики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
Республика Беларусь, г. Минск

Yelena Lyashenko
PhD in Philology,
Associate Professor of History of English
and English Grammar Department
Minsk State Linguistic University
Republic of Belarus, Minsk
liolikl@list.ru

ОБЪЕКТ ИЗМЕНЕНИЯ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СИНТАКСИСЕ (на материале англоязычных текстов)

THE OBJECT OF CHANGE AND ITS REPRESENTATION IN SYNTAX (Based on the Material of English-Language Texts)

В статье рассматриваются способы языковой репрезентации знания об объекте изменения, который выступает одной из центральных составляющих динамического события. Выявленные варианты связаны и базируются на специфике концептуализации процессов изменения в английской картине мира. Преобладающая семантико-синтаксическая структура формируется за счет продвижения словоформы, которая используется для вербализации объекта изменения, в приоритетную позицию в предложении. Эксплицитное представление в поверхностной структуре англоязычного предложения таких характеристик объекта, как исходная форма существования и параметр, по которому происходит изменение, подчеркивает когнитивную значимость для говорящего не только самого объекта, но и всего, что сопряжено с ним.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *языковая картина мира; репрезентация знания; процессы изменения; синтаксис; предложение; объект изменения.*

The article discusses the ways of language representation of knowledge about the object of change, which is one of the central components of a dynamic event. The detected variants are related and based on the specifics of conceptualizing processes denoting change in the English worldview. The prevailing semantic-syntactic structure is formed by moving the word-form which is used to verbalize the object of change to a priority position in the sentence. The explicit representation in the English sentence formal structure of such characteristic features of an object as the initial form of existence and the parameter, by which the change occurs, emphasizes the cognitive significance for the speaker not only of the object itself, but also of everything that is associated with it.

Key words: *language worldview; knowledge representation; processes denoting change; syntax; sentence; object of change.*

Одним из наиболее актуальных векторов современной лингвистики можно по праву считать исследование способов концептуализации, категоризации и языковой репрезентации окружающей действительности, что неразрывно связано с изучением когнитивных аспектов языка.

В центре внимания когнитивного подхода к исследованию семантического пространства языка поставлены проблемы содержания человеческого знания и его представления вербальными формами, принципы организации знания и особенности этой организации под воздействием социокультурных факторов. Он направлен на изучение процессов познавательной деятельности человека, а также на выявление особенностей языковой картины мира определенного языкового сообщества, что сближает когнитивистику с лингвокультурологией.

Относительно новой тенденцией в современных лингвокогнитивных исследованиях является обращение к изучению синтаксической репрезентации концептов, которая прослеживается в работах научного коллектива лингвистической школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур». Ее основателем и руководителем является Н. Н. Болдырев, чье имя бесспорно соотносится с историей становления российского направления когнитивной лингвистики. Вслед за американским лингвистом Р. Джекендоффом (начинавшим с порождающей грамматики и ставшим впоследствии значительной фигурой в области когнитивной семантики), который считает, что структура синтаксической конструкции указывает на «природу восприятия и когницию» [1, р. 3], представители указанной выше научной школы доказывают возможность когнитивного моделирования синтаксиса. Изначально эта возможность была подтверждена идеей Р. Джекендоффа о том, что несмотря на сложность и тонкость отношений, наблюдаемых в синтаксисе, эта сфера не является хаотичной, в ней выделяются определенные принципы, организующие многочисленные факты в систему [1]. В исследованиях, выполненных в русле когнитивного подхода к синтаксису, предложение рассматривается как «некоторый абстрактный формат, в котором хранится информация о мире и языке» [2, л. 70] и обосновывается «центральность синтаксиса в репрезентации знаний» [Там же, л. 77].

Проблемы синтаксической репрезентации концептов также поднимаются в отечественной синтаксической науке. В работе Б. Ю. Нормана «Когнитивный синтаксис русского языка», посвященной представлению того, как процессы познания связаны с организацией структуры простого предложения, определяется участие разнообразных синтаксических явлений (синтаксических моделей предложения, сочинительной связи, глагольного управления, синтаксических «маргиналов» и т. д.) в формировании языковой картины мира [3]. Автор исходит из того, что грамматические единицы и связи, с одной стороны, аккумулируют в себе «когнитивный опыт предшествующих поколений», а с другой – дают возможность носителю

языка «упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию» [3, с. 34]. Синтаксис в целом образно определяется ученым как «рельсы, по которым движется поезд познания» [Там же, с. 57]. В преломлении к нашему исследованию это позволяет предположить, что языковая репрезентация знания об онтологическом объекте изменения может иметь разнообразные характеристики, выявление которых осуществляется на базе анализа англоязычных предложений, описывающих процессы изменения. Материалом для анализа послужили предложения в количестве 3760 единиц, отобранных методом сплошной выборки, из научных и художественных текстов.

Объект изменения обозначает одушевленный или неодушевленный предмет (воз)действия/процесса. Иными словами, объект изменения представляет собой субстанцию/явление, на которое направлено действие, либо субстанцию/явление, подвергающееся процессу изменения без непосредственного видимого воздействия со стороны активного деятеля. Как один из ключевых компонентов динамического процесса он обладает различными свойствами. Так, во внеязыковой действительности характеристикой объекта изменения, неразрывно связанной с ним, является параметр, выступающий свойством или качеством объекта, которое собственно и подвергается модификации в процессе изменения. Еще одной неотъемлемой составляющей объекта изменения выступает его исходная форма/состояние, т.е. то, в каком виде объект существовал до начала процесса изменения.

Наши знания об онтологическом объекте изменения находят свое отражение в языке. Он выступает средством репрезентации различных структур знания, осмысливаемых человеком в процессе постижения окружающей действительности. Говоря о сущности отношений между членами оппозиции «язык – знание», В. А. Звегинцев справедливо отмечал, что язык служит средством «дискретизации знаний, их объективизации и, наконец, интерпретации» [4, с. 74]. При этом, как отмечает С. Д. Кацнельсон, онтологическая ситуация/событие и воплощающее эту ситуацию/событие предложение не во всем совпадают ввиду того, что не существует полного изоморфизма между явлениями реальности и представлениями о них [5, с. 406]. Отсутствие эксплицитной вербализации одних составляющих ситуации в предложении также вызвано намеренным акцентированием других участников в процессе порождения высказывания. В англоязычной лингвистике для именования данного явления используется термин *rising* 'райзинг', означающий продвижение словоформы в более высокую позицию (в том числе в позицию субъекта). Кроме того, вслед за профессором Л. А. Фурс, представленное обстоятельство можно истолковывать как «установление когнитивной доминанты говорящего» [2, л. 133], принцип действия которой состоит в том, что «говорящий, ориентируясь на задачи коммуникации, должен передать различные ракурсы объективной ситуации» [Там же, л. 134]. При конструировании события акцентируются различные

его аспекты, что находит отражение в выборе соответствующих синтаксических средств. Когнитивное выделение участников осуществляется за счет помещения элементов в инициальную позицию в структуре предложения, а также за счет инвертированных конструкций [6, с. 82].

В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос о форме и способе выражения объекта изменения в предложении. Вариативность репрезентации данного компонента в англоязычных текстах связана и основывается на особенностях концептуализации представлений об изменении и его составляющих в языковой картине мира англоговорящего сообщества. Безусловно, ожидаемо, что данный компонент получает эксплицитную актуализацию в поверхностной структуре предложения в правосторонней позиции относительно предиката в функции прямого дополнения. Синтаксическое развертывание англоязычных предложений такого рода следует внеязыковой логике представления участников изменения «от деятеля/источника/каузатора к объекту изменения при помощи инструмента и далее к результату», чему способствует и типичная модель повествовательного английского предложения, которое открывается подлежащим-субъектом. Например:

(1) *Senator Pitt (субъект) took his time and warmed his hands (объект) before going back to work* ‘Сенатор Питт не торопился и согрел руки, прежде чем вернуться к работе’ (здесь и далее перевод наш. – Е. Л.) [С, р. 430].

Однако источником/причиной изменения может служить не только внешний каузатор, предшествующий объекту изменения во времени, но и диалектическое внутреннее противоречие или сознательное волеизъявление субъекта-деятеля (самокаузация). На онтологическом уровне, с одной стороны, отмечается присутствие субъекта, а с другой – объектом воздействия выступает он сам, т.е. действие субъекта направлено на самого себя. Следовательно, данная особенность проявляется в синкретизме двух компонентов: субъекта и объекта. В предложении правосторонняя позиция может заполняться элементом, формально выраженным посредством возвратного местоимения. Например:

(2) *She made herself go limp...* ‘Она заставила себя расслабиться (дословно: ‘обмякнуть’)...’ [Н, р. 386].

Стремление картины мира в целом к достоверному отображению реальности сопряжено с выбором преобладающей семантико-синтаксической структуры, позволяющей акцентировать внимание на элементе, претерпевающем изменение, поскольку он представляет первостепенную значимость для говорящего. Так, при вербализации процессов изменения наиболее распространенная структура формируется за счет выведения из интенциональной доминанты говорящего реального исполнителя действия/источника энергии/каузатора и выдвижения на первый план объекта изменения, который является когнитивно существенным. В данном случае речь идет о предложениях с активным и пассивным предикатом, в которых происходит

вытеснение непосредственного конкретного субъекта-деятеля или каузатора из приоритетной позиции и помещение в позицию подлежащего эксплицитно представленного объекта изменения [7, с. 99]. Например:

(3) *He was in worn clothing, though neat and well mended, and his face was darkened from working in the sun* 'Одежда на нем была поношенной, но чистой и без дырок, а лицо потемнело от работы на солнце' [R, p. 559].

В данном предложении глагол-предикат *darken* 'темнеть', употреблен в страдательном залоге и функционирует для вербализации качественного изменения по параметру 'цвет'. Объект *his face* 'его лицо' выносится в позицию подлежащего, выводя из когнитивной доминанты говорящего источник энергии *the sun* 'солнце', вызвавший изменение объекта. На синтаксическом уровне этот компонент входит в состав обстоятельственной группы причины, вводимой предлогом *from*.

Отдельного внимания заслуживают предложения, в которых вербализуется знание о процессе самопроизвольного изменения. В них отсутствие субъекта как целенаправленного производителя действия или видимого осознаваемого каузатора свойственно как онтологическому уровню, так и семантико-синтаксическому. Поверхностная структура предложения характеризуется отсутствием прямого дополнения и употреблением неагентивного подлежащего, в функции которого находится элемент, вовлеченный в постепенно идущий, эволюционный процесс, в частности, процесс естественного изменения представителей живой природы. В реальной действительности такого рода преобразования происходят, с одной стороны, за счет свойств самого элемента, претерпевающего изменение, а с другой – за счет влияния ряда внешних факторов, которые в большинстве случаев остаются без языковой репрезентации, что детерминирует представление события/ситуации в процессуальном преломлении. В предложении инициальная позиция заполняется участником, который непосредственно испытывает изменение, его внутренние характеристики позволяют ему проявлять активность, причина изменения не эксплицируется в предложении. Например, в предложении (4) описывается фрагмент постепенного развития и последующего превращения объекта *tadpoles* 'головастики' (личинки позвоночного животного), который находится в позиции подлежащего, в результат *adults* 'взрослые особи'.

(4) *These gill-breathing tadpoles commonly metamorphose, that is, their bodies change and they grow into air-breathing adults* 'Эти головастики, дышащие жабрами, обычно претерпевают метаморфозы, то есть их тела изменяются, и они вырастают во взрослых особей, дышащих воздухом' [ME].

Акцентирование внимания на объекте изменения и всем, что сопряжено именно с ним, также достигается за счет эксплицитной представленности в поверхностной структуре предложения его исходной формы и конечной. Во внеязыковом событии/ситуации данный элемент неразрывен с самим объектом изменения. Его присутствие в структуре предложения подчер-

кивает когнитивную значимость для говорящего первоначальной формы существования объекта, подвергающегося изменению. Актуализация первоначального состояния при описании превращения одной формы живого организма в другую, одного вида энергии в другой и т. п. дает возможность противопоставить исходную точку существования объекта изменения ее конечному результату, что позволяет более четко отразить наши знания о процессе изменения на языковом уровне. Например:

(5) *Young hymenopterans metamorphose completely from eggs to larvae, to pupae, to adults* ‘Молодые перепончатокрылые превращаются из яиц в личинки, затем в куколки и наконец во взрослых насекомых’ [ME].

Данное предложение описывает то, как в результате естественного процесса развития живых организмов происходит глубокое преобразование перепончатокрылых из *eggs* ‘яйца’ в абсолютно иные формы существования с приобретением нового внешнего вида и функций, а именно в *larvae* ‘личинки’, *pupae* ‘куколки’ и *adults* ‘взрослые насекомые’ (фактитивы).

Во внеязыковой действительности параметр, по которому происходит изменение, неразрывно связан с объектом, поэтому ожидаемо, что данному элементу свойственно имплицитное представление в поверхностной структуре предложения [8, с. 209]. Однако наряду с ожидаемым имплицитным представлением параметра изменения существуют разнообразные варианты эксплицитной репрезентации данного элемента в поверхностной структуре английского предложения. Более того, при вербализации параметра в функции подлежащего объект изменения может вообще не получить языкового воплощения в рассматриваемом предложении. Сведения о нем остаются в предшествующих предложениях или других составляющих данного предложения. Например:

(6) *The colour varies according to the clay used and in proportions according to architectural tradition* ‘Цвет меняется в зависимости от типа используемой глины и в пропорциях в соответствии с архитектурной традицией’ [ME].

В этом предложении параметр *colour* ‘цвет’ выполняет функцию подлежащего в синтаксической структуре. Информацию о том, что описанному в случае (6) изменению по параметру ‘цвет’ подвергается такой объект, как кирпич, находим в предшествующем предложении *Bricks may be dried in the sun but are more usually baked in a kiln* ‘Кирпичи могут быть высушены на солнце, но чаще всего обжигаются в печи’.

Таким образом, анализ эмпирического материала показал, что особенности восприятия, понимания и организации процессов изменения в английской картине мира, влекут за собой различные способы/варианты языковой репрезентации объекта изменения в предложении. Наиболее распространенной оказалась синтагматическая последовательность, при которой элемент, претерпевающий модификацию или полное преобразование в нечто абсолютно иное, выносится в инициальную позицию, традиционно закрепленную за субъектом-подлежащим. Возможность эксплицитного представления

в поверхностной структуре предложения не только самого объекта, но и таких его характеристик, как исходная форма существования и параметр, по которому происходит изменение, свидетельствует о стремлении к объективному, детальному отражению окружающего мира и протекающих в нем процессов, а также подчеркивает роль данного элемента в англоязычной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jackendoff, R. Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge : The MIT Press, 1985. – 283 p.
2. *Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 ; 10.02.19* / Л. А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 л.
3. *Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие* / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2018. – 254 с.
4. *Звегинцев, В. А. Язык и знание* / В. А. Звегинцев // *Вопр. философии.* – 1982. – № 1. – С. 71–80.
5. *Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления : из науч. наследия* / С. Д. Кацнельсон ; редкол.: Л. Ю. Брауде (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 851 с.
6. *Фурс, Л. А. Когнитивное моделирование синтаксиса* / Л. А. Фурс // *Вопр. когнитивной лингвистики.* – 2007. – № 4. – С. 81–85.
7. *Ляшенко, Е. С. Языковая репрезентация составляющих ситуации качественного изменения в художественных текстах* / Е. С. Ляшенко // *Вестн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та.* – 2013. – № 3. – С. 97–101.
8. *Ляшенко, Е. С. ИмPLICITное и эксплицитное представление параметра изменения в поверхностной структуре предложения* / Е. С. Ляшенко // *Эксплицитное и имPLICITное в языке и речи : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г.* / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 209–211.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- C – *Cussler, C. Treasure* / C. Cussler. – N. Y. : Pocket Books, 2011. – 678 p.
- H – *Hiaasen, C. Stormy Weather* / C. Hiaasen. – N. Y. : Warner Books, 2001. – 400 p.
- ME – *Microsoft Encarta // Encyclopedia Standard Edition* [Электронный ресурс]. – 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- R – *Rice, A. Lasher* / A. Rice. – N. Y. : Ballantine Books, 1995. – 628 p.

Поступила в редакцию 30.04.2021

Назина Гликерия Анатольевна
старший преподаватель кафедры
стилистики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь,

Hlikeryia Nazina
Senior Lecturer of the Department
of Stylistics of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus,
lika7-7@mail.ru

ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

TEXTOTYPOLOGICAL ASPECT OF ANALITICAL MEDIA TEXTS ABOUT WAR CONFLICT

Данная статья посвящена исследованию англоязычных аналитических медиатекстов о военно-политическом конфликте в рамках текстотипологического подхода к описанию текста. Рассмотрены актуальные вопросы типологического описания текстов на современном этапе развития филологии и изложены результаты анализа практического материала по выявлению типологических категориальных признаков военно-аналитического медиатекста.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: *текстотипологический подход; военно-аналитический медиатекст; жанр текста; текстотип; типологические категориальные признаки; дискурсивно-стилевые категориальные признаки; жанрообразующие категориальные признаки.*

The article is devoted to the study of analytical media texts about war conflict, applying a textotypological approach to text description. Topical issues of typological description of texts in contemporary philology are considered. The results of practical analysis on identifying typological categorical characteristics of a military-analytical media text are represented.

Key words: *textotypological approach; military-analytical media text; text genre; text type; typological categorical characteristics; discourse-style categorical characteristics; genre forming categorical characteristics.*

В проведенном исследовании было проанализировано 90 англоязычных аналитических медиатекстов США, Великобритании и Канады о военно-политических конфликтах в Косово и Сирии на предмет выявления их структурных и семантических характеристик. В ходе данного анализа применялся жанрово-дискурсивный/текстотипологический подход к описанию текста.

Проблема типологического описания текстов на современном этапе развития филологии продолжает оставаться актуальной. В рамках этой проблемы дискуссионными признаются следующие вопросы: понятие жанра, соотношение терминов «жанр/тип текста», выявление специфики дискурсивных жанров в их взаимосвязи с условиями общения, а также взаимодействие различных жанровых форм.

Понятие конкретной речевой разновидности текста ассоциируется с терминами *жанр речи/общения*, *языковой жанр* и *тип текста*. Значительный вклад в изучение данного понятия внес представитель русскоязычной исследовательской традиции, автор лингвофилософской концепции – М. М. Бахтин, согласно которому речевые жанры соответствуют типичным ситуациям общения, представляя собой типы высказываний, являющиеся относительно устойчивыми в тематическом, композиционном и стилистическом планах [1]. Под высказыванием М. М. Бахтин понимает «минимальную, отличающуюся смысловой завершенностью единицу общения, о границах которой сигнализирует смена коммуникантов. Речевой жанр передает однотипное предметно-смысловое содержание и предстает в высказывании как факт социального взаимодействия, как соотношение позиций участников общения. К признакам речевого жанра относятся: сфера и конкретная ситуация общения, предполагаемый адресат, адресант, авторский замысел, целостность, сходные композиционно-стилистические особенности, обусловленные смысловым содержанием высказывания и субъективным отношением адресанта к нему» [цит по: 2, с. 28].

В целом жанр понимается либо как разновидность функционального стиля, определяемая особой композицией, характером и эмоциональной окраской представляемой информации – языковой жанр, либо как закрепленная традицией речевая форма реализации функции практического назначения сообщаемого содержания – жанр общения. Концепция М. М. Бахтина является фундаментальной теоретической базой для большинства актуальных исследований текста, выполняемых в рамках стилистики, лингвистики текста, теории дискурса, литературоведения, риторики, прагматики и компьютерной лингвистики.

В настоящее время некоторые лингвисты предлагают заменить термин *жанр* термином *тип текста*, объясняя это противоречиями в употреблении термина *жанр*. Считается, что данный термин больше подходит для литературоведческих исследований как синонимичный понятиям *литературный/литературно-художественный жанр* и тесно связан с традициями описания художественно-эстетических произведений. Понятие типа текста/текстотипа чаще используется при описании нехудожественных текстов в контексте типологических описаний, направленных на изучение функциональной и структурной специфики текстов различного тематического содержания. Так, В. Е. Чернявская, следуя разработкам немецких исследователей, под типом текста понимает «культурно-историческую сложившуюся продуктивную модель, образец текстового построения, определяющий функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием» [3, с. 35].

По мнению В. Е. Чернявской, Т. С. Глушак и многих других исследователей, в коммуникативном пространстве тип текста непосредственно соотносится с понятием жанра текста, однако при этом следует помнить о разноплановом характере обозначенных понятий [4; 5; 6; 7; 2].

В данном исследовании объектом выступил *военно-аналитический медиатекст*, под которым понимается написанный журналистом-экспертом в области военно-политических отношений текст публицистического характера, отражающий проблематику военно-политического конфликта в апеллятивно-аналитическом ключе и предназначенный для газеты или журнала. С точки зрения жанрово-дискурсивного или (по терминологии В. Е. Чернявской) текстотипологического подхода такой текст является аналитическим типом медиатекста на военно-политическую тематику и представляет собой тематическую/жанровую разновидность аналитического медиадискурса, поскольку, будучи медиатекстом, он приобретает новые качества и свойства, обуславливаемые спецификой прагматических установок и содержательно-тематических параметров. В рамках анализа дискурса это означает, что исследование той или иной разновидности медиадискурса предполагает «дедуктивную ступенчатость в систематизации и иерархизации параметральных признаков текстов, в особенности тех из них, которые функционируют на стыке коммуникативных сфер» [8, с. 80].

Согласно подходу, обозначенному выше, описание типизированных текстовых форм идет по проекции схемы в рамках традиционной функционально-системной парадигмы, разработанной М. М. Бахтиным для стиля художественной литературы и несколько модифицированной другими исследователями (М. Н. Кожина [9], Н. М. Разинкина [10], В. Е. Чернявская [3] и др.) для других коммуникативных сфер, предполагающей единство трех компонентов текста: его темы, композиционного оформления и авторского стиля. Так, для сферы научной коммуникации параметральные признаки жанра формулируются как «общая целеустановка, сходные композиционные формы, языковые средства и их экспликации» [3, с. 35].

В целом, толкование текста предполагает как собственно лингвистические (стандартизированный для данного типа текста набор разноуровневых языковых средств), так и экстралингвистические критерии – доминирующая текстовая функция/целевое назначение и тематическая одноплановость, композиционно оформленная в соответствии с конвенциональными нормами исследуемого типа текста (М. Н. Кожина, В. Е. Чернявская) [цит по: 8].

Ввиду того, что военно-аналитический медиатекст частично обладает свойствами как научного, так и художественного текста, представляется целесообразным рассмотреть в нем единство трех компонентов: тему (экстралингвистический критерий художественного текста)/функцию (экстралингвистический критерий научного текста) – композицию – языковые средства. Мы полагаем, что в исследуемой разновидности медиадискурса глобальные параметральные признаки аналитического медиатекста о военно-политическом конфликте специфическим образом модифицируются под влиянием двух факторов – глобальной темы «Военно-политический конфликт» и доминирующей персуазивной функции.

Тема в представляемом исследовании понимается как широкая категория – определенная структура однотипных ситуаций, характерных для

любого современного военного-политического конфликта в ходе его экспликации в массмедиа и являющихся его неотъемлемыми компонентами. Гипотеза проведенного исследования заключается в том, что глобальная тема «Военно-политический конфликт» может структурироваться как на семантическом уровне, так и на композиционном в исследуемом типе медиатекста. Семантический уровень анализа предполагает выявление содержательных/семантических компонентов данной глобальной темы, типичных для всех исследуемых текстов в той или иной мере; а композиционный уровень – выделение композиционных блоков, характерных для развертывания глобальной темы «Военно-политический конфликт» в военно-аналитическом медиатексте. Это означает, что исследуемой разновидности медиадискурса присущи определенные тематическая и композиционная канонические структуры, обусловленные глобальной темой «Военно-политический конфликт» и особой прагмаустановкой.

Поскольку, как было отмечено выше, систематизация и иерархизация параметральных признаков текстов той или иной разновидности медиадискурса подразумевает дедуктивную ступенчатость, своеобразие военно-аналитического медиатекста обусловлено тремя факторами: дискурсивно-стилевым, жанрообразующим и функционально-тематическим.

Данные факторы предопределяют детерминированную иерархию типичных категориальных признаков исследуемой разновидности медиадискурса: первый уровень абстракции складывается из дискурсивно-стилевых инвариантных параметров, характерных для медиадискурса в целом; второй уровень абстракции состоит из жанрообразующих инвариантных параметров, присущих аналитическому типу медиатекста и третий уровень абстракции включает в себя вариативные признаки, типичные для репрезентации военного-политического конфликта в массмедиа.

Согласно результатам проведенного исследования были получены типичные категориальные признаки военно-аналитического медиатекста. В набор *инвариантных дискурсивно-стилевых категориальных признаков* входят:

- 1) диалогичность [11, л. 14; 12];
- 2) персуазивность, актуализируемая посредством аргументации и широкого круга экспрессивных приемов и средств [11, л. 14; 13, с. 24–34];
- 3) модализованность, реализуемая с помощью выражения мнения и экспрессивно-оценочных средств [11, л. 14; 14; 15; 16];
- 4) специфический хронотоп, обусловленный актуальностью представляемого события [11, л. 14; 12];
- 5) интертекстуальность, создаваемая с помощью цитирования мнения специалистов/участников событий и/или отсылки к суждениям экспертов, источникам информации [17, с. 77].

Инвариантными жанрообразующими признаками являются:

- 1) проблемное раскрытие тематики;

2) композиция с превалированием композиционно-речевой формы «рассуждение», доминирующей над композиционно-речевыми формами «описание» и «повествование»;

3) особый характер адресанта, в качестве которого выступает журналист-аналитик или эксперт описываемой проблемной сферы;

4) адресат, интересующийся проблематикой определенной сферы;

5) инсценированность, актуализируемая в ходе создания прогноза развития того или иного события, который является одним из факультативных компонентов семантической структуры аналитического типа текста.

Собственно типологические тематические признаки, обусловленные особым развертыванием глобальной темы «Военно-политический конфликт», включают в себя:

- семантическую специфику, реализуемую в канонической тематической структуре, состоящей из стандартизированного набора восьми общих тем – семантических компонентов глобальной темы «Военно-политический конфликт». В такой набор входят *три сквозные темы*: «Военно-политический конфликт» (языковые маркёры: *war* ‘война’, *civil war* ‘гражданская война’, *chaos* ‘хаос’, *hell* ‘ад’); «Предмет военно-политического конфликта» (языковые маркёры: *strategy* ‘стратегия’, *independence* ‘независимость’, *unilateral independence* ‘независимость в одностороннем порядке’); «Участники военно-политического конфликта» (языковые маркёры: *Russian government* ‘правительство России’, *the Obama administration* ‘администрация Обамы’, *Kosovo’s leadership* ‘руководство Косово’); *три ключевые темы*: «Противоречия» (языковые маркёры: *to prevent* ‘препятствовать’, *to reject* ‘отвергать’, *to veto* ‘накладывать вето’, *abstention* ‘воздержание’), «Прогноз развития военно-политического конфликта» (языковые маркёры: *repercussions* ‘последствия’, *a black hole of instability* ‘черная дыра нестабильности’), «Разрешение военно-политического конфликта» (языковые маркеры: *a path* ‘дорога’, *means* ‘средства’, *a recipe* ‘рецепт’) и *две комплементарные темы*: «Положение мирного населения» (языковые маркёры: *the humanitarian disaster* ‘гуманитарная катастрофа’, *ethnic cleansing* ‘этническая чистка’); «Военные действия» (языковые маркёры: *airstrikes* ‘авиаудары’, *to move militarily* ‘совершать военные действия’, *military intervention* ‘военное вмешательство’). Некоторые темы распадаются на более частные подтемы, субподтемы и субсубподтемы;

- характерную композиционно-смысловую структурированность, которая проявляется в устойчивом иерархическом наборе пяти композиционно-тематических блоков. В него входит *три основных композиционно-тематических блока*: «Констатация адресантом проблемной ситуации той или иной ключевой темы военно-аналитического медиатекста», «Детализация адресантом определенной ключевой темы военно-аналитического медиатекста», «Логическое заключение адресанта относительно той или иной общей темы военно-аналитического медиа-

текста» и *два второстепенных композиционно-тематических блока*: «История военно-политического конфликта», «Мнение адресанта по той или иной общей теме военно-аналитического медиатекста»;

- адресанта – журналиста-аналитика/эксперта военно-политической сферы/участника военно-политического конфликта;

- адресата – читателя, заинтересованного военно-политическим конфликтом;

- особый хронотоп, репрезентирующий такие семантические компоненты исследуемой глобальной темы, как история конфликта, его длительность, незавершенность, пути разрешения конфликта, прогноз развития конфликта, место конфликта и его масштабность;

- характерную инсценированность, актуализируемую в ходе создания прогноза развития военно-политического конфликта.

Таким образом, типологические признаки военно-аналитического медиатекста обуславливаются тремя факторами (дискурсивно-стилевым, жанрообразующим и функционально-тематическим) и формируются на трех уровнях абстракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 237–280.
2. *Кунцевич, С. Е.* Особенности виртуальных литературно-художественных жанров / С. Е. Кунцевич // Соловьёвские чтения – 2016 : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 27–35.
3. *Чернявская В. Е.* Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – Изд. 2-е. – М. : КомКнига, 2005. – 128 с.
4. *Бородько, Д. А.* Вербализация концепта «вооружённый конфликт» в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. А. Бородько ; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2013. – 31 с.
5. *Glushak, T. S.* Funktionalstilistik des Deutschen : учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов иностр. яз. / Т. S. Glushak. – Минск : Выш. шк., 1982. – 312 с.
6. *Синдеева, Т. И.* Речевой жанр «Газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. И. Синдеева ; Моск. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1984. – 25 с.
7. *Тырыгина, В. А.* Проблема жанра в массово-информационном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / В. А. Тырыгина ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2008. – 46 с.

8. *Крохалева, Л. С.* Возможные подходы к типологическому изучению маргинальных жанров / Л. С. Крохалева // Постклассическая стилистика и дискурсивный анализ текста : материалы межвуз. круглого стола (кафедра стилистики англ. яз.), 11 дек. 2008 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: С. Е. Кунцевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Вып. 2. – С. 79–82.
9. *Кожина, М. Н.* Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2004. – С. 9–33.
10. *Разинкина, Н. М.* Функциональная стилистика : на материале англ. и рус. яз. : учеб. пособие / Н. М. Разинкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 269 с.
11. *Желтухина, М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина. – М., 2004. – 399 л.
12. *Чистая, С. Ф.* Типологическое своеобразие англоязычного печатного медиадискурса / С. Ф. Чистая // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 23–24 апр. 2015 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – Ч. 4. – С. 133–138.
13. *Чернявская, В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 128 с.
14. *Баженова, Е. А.* Медiateкст в дискурсивно-стилистическом аспекте / Е. А. Баженова, Е. А. Медведева // Филология и культура = Philology and culture. – 2015. – № 2 (40). – С. 23–27.
15. *Солганик, Г. Я.* Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Г. Я. Солганик. – М., 1977. – 286 л.
16. *Кобрина, О. А.* Модусные категории как способ выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
17. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 202 с.

Поступила в редакцию 31.05.2021

Романкевич Марина Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Maryna Romankevich
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
romankevich_marina@mail.ru

ОТ АНОМАЛИИ К НОРМЕ:
ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

FROM ANOMALY TO NORM:
FEMINITIVES IN MODERN FRENCH LANGUAGE

В статье рассматриваются способы и пути пополнения словарного состава французского языка в социокультурном аспекте. Массовое появление феминитивов, обусловленное в первую очередь запросами современного французского общества, уравнивается спецификой их кодификации. Изначально квалифицируемые как аномалии, феминитивы закрепляются в качестве нормативных единиц при условии их соответствия существующим словообразовательным моделям и общепринятым фонетическим нормам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *феминитив; норма; грамматическое правило; форма женского рода; аномалия.*

The article examines the process of replenishing the vocabulary of the French language in the socio-cultural aspect. Massive appearance of feminitives, due to the demands of modern French society, is balanced by the specifics of their codification. Initially qualified as anomalies, feminitives are fixed as a normative unit if they are euphonious and familiar, and if they correspond to existing word-formation models.

К e y w o r d s: *feminitive; norm; grammar rule; feminine form; anomaly.*

В стандартной ситуации общения говорящий способен продуцировать новые языковые единицы, которые характеризуются разной степенью их соответствия норме. Генерация новых слов отражает коммуникативные установки и речемыслительные приоритеты носителя языка. В этом аспекте особую актуальность приобретает не просто фиксация новообразованных языковых средств, а изучение механизмов, моделей их образования, поскольку последние раскрывают внутренние потенции языковой системы к самообновлению.

Создаваемым единицам свойственна разная степень соответствия нормативным требованиям, исходя из чего данные единицы трактуются по-разному вплоть до того, что их называют аномальными. Упомянутое понятие аномалии требует краткого объяснения, поскольку сам термин *аномалия* встречается не часто в лингвистических исследованиях. Так, вслед за Ц. Тодоровым, Н. Холмским и др., понимаем аномалию как отклонение от нормы, от грамматического правила. В пользу данной интерпретации говорят

следующие тезисы – «distingue deux sortes d'anomalies dues au manque d'application soit des règles de subcatégorisation, soit des règles sélectives» досл. 'различает два вида аномалий из-за неприменения либо правил согласования, либо правил отбора' (здесь и далее перевод наш. – М. Р.) [1, p. 101] и «ils sont ignorés dans la grammaire traditionnelle, ce qui revient à confirmer leur caractère anormal» 'они игнорируются традиционной грамматикой, что означает подтверждение их ненормального характера' [2, p. 167]. Использование французским лингвистом глагола *ignorer* (ср. 'refuser de constater l'existence de quelque chose, d'en tenir compte' 'отказываться замечать существование чего-либо, принимать во внимание' [3]) подчеркивает тот факт, что «аномальные» единицы не признаны традиционной грамматикой.

Для номинации такого рода единиц во французской грамматике существуют обозначения: *atypiques*, *non standard*, *obliques*, *asymétriques*, *variantes* [2, p. 167], каждое из которых по-своему подчеркивает отклонение от нормы. Так, терминологические обозначения *atypique* и *non standard* напрямую связаны с понятием нормы. Анализ дефиниций соответствующих слов показывает, что они употребляются в случае, если необходимо указать на некое отклонение от нормального, привычного: ср. *non standard* – 'qui ne répond pas aux canons d'un modèle **habituel**, aux **normes courantes** d'un appareil' досл. 'кто не соответствует канонам обычной модели, действующим стандартам устройства' [3] и *atypique* – 'diffère du type **normal**' досл. 'отличается от обычного типа' [Там же] и 'n'entrant pas dans le cadre du travail **normal**' досл. 'не в рамках нормальной работы' [Там же]. Таким образом, данные терминологические единицы эксплицитно отмечают, с одной стороны, их новизну (ne répond pas aux canons **habituels**), с другой – несоответствие нормальному, т.е. нормативному порядку. В свою очередь терминологические обозначения *obliques*, *asymétriques*, *variantes* и м п л и ц и т н о указывают на отклонение от нормы, о чем свидетельствуют следующие части их дефиниций: *oblique* – 'qui est de biais, dévié' досл. 'кто перекосился, отклонился' [Там же]; *variante* – 'chose qui diffère légèrement d'une autre de la même espèce' досл. 'что-то, что немного отличается от объекта того же вида' [Там же]; для *asymétrique* синонимом является прилагательное *irrégulier* 'нерегулярный'. Таким образом, можно сказать, что носитель языка «угадывает» наличие аномалии интуитивно: «le seul critère pour découvrir une anomalie est l'intuition des sujets parlants» [1, p. 101].

Единицы, не соответствующие нормативному языку (du bon usage и la grammaire traditionnelle), характеризуются эпизодичностью, что говорит о том, что для них важен временной параметр. Вместе с тем даже кратковременное, но регулярное употребление в стандартных ситуациях общения может привести к закреплению таких новообразований в качестве нормативных единиц. Отмечаем, что увеличению коммуникативной регулярности употребления способствует их частотность в массмедийном дискурсе, в котором участвуют широкие социальные группы (профессиональные, возрастные, гендерные и т.д.) носителей языка.

В большинстве случаев новообразования соответствуют ожидаемым параметрам (структурным или семантическим), свойственным определенной группе языковых единиц. В аспекте фиксации новообразованных единиц значимыми являются факторы «адекватности и уместности» (*d'adéquation et de pertinence* [4]) и соответствия словообразовательным моделям («*motivée par les conditions de bonne formation des unités lexicales ou motivée par les contraintes qui pèsent sur l'actualisation des unités lexicales*» [Там же, p. 84]). Отмечаем также, что для разных классов слов или разных тематических групп структурные, фонетические и семантические параметры различны. В данном случае остановимся на анализе группы новообразованных имен существительных, обозначающих профессию. Интерес к указанной лексико-семантической группе слов продиктован несколькими причинами: во-первых, данная лексическая подсистема находится в постоянном развитии и подвержена влиянию не только языковых, но и экстралингвистических факторов (появление новых профессий, инновации в отдельных видах трудовой деятельности, а также широкое вовлечение женщин в нетрадиционные для них отрасли, что влечет за собой изменения в представлении «образов профессий» в языковом сознании); во-вторых, эти единицы позволяют раскрыть особенности в реализации лингвокреативного потенциала языковой личности; в-третьих, функционирование нескольких графических вариантов названий профессий является показателем изменения и вариативности нормы (в частности, орфографической, словообразовательной).

Цель данной статьи состоит в определении факторов, значимых для кодификации распространенных феминитивов современного французского языка. Объектом исследования послужили феминитивы французского языка, предметом – их морфологические, семантические и функциональные особенности в медийном дискурсе.

Поскольку «аномальность» феминитивов выявляется через их соответствие грамматической норме, т.е. определенным правилам образования и использования языковых единиц, то кодификация новообразованных феминитивов происходит в результате их признания Французской академией, занимающейся разработкой принципов и самим процессом нормализации языковых и речевых единиц, и фиксации в толковых словарях французского языка. Исходя из этого данная статья сосредоточена на изучении не столько стилистически нейтральных феминитивов, которые закрепились издавна по отношению к лицам женского пола, занятым по специальности «женской» и «мужской» в равной мере, а тех, которые не подчинялись общим правилам по внеязыковым причинам: «некоторые названия профессий, которые по традиционным причинам всегда остаются в мужском роде» [5]. Данные единицы сложились в тот временной период, когда женщины не занимались определенными видами профессиональной деятельности: например, *un médecin* ‘врач’, *un pompier* ‘пожарник’, *un pilote* ‘пилот’, *un professeur* ‘учитель’, *un écrivain* ‘писатель’, *un ingénieur* ‘инженер’

и т.п. Вышеназванная историческая традиция, закреплённая в гендерно маркированных названиях профессий, постепенно стирается вслед за декларируемым и реально существующим равноправием полов и изменением мировоззрения [5].

Таким образом, запросы общества в восстановлении социальной справедливости и гендерной конкретизации человека, выполняющего определённые профессиональные действия, приводят к появлению номинаций, не подчиняющихся нормативным требованиям грамматики.

Согласно академическим грамматическим нормам в случае, если необходимо уточнить принадлежность к женскому полу, используют существительное *une femme* ‘женщина’ в словосочетаниях типа *une femme médecin, une femme professeur*. Однако в разговорном языке и текстах СМИ все чаще встречаются отклоняющиеся от нормы узуальные формы женского рода, подобные следующим: *la professeur, la professeure, une écrivaine* и т.п.

Остановимся подробнее на специфике кодификации некоторых «аномальных» единиц, часто встречаемых в авторитетных франкоязычных СМИ (*Le Monde, Le Figaro, 20 Minutes* [6; 7; 8]). В текстах нами отмечены следующие узуальные графемы (*chef-fe, président.e*) и варианты формы женского рода (в заголовках статей 2016–2020 гг.):

- *présidente*: Elle devient ensuite **présidente** de section locale à Paris-2; L'ex-**présidente** à nouveau condamnée à de la prison; La **présidente** de la commission spéciale examinant la réforme des retraites dénonce « les méthodes » de la France insoumise и т.п., где форма женского рода *présidente* оформляется артиклем женского рода (*La*) и сопровождается причастием в женском роде (*condamnée*);

- *professeure*: Gironde : Un groupe Facebook créé pour honorer **la professeure**...; Marseille : **La professeure** suspendue pour des relations avec des...; Eurovision 2013 : **La professeure** Armande Altaï fera partie du jury...; Cette **professeure** de 60 ans ignorait que l'arme braquée sur elle était factice, a précisé son avocate, Me Hajer Nemri ... и т.п. Для данной лексемы есть и сокращение в форме женского рода: *la prof* (*Perpignan : La prof de musique faisait les poches de ses collègues* или *Créteil : La prof braquée par un élève reste « très choquée »*). В этом случае наличие сокращения *la prof*, как и для формы мужского рода, доказывает закреплённость феминитива.

Наряду с указанными выше формами существительных в заголовках с 2013 года, после принятия в 2012 г. закона об отмене использования в официальных документах слова *mademoiselle* ‘мадемуазель’, в огромном количестве (до десятков тысяч контекстов) встречаются следующие феминитивы:

- *auteure*: L'**auteure** de « 50 nuances de Grey » est l'écrivain le mieux payé...; La jeune **auteure** de la série aux 20 millions de lecteurs; J.K. Rowling, l'**auteure** d'« Harry Potter » dévoile deux lettres du titre и т.п.;

• *écrivaine*: A 7 ans, Michelle est la plus jeun **écrivaine** d'Afrique; Emmanuel Macron nomme l'**écrivaine** Leïla Slimani représentante; L'**écrivaine** indienne Sushmita Banerjee, assassiné mercredi selon la police afghane par des talibans, avait souhaité retourner en Afghanistan ... и т.п. В последних двух случаях отмечаются похожие способы оформления формы женского рода;

• *ingénieure*: Nasa : La première **ingénieure** afro-américaine, Mary W. Jackson, donne son nom au siège de l'agence; Du cliché de l'**ingénieure** geek ou en blouse blanche, Virginie Avez en est bien loin; Pour l'**ingénieure** pédagogique Jennifer Carmichael, l'éducation des personnes handicapées passe par un usage raisonnée des outils и т.п. В данном случае перед существительным, начинающимся с гласной буквы, используется усеченный артикль *l'*, но в первом заголовке форма женского рода *ingénieure* «подчеркивается» детерминативами – артиклем *la* (ж. р.), порядковым числительным в функции определения *première* (ср. форма мужского рода – *premier*) и прилагательным *afro-américaine* (ср. форма мужского рода – *afro-américain*).

Упомянем, что рассматриваемые существительные образуются по основному правилу образования женского рода во французском языке: путем добавления конечного *-e*. В то же время следует отметить, что данная подгруппа единиц может иметь фонетические различия при произнесении форм мужского и женского рода. Так, некоторые варианты женского рода звучат одинаково (*auteur* и *auteure*, *professeur* и *professeure*, *ingénieur* и *ingénieure*) тогда, как *écrivain* и *écrivaine* различаются фонетической оппозицией [ɛ] – [ɛn] или *président* и *présidente* – [ɑ̃] – [ɑ̃: t].

Часть единиц одинаково пишутся, а идентифицировать форму мужского и женского рода можно по сопровождающим существительное детерминативам, чаще всего артиклю и прилагательному. К таким единицам «традиционно мужского рода», которые приобретают в медийных текстах форму женского рода, относятся:

• *le juge* → *la juge*: Sabine Khéris, **la juge** qui fait parler; Qui est Amy Coney Barrett, la magistrate que Donald Trump pourrait nommer comme nouvelle **juge** à la Cour suprême ?; **La juge** nommée par Donald Trump franchit un cap... и т.п.;

• *le ministre* → *la ministre*: **La ministre** belge des Affaires étrangères, Sophie Wilmès, 45 ans, a été placée en soins intensifs en raison d'une contamination au Covid-19; **La ministre** se déplace avec tous les membres du groupement d'intérêt économique Rafale, dont Dassault, Safran, MBDA et Thalès и т.п.;

• *un guide* → *une guide*: Une **guide** strasbourgeoise propose de visiter la capitale alsacienne; Sous un soleil de plomb, **la guide** touristique Audrey Cana nous emmène au sud de l'île; Ainsi, dimanche matin, une vingtaine de personnes s'est laissée envoûter par les histoires de Pascale, **la guide**, et les fragrances de Caroline и т.п.;

- *un architecte* → *une architecte*: Bordeaux : Une **architecte** « *effarée voir à quel point les belles* »; Marie-Pierre Servantie, **chromo-architecte** à Bordeaux, *tient une conférence ce lundi sur la place de la couleur dans la vie de tous les jours* и т.п.;

Наряду с названными выше единицами в толковом словаре французского языка нет зафиксированного варианта *cheffe* ‘шеф/начальница’ (*chef* в мужском роде); однако во французских ежедневных изданиях национального уровня часто используется данная узуальная единица. Справедливым будет отметить, что нормативные лексикографические источники говорят о том, что «*Cette graphie tend à se répandre ailleurs dans la francophonie, en France notamment*» досл. ‘данная графема распространяется во франкоязычных странах, в частности, во Франции’ [3], а в Швейцарии данный вариант широко распространен. Последнее замечание требует пояснения: во французском языке формы женского рода терминологически обозначены как *graphie* ‘графемы’, что показывает в первую очередь графическое восприятие данных форм французами, в то время как советская традиция трактует данные варианты как морфологические формы.

Так, анализ контекстов следующих высказываний *Emmanuel Macron promet à la cheffe de l’opposition son aide à la médiation avec Minsk*; *La Chine prévoit de remplacer la cheffe de l’exécutif*; *L’ancienne cheffe du Parquet national financier Eliane Houlette avait évoqué des « pressions » lors de l’affaire Fillon*; *Angela Merkel refuse de se voir en cheffe de guerre*; *Deux fois ministre des finances, l’éphémère cheffe de la diplomatie du Nigeria, 66 ans, a fait l’essentiel de sa carrière à la Banque mondiale*; *Cheffe d’entreprise, êtes-vous prêt-e pour le règlement général sur la protection des données ?* показывает, что значения ЛСВ практически такие же, как и для формы мужского рода *chef*: 1) ‘Personne qui commande, qui exerce une autorité, une influence déterminante’ досл. ‘Лицо, которое командует, обладает властью, определенным влиянием’; 2) ‘Personne qui détient le pouvoir de décision dans un groupe ; leader’ досл. ‘лицо, имеющее право принимать решения в группе; лидер’ [3]. Контексты вышеприведенных высказываний позволяют однозначно интерпретировать актуализируемое значение: *la cheffe de l’opposition* досл. ‘глава/руководительница оппозиции’, *la cheffe de l’exécutif* досл. ‘глава исполнительной власти’, *L’ancienne cheffe du Parquet national financier* досл. ‘бывший глава национальной финансовой прокуратуры’, *l’éphémère cheffe de la diplomatie du Nigeria* досл. ‘эфемерный глава нигерийской дипломатии’, *Cheffe d’entreprise* досл. ‘руководитель(ница) предприятия’ [Там же].

Отдельными часто актуализируемыми значениями для данной единицы становятся:

- ‘personne dirigeant la cuisine’ досл. ‘человек, управляющий кухней’: в качестве примеров приведем следующие высказывания и заголовки *La cheffe du restaurant Racines Virginie Giboire et son compagnon le sommelier Fabien Hacques*; *Pourtant, la cheffe étoilée, juré star de « Top Chef », est*

la première à s'interroger sur sa légitimité; Dans son restaurant itinérant, **la cheffe** revisite les recettes du pays en valorisant les aliments produits sur place и т.п., где **la cheffe du restaurant** 'шеф-повар ресторана', **la cheffe étoilée, juré star de « Top Chef »** 'звездный шеф-повар, звездный жюри конкурса «Топ Шеф»' и **dans son restaurant itinérant, la cheffe** 'в своем мобильном ресторане шеф-повар' интерпретируются интуитивно и единообразно;

- 'musicien qui dirige l'exécution d'une œuvre exigeant le concours d'un ensemble' досл. 'музыкант, который руководит исполнением произведения, требующего помощи ансамбля' в заголовках типа *La Cheffe d'orchestre Mirga Grazinyte-Tyla*. В последнем примере подзаголовок уточняет, что речь пойдет не только о творческом пути артиста, но и о проблемах, с которыми сталкиваются женщины в данной профессиональной сфере: *Le documentaire suit la jeune directrice musicale, mais sans jamais aborder le sujet de la place des femmes dans ce métier*.

Становление анализируемых единиц в качестве форм, соответствующих норме, происходит постепенно. Если ранее этот процесс был достаточно медленным, то в последнее время он становится стремительным. «Нормализация» лексических единиц зависит от их признания Французской академией, которая следит за чистотой французского языка с XVII в. Справедливым будет отметить, что в последние годы Французская академия признала проанализированные феминитивы: члены Французской академии называют их «“естественной эволюцией” французского языка» [9], поскольку «Академия считает, что любые изменения, которые имеют цель признать в языке место женщины в современном обществе, можно принять, если они не противоречат элементарным и основополагающим правилам языка» [Там же]. Однако определять полный список названий профессий не будут, считая это непосильной задачей [Там же].

Как видно из заявлений членов Французской академии и распространенных во французских СМИ феминитивы типа **la professeure, l'auteure, la juge, la ministre, la députée, l'avocate, la procureure, l'écrivaine, l'ingénieure, une médecin** или **une docteure** не вызывают отторжения и спокойно воспринимаются, так как фонетически и (реже) графически мало чем отличаются от форм мужского рода и вписываются в основное правило образования женского рода во французском языке. Согласимся, что существующая в Канаде форма *sapeuse-pomprière* (ср. форма мужского рода – *sapeur-pompier* 'пожарный'), несмотря на ее соответствие словообразовательной модели *-eur → -euse*, вызывает некоторые вопросы. К тому же Французская академия выступает против форм, которые 'представляют собой настоящие варварства, например, *procureure, sapeuse-pomprière, recteure*', поскольку 'название функции понимается как нейтральное, отличное от пола человека' («s'élevait contre “un esprit de système qui tend à imposer (...) des formes qui sont contraires aux règles ordinaires de dérivation et constituent de véritables barbarismes”, par exemple *procureure, sapeuse-pomprière, recteure*. Pour l'institution,

“ *la dénomination de la fonction s’entend comme un neutre distinct du sexe de l’individu qui l’incarne* ” » [10]). Кроме этого, необходимо учитывать фактор привычного употребления и фактор «красоты» звучания: лингвист Б. Серкилини считает, что новообразованные единицы не закрепляются из-за психологических и социокультурных причин, когда эти единицы беспокоят носителей языка: «*La néologie est dissonante quand elle est dérangeante*» [Там же], т.е. «режет слух».

Дискуссии о судьбе феминитивов ведутся давно не только среди российских, зарубежных и отечественных лингвистов, но и журналисты часто посвящают статьи интересным словоупотреблениям. В частности можно упомянуть статью Г. Дюпона «*Féminisation des noms de métiers : encore un effort !* » (Le Monde, 2016 г.), в которой отмечается, что тридцать лет спустя появления циркуляра 11 марта 1986 г. о необходимости использования феминитивов («*la féminisation des noms de métiers, fonctions, grades, ou titres* » dans tous les textes réglementaires et documents officiels [Там же]) данные формы не вошли в постоянный обиход. Показательным остаются следующие примеры употребления анализируемых существительных: *Madame le député* ‘Госпожа депутат’, *Madame le sénateur* ‘Госпожа сенатор’, *Madame le président* ‘Госпожа президент’ или совсем интересный – *Monsieur la députée* досл. ‘Господин «депутатка»’.

В продолжение темы отметим, что в разговорном языке и в прессе можно встретить формы *une chirurgienne* ‘женщина-хирург’, *une experte* ‘женщина-эксперт’, *une policière* ‘женщина-полицейский’, *une préfète* ‘женщина-префект’, *une principale* ‘женщина-директор’, *une contrôleur générale des prisons* ‘главный контролер тюрем’, *une économiste chevronnée* ‘опытный экономист’, *une militante féministe* ‘активистка-феминистка’, *une entrepreneuse* (форма мужского рода – *entrepreneur*) ‘женщина-предприниматель’, *la chancelière allemande* ‘канцлер Германии’ и т.п. Возможно, узואальное употребление феминитивов зависит не только от лингвистических особенностей единиц, но и от внеязыковых факторов – распространения определенного вида профессиональной деятельности среди женщин. В этой связи малочисленность женщин-композиторов может объяснить тот факт, что на данный момент в анализируемых источниках не нашли формы женского рода для существительного *compositeur*.

Таким образом, на фоне появления феминитивов, отражающего современное состояние в обществе (феминистическое движение, которое стремится закрепить свои позиции в языке) и развитие языка, отмечаем все же, что не все новообразованные единицы кодифицируются и закрепляются в словаре. Темпы кодификации феминитива зависят от совокупности языковых и внеязыковых факторов, среди которых значимыми остаются фактор привычного употребления и благозвучия. Выявленные феминитивы французского языка подтверждают статус узואальной единицы с высокой частотностью использования в национальных СМИ (порой десятки тысяч

контекстов). Во французском языке процесс феминизации в области названий профессий определенным образом уравнивается группой единиц, менее подверженных этому процессу, типа обозначений некоторых должностей, ученых степеней, военных специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Todorov, Tz.* Les anomalies sémantiques / Tz. Todorov // *Langages*. – Paris, 1966. – P. 100–123.
2. *Neveu, F.* “Anomalies” syntaxiques aux avant-postes de l’énoncé [En ligne] / F. Neveu. – 2015. – P. 167–168. – Mode of access : <http://journals.openedition.org/pratiques/2661>. – Date of access : 15.02.2021.
3. *Le Petit Larousse illustré*. – Paris : Larousse, 2013. – 2016 p.
4. *Corbin, D.* Entre les mots possibles et les mots existants : les unités lexicales faible probabilité d’actualisation / D. Corbin // *Forum de Morphologie (Premières rencontres)*, Actes du colloque de Villeneuve d’Ascq (28–29 avr. 1997). – Lille, 1997. – P. 79–90. – (Silexicales, 1).
5. *Malochet, G.* La féminisation des métiers et des professions. Quand la sociologie du travail croise le genre / G. Malochet // *Sociologies pratiques*. – 2007. – № 1 (14). – P. 91–99.
6. *Le Monde* [En ligne]. – Mode of access : <https://www.lemonde.fr>. – Date of access : 15.02.2021.
7. *Le Figaro* [En ligne]. – Mode of access : <https://www.lefigaro.fr>. – Date of access : 15.02.2021.
8. *20 Minutes* [En ligne]. – Mode of access : <https://www.20minutes.fr>. – Date of access : 15.02.2021.
9. Во Франции официально признали феминитивы для обозначения профессий 2 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bbc.com/ukrainian/news-russian-47426408>. – Дата доступа : 15.02.2021.
10. *Dupont, G.* Féminisation des noms de métiers: encore un effort! [En ligne] / G. Dupont // *Le Monde*, 2016. – Mode of access : https://www.lemonde.fr/societe/article/2016/03/11/feminisation-des-noms-de-metiers-encore-un-effort_4880898_3224.html. – Date of access : 15.02.2021.

Поступила в редакцию 18.05.2021

Рускевич Людмила Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского
языка

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Liudmila Ruskevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of English Phonetics

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ruskevich.luvrus@gmail.com

ЭКСПРЕССИВНАЯ РЕЧЬ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ: ПРОСОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

EXPRESSIVE SPEECH OF ESL STUDENTS: THE PROSODIC ASPECT

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования признаков просодической интерференции в экспрессивных и нейтральных фразах на английском языке в речи студентов-лингвистов в сравнении с речью англичан. Наибольшее сходство просодической структуры было отмечено в аспекте просодического членения и модификации ч.о.т. на экспрессивном слове. В речи носителей языка наличие экспрессивного слова приводит к изменениям значений ч.о.т., интенсивности, длительности и темпа речи, как на самом слове, так и во всей фразе. В речи студентов отсутствовало четкое разграничение экспрессивных и нейтральных фраз по общечленным значениям указанных параметров. Данные отклонения могут быть обусловлены как влиянием просодии родного языка студентов, так и недостаточным владением ими английским языком.

Ключевые слова: экспрессивность; фонетика; просодия; просодическая интерференция; экспрессивная лексика.

The article presents the results of a phonetic experiment, which was aimed at investigating the features of prosodic interference in English expressive utterances pronounced by Belarussian students of English. The study has shown that ESL students were able to show the difference in the pronunciation of expressive and neutral words, although this difference was not as conspicuous as that of native speakers. Belarussian learners tend to modify the pitch characteristics of expressive words, while native speakers tend to change the pitch, loudness and durational features of both the expressive word and of the whole utterance. It is suggested that learners of English need to develop a better understanding of how prosody interacts with other language subsystems in expressive and neutral speech.

Key words: expressivity; phonetics; prosody; prosodic interference; expressive lexical units.

Согласно современному коммуникативному подходу к обучению фонетике иностранного языка, произношение рассматривается как интегральная часть речевого общения. Поэтому особую значимость приобретают исследования фонетической интерференции, уделяющие повышенное внимание просодическому аспекту речи, его коммуникативной значимости и взаимосвязи с другими подсистемами языка [1]. Важность изучения просодической интерференции наряду с сегментной обусловлена, в первую очередь, прак-

тическими целями лингводидактики и межкультурного взаимодействия [2; 3], поскольку такие исследования способствуют не только выявлению черт иноязычного акцента в просодии, но и позволяют выявить признаки, затрудняющие восприятие речи иностранцев и способствующие формированию негативного впечатления о ней [4]. Анализ устных ответов международных тестов на знание английского языка показал, что вклад только просодических характеристик в общую оценку уровня владения устной речью на иностранном языке (oral proficiency) и легкости понимания ее смыслового содержания (comprehensibility) достигает 50 % [5].

Фонетические исследования проблемы просодической интерференции ведутся достаточно длительное время на материалах разных языков, в результате чего были выявлены типичные отклонения от эталонного произношения носителей языка [6]. В частности, среди всех просодических признаков наибольшее влияние на качество речи на английском языке как иностранном, по общему мнению, оказывают темп речи, местоположение внутрифразовых границ, словесное ударение, выбор типа мелодического контура, локализация ядерного тонального акцента и их конкретная фонетическая реализация [5; 6; 7]. Английскую речь иностранцев характеризуют суженный частотный диапазон и неумение варьировать высотный уровень в зависимости от места фразы в фоноабзаце (сверхфразовом единстве), что может осложнить восприятие информационного и прагматического содержания речи [8].

Как известно, просодическая интерференция отличается особой устойчивостью и распространенностью, поэтому для овладения иностранным языком, особенно на продвинутом этапе изучения языка, необходимо сознательное усвоение его просодической системы [6]. При этом «обучение просодии (как и другим аспектам) возможно только в комплексе с обучением другим языковым средствам, по отношению к которым просодия выполняет интегрирующую функцию» [Там же, с. 103]. Исследователи просодической интерференции подчеркивают, что улучшение понимаемости речи на иностранном языке неносителями этого языка происходит одновременно с совершенствованием владения его грамматикой и словарем [5; 6; 9]. Обучение просодической системе иностранного языка должно опираться на ее научные описания, учитывающие типологические и конкретно-языковые черты реализации просодических единиц и их функционирование в речевой ситуации с учетом их взаимодействия с другими языковыми подсистемами (грамматикой и лексикой).

В то время как исследования связи просодии и синтаксиса многочисленны и разнообразны, аспект взаимодействия просодии и лексического состава остается недостаточно изученным. Результаты ранее проведенных фонетических исследований на материале английского и русского языков, в которых затрагивалась проблема взаимодействия просодических и лексических средств, свидетельствуют о наличии устойчивой корреляции между экспрессивной семантикой лексической единицы и экспрессивной просодией

[10; 11]. Экспрессивная интонация, соответствующая семантике эмоционально окрашенных слов в устной речи, играет важную роль в понимании содержания речевого сообщения, в том числе в распознавании самих слов [12].

Мы провели фонетический эксперимент с целью установления наиболее значимых отклонений просодической структуры экспрессивных высказываний в речи русскоговорящих белорусских студентов, изучающих английский язык в качестве основной специальности. В эксперименте использовались методика и результаты нашего диссертационного исследования взаимодействия просодических и лексико-семантических средств в выражении экспрессивности в английском языке [13], которое выявило ряд перцептивных и акустических просодических признаков высказываний, имеющих в своем составе экспрессивную лексическую единицу, по сравнению с синтаксически идентичными фразами, нейтральными (нейтрально-оценочными) по своему лексическому составу, например: *He looks **horrible** (vs. He looks **upset**)*. Во-первых, было подтверждено наличие тесной корреляции между просодическими и лексическими средствами экспрессивности, выражающейся в нормативной просодической маркированности экспрессивных лексических единиц, которая выступает в качестве их постоянной характеристики. Отсутствие просодической выделенности на экспрессивных лексических единицах значительно менее типично, чем ее присутствие на нейтральных словах, что свидетельствует о закреплённости в языке определенного, а именно экспрессивного, способа их произнесения. Высокая (как правило, эмфатическая) просодическая выделенность является неотъемлемой частью языковой характеристики экспрессивного (эмоционально окрашенного) слова. Во-вторых, изменения в просодической структуре экспрессивного высказывания по сравнению с просодией нейтральной фразы варьируются в зависимости от семантико-синтаксических свойств экспрессивных лексических единиц. Данная зависимость проявляется, в том числе, в локализации и структуре ядерного акцента как коммуникативного центра фразы, а также тенденции к относительной автономизации экспрессивного слова в просодическом контуре фразы. В-третьих, экспрессивные просодические средства локализуются не только на экспрессивном слове, но и распространяются на просодическую структуру всей фразы, что выражается в расширении ее высотного и динамического диапазона благодаря повышению максимальных и понижению минимальных общесловесных уровней ч.о.т. и интенсивности, а также в усложнении линии ч.о.т. и, тем самым, всего тонального контура. В-четвертых, при выделенности слога эмфатическим тональным акцентом длительность начального согласного возрастает в среднем в два раза, гласного – в среднем на 15–20 %. На 10–15 % может увеличиваться длительность конечного согласного. Темп речи, измеряемый количеством слогов в секунду [14], в экспрессивных фразах по сравнению с нейтральными замедляется в среднем на 20–30 % (например, 3,7–4,5 сл/сек. в экспрессивной фразе и 5,3–5,8 сл/сек. в нейтральной по данным дикторов-

англичан). Замедление темпа может быть следствием как увеличения длительности компонентов ударного слога при эмфатическом тональном акценте, так и увеличения числа кинетических тональных акцентов и большей расчлененности тонального контура.

Опираясь на полученные результаты, мы исследовали типичные отклонения в просодии экспрессивных высказываний на английском языке в речи студентов, профессионально изучающих английский язык. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка МГЛУ. Аудитору-носителю английского языка было предложено оценить записи студентов по двум критериям: степень иностранного акцента (слабый – умеренный – сильный) и характер интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высокоэкспрессивная). Аудитор прослушивал и оценивал записи каждого диктора, в которых экспрессивные фразы следовали друг за другом в случайном порядке. При оценивании степени акцента аудитор использовал шкалу *strong* (сильная) – *moderate* (умеренная) – *slight* (слабая), экспрессивность высказываний была оценена как *strongly expressive* (высокоэкспрессивная), *moderately expressive* (умеренно экспрессивная), либо *neutral* (нейтральная). В целом аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Интонация большинства реализаций экспрессивных фраз (от 52 % до 77 %, по данным разных дикторов) была оценена как высокоэкспрессивная, остальных – как умеренно экспрессивная (от 22 % до 47 % реализаций) и нейтральная (от 1,6 % до 5 % реализаций). То есть студенты отразили связь между экспрессивной просодией и экспрессивной лексикой экспериментальных предложений, однако степень просодической экспрессивности их речи, по мнению аудитора, оказалась ниже, чем у носителей языка. Мы не установили взаимосвязи между степенью иностранного акцента и экспрессивностью фразовой просодии (интонации).

Сравнение показателей темпа речи студентов и носителей языка показало, что студенты сохраняют практически одинаковый темп произнесения экспрессивных и нейтральных высказываний (4,7–4,9 сл/сек. в нейтральных и 4,5–4,7 в экспрессивных фразах). В свою очередь, как уже было отмечено, темп речи англичан при чтении экспрессивных фраз замедлялся в среднем на 20–30 %.

Студенты использовали тот же набор экспрессивных средств просодии, что и носители языка: эмфатические тональные акценты, сложные тоны (*rise-fall*, *rise-fall-rise*), составные контуры, специальные мелодические структуры предъядерной части фразы (шкалы и предшкалы). Основное отличие интонации студентов заключается в более редком использовании данных средств при произнесении экспрессивных английских фраз, а также отличиях в их фонетической реализации. Например, в речи студентов наблюдается значительно меньшее (в среднем в 4 раза) количество эмфатического нисходящего тона за счет увеличения количества других тональных акцентов, например, неэмфатического нисходящего и восходяще-нисходящего тона.

Наибольшее сходство просодической организации фразы в речи белорусских студентов и англичан обнаружилось в аспекте интонационного членения. Полное просодическое членение отмечалось в тех же местах во фразе (например, между подлежащим и сказуемым) и варьировало в тех же пределах. Однако студенты реже прибегают к тонкой просодической фразировке: тональные контуры произнесенных ими экспериментальных фраз отличаются в целом более простой (ровной или нисходящей) формой в предъядерной части интонационной группы (синтагмы), меньшей расчлененностью и большей цельностью контура. Данные признаки соответствуют контуру нейтральных фраз, что, в свою очередь, может быть причиной одинакового темпа в обеих группах высказываний.

Схожесть акустических характеристик речи студентов и речи англичан обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов. Однако конкретные значения ч.о.т. на экспрессивных словах у студентов оказались в среднем на 20–40 Гц ниже, чем у англичан.

По данным нашего анализа, наиболее значительные различия у всех студентов отмечались по параметру интенсивности, а именно в более низких значениях амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях фразы. В то время как значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, у носителей русского языка они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первой акцентной единице (первом полноударном слоге) фраз в речи студентов практически отсутствовали. Данное отклонение, на наш взгляд, можно объяснить интерферирующим влиянием родного (русского) языка дикторов, а именно меньшим относительным весом контраста по интенсивности в слоговыделенности в русском языке при большей роли компонента длительности [6].

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии англичан, является отсутствие у студентов различий по общефразовым значениям ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах.

Таким образом, наибольшее сходство наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей. Студенты понимают связь между семантикой экспрессивного слова и его просодической выделенностью во фразе. Вместе с тем, по сравнению англичанами, они недостаточно точно реализуют форму экспрессивного просодического контура всей фразы, что выражается в нечетком разграничении экспрессивных и нейтральных просодических контуров. То есть экспрессивный потенциал интонации целого высказывания остается не полностью раскрытым, хотя экспрессивность в любом языке, как известно, представляет собой комплексное явление, в котором взаимодействуют все языковые средства и которое охватывает всю фразу в целом. Таким образом, по нашему мнению, отклонения от интонации носителя языка могут быть обусловлены как интерферирующим влиянием просодии родного языка обучаемого, так и недостаточным владением английским языком при последовательном (сукцессивном) билингвизме. Как показало наше исследование, степень иноязычного акцента не связана со степенью экспрессивности речи на иностранном языке, однако уровень владения устной речью на иностранном языке (oral proficiency) предполагает умение соотносить единицы всех языковых подсистем и варьировать характер просодической выделенности отдельных слов в зависимости от их значения и просодической структуры всей фразы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jenkins, J.* Research in teaching pronunciation and intonation / J. Jenkins // Annual review of applied linguistics. – 2004. – Т. 24. – С. 109.
2. *Kang, O.* Relative salience of suprasegmental features on judgments of L2 comprehensibility and accentedness / O. Kang // System. – 2010. – Т. 38. – № 2. – С. 301–315.
3. *Pickering, L.* Intonation as a pragmatic resource in ELF interaction, revisited / L. Pickering, J. Litzenberg // Latest trends in ELF research. – 2011. – С. 77.
4. *Holden, K. T.* The emotive impact of foreign intonation : An experiment in switching English and Russian intonation / K. T. Holden, J. T. Hogan // Language and Speech. – 1993. – Т. 36. – №. 1. – С. 67–88.
5. *Kang, O.* Suprasegmental measures of accentedness and judgments of language learner proficiency in oral English / O. Kang, D. O. N. Rubin, L. Pickering // The Modern Language Journal. – 2010. – Т. 94. – №. 4. – С. 554–566.
6. *Метлюк, А. А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 112 с.
7. *Pickering, L.* The role of tone choice in improving ITA communication in the classroom / L. Pickering // Tesol Quarterly. – 2001. – Т. 35. – № 2. – С. 233–255.
8. *Pickering, L.* The structure and function of intonational paragraphs in native and nonnative speaker instructional discourse / L. Pickering // English for Specific Purposes. – 2004. – Т. 23. – № 1. – С. 19–43.

9. *Wennerstrom, A.* Intonational meaning starting from talk / A. Wennerstrom // *Spoken English, TESOL and applied linguistics.* – Palgrave Macmillan, London, 2006. – С. 72–98.
10. *Скорикова, Т. П.* Принципы описания акцентогенных свойств лексем / Т. П. Скорикова // *Проблемы фонетики : сб. ст. / Рос. акад. наук, Отд-ние яз. и лит., Ин-т рус. яз.* – М., 2002. – Вып. 4. – С. 181–190.
11. *Lehiste, I.* Suprasegmentals / I. Lehiste. – Cambridge : The MIT Press, 1970. – 194 p.
12. *Nygaard, L. C.* Communicating emotion : Linking affective prosody and word meaning / L. C. Nygaard, J. S. Queen // *Journal of Experimental Psychology : Human Perception and Performance.* – 2008. – Vol. 34(4). – P. 1017–1030.
13. *Рускевич, Л. В.* Взаимодействие просодических и лексико-семантических средств в выражении экспрессивности в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Рускевич. – Минск, 2013. – 160 л.
14. *Fenk-Oczlon, G.* Measuring basic tempo across languages and some implications for speech rhythm / G. Fenk-Oczlon, A. Fenk // *Proceedings of the 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association, INTERSPEECH 2010.* – 2010. – P. 1537–1540.

Поступила в редакцию 13.05.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'42: 79(045)

Еромейчик Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения и теории
коммуникации МГЛУ
Минский государственный
лингвистический университет
Республика Беларусь, г. Минск;

Tatsiana Eromeitchik
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
of MSLU
Minsk State Linguistic University
Belarus, Minsk
Tatsiana_Eromeitchik@tut.by

РЕЧЕЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА
СПОРТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛАРУСИSPEECH-GENRE SPECIFICITY
OF SPORTS COMMUNICATION IN BELARUS

В статье рассматривается институциональный дискурс спорта, представляющий собой конгломерат дискурсивных разновидностей, объединенных спортивной тематикой. Объектом изучения становятся доминантные информационные и аналитические жанры белорусской спортивной коммуникации, такие как заметка, интервью, аналитическая статья, репортаж, комментарий, инструктаж, медико-терапевтическая беседа и др. В ходе анализа выявляются жанрообразующие признаки спортивных текстов, структурные и лингвостилистические особенности, позволяющие установить универсальные системообразующие характеристики спортивного дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *спортивная коммуникация; массмедийный спортивный дискурс; жанр; суперструктура; экспрессивность; оценочность.*

The article examines the institutional discourse of sports, which is a conglomerate of discursive varieties united by sports thematics. The object of study is the dominant informational and analytical genres of Belarusian sports communication, such as a brief news item, an interview, an analytical article, a reportage, a commentary, an instruction, a medical and therapeutic conversation, etc. The analysis reveals genre-forming features of sports texts, their structural and linguistic peculiarities, which allows to establish the universal system-forming characteristics of sports discourse.

Key words: *sports communication; mass media sports discourse; genre; superstructure; expressiveness; appraisal.*

Общепринятым является тот факт, что спорт занимает существенную позицию в культуре современных сообществ, в связи с чем неуклонно растет и значение научных изысканий в данной области. В фокусе внимания настоящей работы находится спортивная коммуникация Республики Беларусь, под которой, вслед за В. Р. Мангутовой, понимается «многоплановый и многоуровневый коммуникативный конструкт, отражающий коммуникативные намерения субъектов спорта – спортсменов, тренеров, судей соревнований,

администраторов спорта, болельщиков как реальных (зрителей спортивных соревнований в реальных условиях спортивного события), так и виртуальных (телезрителей и радиослушателей, получающих визуальную и аудиальную информацию о спортивном событии посредством телевидения и радио), а также спортивных комментаторов, детализирующих для болельщиков информацию о спортивном событии» [1, с. 1573].

Данная трактовка позволяет интерпретировать спортивную коммуникацию как совокупность коммуникативных практик, обслуживающих институт спорта и репрезентированных в текстах спортивной тематики.

В то же время, говоря о спортивном дискурсе, необходимо подчеркнуть невозможность его существования «в чистом виде», поскольку спортивный дискурс всегда взаимодействует с другими типами дискурса. Так, К. В. Снятков отмечает, что «в общем коммуникативном пространстве спортивный дискурс непременно вступает в разнородные взаимодействия (тематическое соприкосновение, концептное взаимодействие, включение) с другими дискурсными разновидностями» [2, с. 6]. Поэтому следует признать, что спортивный дискурс Беларуси представляет собой сложное многофункциональное образование, включающее в себя и другие типы дискурса, такие как педагогический, проявляющийся в общении спортсменов и тренерско-преподавательского состава; медицинский, реализуемый в рамках оказания помощи спортсменам в период реабилитации; юридический, связанный с регуляцией спортивной деятельности в случаях нарушений правил проведения спортивных мероприятий; политический, реализуемый в ходе масштабных соревнований международного уровня; рекламный, используемый спортом в пропагандистских целях и др. Такая интертекстуальность отечественного спортивного дискурса обусловлена важным местом спорта в общественной жизни страны, совпадением целей и ценностей спортивного и других видов дискурса, а также явной коммуникативно-прагматической направленностью и аксиологической интенсивностью спортивной сферы.

Сложность самого феномена спортивной коммуникации, мощный суггестивный потенциал, богатые семиотические возможности, широкий инструментарий реализации обуславливают значительное жанровое разнообразие дискурса спорта. По мнению Е. Г. Малышевой, «это особый тип институционального дискурса, который организован по принципу поля и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединенных, прежде всего, общностью спортивной тематики и концептуальных (содержательных) доминант» [3, с. 26], что дает основание говорить о функционировании его ядерных и периферийных конститuentов. Причем к первым из них следует отнести те разновидности, которые отвечают всем системообразующим параметрам спортивной коммуникации (участники, цели, обстоятельства), в то время как вторые представлены диффузными вариантами, отвечающими критерию спортивной тематики, но обладающими дифференциальными чертами различных типов дискурса, взаимодействующих с дискурсом спорта.

В настоящее время существует множество определений речевого жанра. В данной работе, вслед за М. М. Бахтиным, под речевым жанром понимается «устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста» [4, с. 237]. Как отмечает В. А. Салимовский, речевые жанры, будучи культурными формами, отличаются такими основными свойствами, как объективность по отношению к индивиду, нормативность, историчность, оценочность по отношению к действительности; выполняют функцию интеграции индивидов в социум [5, с. 352].

Признавая дискуссионность вопроса дифференциации речевых жанров, мы разделяем точку зрения Н. Д. Арутюновой и опираемся на ее типологию, основу которой составляет иллокутивный критерий, состоящую из информативного диалога – обмена мнениями с целью принятия решения или выяснения истины и диалога, целью которого является установление, регулирование отношений [6, с. 33].

При этом следует отметить, что спортивная коммуникация повсеместно пересекается с дискурсом средств массовой коммуникации, поэтому многие исследователи полагают, что наиболее «чистым» видом спортивного дискурса является спортивный массмедийный дискурс, который реализуется в пространстве массмедийной коммуникации. В результате ядро дискурсивного пространства спорта составляют спортивные журналистские тексты «как наиболее значимые в современном обществе и представляющие жанровое пространство спортивного дискурса наиболее полно» [7, с. 54]. В спортивном дискурсе массмедиа отправителем сообщения выступает представитель института массовой информации (телевидение, печать, радио, Интернет), журналист, являющийся в то же время посредником между институтом спорта и массовой анонимной рассредоточенной аудиторией реципиентов. Коммуникация носит односторонний характер, отличается четким распределением ролей и отсутствием явно выраженной обратной связи.

Таким образом, спортивный дискурс становится тематической разновидностью дискурса средств массовой информации. В результате, как и любой другой тематический дискурс СМИ, спортивный дискурс может быть представлен в письменной и устной формах. При этом подчеркнем, что устный дискурс СМИ, благодаря своим структурно-содержательным и стилистическим характеристикам (развлекательной форме подачи информации, спонтанности, динамичности, использованию разнообразных изобразительно-выразительных средств), обладает более высоким оценочным потенциалом, который проявляется в зависимости от жанровых характеристик конкретного публицистического произведения. Тем не менее, следует признать некоторую условность в выделении конкретного перечня жанров спортивной коммуникации, поскольку, как отмечает В. И. Карасик, «речевые жанры неоднородны в различных отношениях, в частности, они неоднородны по глубине: тот или иной жанр речи может распадаться на разновидности (субжанры), которые также могут оказаться достаточно сложными» [8, с. 255–256].

Анализ коммуникативных потоков отечественных спортивных организаций, осуществленный путем интерпретации языковой и содержательной сторон спортивных текстов, свидетельствует о том, что массмедийный спортивный дискурс Беларуси представлен двумя основными группами жанров – информационными (заметка, статья, интервью) и аналитическими (репортаж, комментарий, аналитическая статья).

Наиболее частотные жанры *информационной заметки* и *статьи* ориентированы на освещение спортивных мероприятий (матчей, состязаний, турниров) и отличаются документальной содержательностью, оперативностью, лаконичностью, клишированностью. К базовым элементам их суперструктуры можно отнести участников, основное событие, пространственную и временную локацию, цели и результат. Репрезентация данных элементов направлена на привлечение внимания как к спортивному мероприятию, команде, так и к конкретному виду спорта в целом. В то же время общая установка массмедийного дискурса спорта на развлекательность и стрессопорождение приводят к включению в структуру информационных жанров факультативных элементов – фоновых событий и реакций автора (эмоционально-оценочный аспект): 1) *Несмотря на поражение в прошлом туре от «Уралочки», Станислав Саликов хвалил свою команду за четкое выполнение установки. В матче с «Тулицей» «Минчанка» совершила невероятный камбэк во второй партии и заслуженно праздновала победу;* 2) *В Минске прошел традиционный турнир женских команд на призы Белорусской федерации футбола. Уверенную победу одержало столичное «Динамо»-БГУФК.*

Что касается информационного жанра *интервью*, то среди выявленных в контексте спорта разновидностей – информационное, портретное, проблемное, экспертное и др. – наибольшей встречаемостью отличается блиц-интервью как незамедлительная эмоциональная реакция в трех-четырех ответах отдельных участников на какое-либо событие: 1) *Илья Усов: Понятно, что необходимо было набрать два очка. Результат расстроил. Пропустили совсем ненужные голы. Будем работать над ошибками и двигаться дальше;* 2) *Денис Мосалёв: Возможно, матчи на прошлой неделе опустошили эмоционально. Когда узнали о выходе в плей-офф, это могло немного расслабить. Но не хочется оправдываться, это некрасиво. Будем исправлять ошибки, готовиться к следующим играм.*

Лексикостилистический анализ спортивного интервью свидетельствует о том, что данный жанр, в отличие от иных информационных жанров, отличается большей спонтанностью, наличием элементов разговорного стиля, высокой долей субъективности: 1) *Супернік быў цяжкі, бо гэта хакей і тут няма легкіх камандаў. Канешне, прыемна перамагчы – першая вікторыя пасля Новага году, таму магу сказаць, што 2019 пачаўся даволі паспяхова* (Е. Кавыршин, хоккей); 2) *2019 год стане для мяня вельмі важным. Знаю, што трэба будзе потрудзіцца поўнай. Форму ўжо практычна набрала, а вот заставіць усіх успомніць аб сабе пасля столь*

продолжительного перерыва будет значительно труднее. Только единицам – самым титулованным и маститым бойцам – удавалось нечто подобное. Мне хочется заставить весь мир уважать и ценить женщин-боксеров, дальше ломать глупые стереотипы (Е. Вандарьева, тайский бокс).

Блок аналитических жанров спортивного дискурса представляет собой тексты, для которых характерно сочетание аналитического и информационного компонентов при доминантной роли первого и второстепенной роли второго как создания адекватной базы знаний для восприятия авторских аргументов. Таким образом, суперструктура данных жанров включает, помимо традиционных структурных элементов информационной заметки, авторское суждение относительно упомянутой проблемной ситуации, аргументы в пользу мнения автора и определенный вывод, следствие.

Среди аналитических жанров относительно высокой частотностью встречаемости в белорусском дискурсе спорта характеризуется жанр *аналитической статьи*, призванной обеспечить адресата подробной информацией и авторской оценкой спортивного мероприятия. Примером может служить фрагмент статьи «Один за всех и все за одного: как Зубрик покорял «Талисманию КХЛ». Здесь авторский тезис представлен в подзаголовке *Рассказываем, почему маскот минского «Динамо» такой крутой*. Последующая аргументация раскрывается посредством оценочной дескрипции: *Здесь, конечно, стоит отметить высокий уровень работы всей съемочной группы. Начиная от задумки и заканчивая реализацией, ролик превзошел своих конкурентов практически во всем. «Динамо» стало единственным клубом КХЛ, который подключил к танцу маскота главного тренера. Зубр примерял новые образы и менял декорации. Итог – драйвовое видео с сальто, элементами из брейк-данса и поддержкой девушек из Ice Girls. Также важно отметить классную операторскую работу, постановку света и спецэффекты, которые качественно исполненному буллит-приему придали крутой визуал и драматургию*. Завершается статья общим выводом, подкрепляющим авторскую оценку: *После такой активности о Зубрике стали говорить практически все спортивные СМИ. Ажиотаж вполне закономерен*.

Также к числу наиболее распространенных в коммуникативном пространстве спорта Беларуси относится аналитический жанр *спортивного комментария*, целью которого является дескрипция и разъяснение происходящих событий, их критический анализ и прогнозирование возможных последствий, которые, как правило, предполагают достаточно эмоциональную оценочную квалификацию: *Дебют вышел достойным, но не таким радужным, как того ожидал гендир. Оказалось, что уровень белорусских игроков значительно уступает легионерам вроде Шона Кинга, Мелвина Сандерса и Тивайна Макки. В первом матче Минск на выезде уступил УНИКСу – 54:83. Но это не трагедия. Итог – четвертое место в группе среди шести команд. Понятно, что участие команды в турнире такого уровня сравнимо с воздухом для рыбы (об игре БК «ЦМОКИ-МІНСК»).*

Нередко жанр спортивного комментария отождествляется исследователями с жанром устного *репортажа*. Анализ данных свидетельствует о том, что репортаж может быть представлен как в устной, так и в письменной форме, но на сегодняшний день наблюдается явное доминирование устных текстов классического спортивного репортажа. Сближает его с комментарием эмоциональность и экспрессия, однако конечные цели указанных разновидностей текстов различны. Главное назначение репортажа – передача динамики происходящих событий, визуализация спортивного мероприятия через восприятие адресанта. Невозможность непосредственного присутствия адресата в репортаже компенсируется образностью дескрипции значимых деталей, что выводит на первый план личности самого комментатора, обладающего индивидуальным языковым почерком. В этой связи для репортажа характерны сочетание телеграфного и разговорного стилей изложения, импровизация, аксиологическая насыщенность, специфическое просодическое оформление, диалогичность, которая реализуется посредством вопросно-ответных ходов, обращений, особого порядка слов, наличия просторечных элементов и т.д.: 1) *Тора Бергер мажет дважды. Не верю своим глазам. Но факт в том, что сегодня ей не опередить Домрачеву. Даша на отметке 6,2 км проигрывает всего 5,2 Гесснер. Жми, Даша!* 2) *Кулда и Кулаков удалены: первый за атаку игрока, не владеющего шайбой, а второй за симуляцию. А момент был один. Как так может быть?* 3) *И снова вопрошаем: где Кривец? Нет ни одной мало-мальски внятной причины держать в запасе Александру Ермаковичу своего Месси. Попросту нет! Нет, ну взгляните: насколько выделяется даже на фоне недурно выглядящих партнеров Кривец. За пару минут на нем сфолили больше, чем на любом другом игроке БАТЭ.*

К группе наиболее распространенных жанров массмедийной спортивной коммуникации следует отнести и *спортивную пресс-конференцию*, на которой официальные лица спорта в присутствии представителей массмедиа высказывают свои комментарии по значимым спортивным событиям и вопросам: *Матч получился драматичным. Проиграли игру под воротами, хотя ребята сражались. Думаю, заслуживали увезти одно очко. Энрот проводит много матчей и немного подустал. Решили довериться Карнаухову. Ему нужно набираться опыта, в том числе с прицелом на сборную. Худшая игра в нашем исполнении в этом сезоне. Будем разбираться в причинах. Очень хотим попасть в плей-офф, но допускаем много ошибок* (А. Сидоренко, тренер ХК «Динамо-Минск»).

В ходе исследования были также проанализированы жанры и не массмедийного дискурса. Было установлено, что наиболее репрезентированным из них является жанр *инструктирования спортсменов*, для которого характерны, с одной стороны, терминологические вкрапления, с другой, – просторечные элементы, передающие эмоциональный накал и в отдельных случаях максимально сокращенную дистанцию между спортсменами и тренерско-преподавательским составом: 1) *Первый этап – я беру чемпионат –*

попасть в восьмерку. Мы не можем оступаться (В. Гончаров, главный тренер ВК «Минчанка»); 2) Пуховский и Бабичев, Вы такие же игроки сборной, как и все остальные. Если гандболисты в течение года не выполняют свои функции и возложенные на них обязанности, лучше сделать паузу. Во время этой паузы игрокам необходимо хорошо подумать, нужна ли им сборная. И сборной следует хорошо подумать и посмотреть, действительно ли они нужны так, как все представляют. Вот и все. В этой сборной играют и будут играть лучшие. Я повторяю, что команда станет другой. И неприкосновенных здесь нет (Ю. Шевцов – тренер мужской гандбольной сборной Беларуси).

Наименьшей репрезентативностью в спортивном дискурсе Беларуси характеризуются такие жанры, как *спортивный суд, медико-терапевтическая беседа и научная спортивная статья*, отличающиеся большей формализованностью, терминологичностью, наличием клишированных единиц: 1) *Степень остроты исследуемого в данном материале вопроса не кажется на первый взгляд высокой. Потому что системный взгляд на такие сферы человеческой деятельности, как физическая культура и спорт, необходим не для конкретного спортсмена и тренера, а для тех лиц, кто занимается тактикой и стратегией развития этих отраслей. То есть для национального олимпийского комитета, министерства спорта и иных государственных органов управления в указанных сферах, для национальных спортивных федераций и ассоциаций, спортивных клубов (В. С. Каменков. «Право о системе спорта в Беларуси, России, Казахстане», 2015); 2) В условиях применения специальных гребных тренажеров степень активности мышц оценивается методом беспроводной электромиографии. Использование БОС целенаправленно корректирует «включенность» ведущих групп мышц в мощностные параметры движений (Д. А. Лукашевич, В. Е. Васюк. «Развитие силы ведущих групп мышц спортсменов-гребцов с использованием биологической обратной связи», 2018).*

Обобщая изложенное, отметим также, что на практике нередко встречается характерная тенденция дискурса спорта к совмещению указанных жанров, размывающая их типологическую определенность. Это позволяет говорить об универсальных особенностях спортивных текстов, проявляющихся в таких амбивалентных свойствах, как информативность и императивность, клишированность и образность, фактуальность и оценочность, эстетичность и стилистическая сниженность и др. Однако в целом подчеркнем, что наблюдаемая специфика жанровой структуры отечественного дискурса спорта диктуется зрелищностью, драматизмом, а также множественностью задач, реализуемых в указанной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мангутова, В. Р. Языковые средства выражения агрессивности в английском спортивном дискурсе / В. Р. Мангутова // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2009. – Т. 11. – № 4 (6). – С. 1572–1576.

2. *Снятков, К. В.* Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. В. Снятков ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2008. – 19 с.
3. *Малышева, Е. Г.* Русский спортивный дискурс : лингвокогнитивное исследование / Е. Г. Малышева ; науч. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 324 с.
4. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
5. *Салимовский, В. А.* Речевой жанр / В. А. Салимовский // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 352–354.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1992. – С. 32–40.
7. *Зильберт, Б. А.* Спортивный дискурс : базовые понятия и категории : исследовательские задачи / Б. А. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 17. – С. 45–55.
8. *Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

Поступила в редакцию 17.05.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadzeya Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДЕТЕРМИНАТИВОВ
КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМАDEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF DETERMINATIVES
OF THE CHINESE CHARACTER WRITING

В работе содержится анализ развития системы детерминативов иероглифических знаков китайского языка по настоящее время. На основе выявления и сопоставления подсистем детерминативов разных периодов эволюции китайской иероглифической системы определяются семантические особенности, сходства и различия в наборе детерминативов, устанавливаются причины обнаруженных расхождений.

Ключевые слова: *иероглиф; китайский язык; детерминатив; семантика; динамика; система.*

The research shows the analytic results of the development of the character system of determinatives in the Chinese language. Semantic features, similarities and differences in the set of determinatives are established on the basis of identifying and comparing the subsystems of determinatives of different periods of the evolution of the Chinese character system; the reasons for the revealed differences are explained.

Key words: *character; Chinese; determinative; semantics; dynamics; system.*

Способность выделять наиболее значимые признаки окружающих нас объектов и упорядочивать на этом основании в соответствующие категории знания является неотъемлемой характеристикой мышления человека. «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категорий» [1, с. 117].

Универсализм и в то же время специфика когнитивных процессов находят самое разнообразное выражение в языках. Еще до обоснования основных положений когнитивной лингвистики учеными выдвигались предположения об особой организации языковых систем и наличии определенным образом семантически связанных структур [2]. Выбор основания

для выделения общих характеристик у объектов, определение того, «чем именно руководствуются люди, собирая некие факты или явления и решая, являются ли они проявлением одного и того же или нет [3, с. 311], предопределяет выбор соответствующих принципов их объединения, обусловленных собственной спецификой в структурной и семантической организации [4, с. 6].

Языки с иероглифической системой письма располагают особыми (графическими) средствами реализации когнитивных объединений, поскольку основанием их построений могут выступать не только значения лексических единиц, но и отдельные иероглифические компоненты, имеющие в то же время определенную связь со значением. Преимущество иероглифической системы перед другими языковыми формами заключается в другом принципе построения письменности: в способности отображения наиболее релевантных признаков для конструирования соответствующих объединений в виде специфических графических знаков в зрительно-письменном виде. Ср., например, разобщенные между собой внешне русские слова и их китайские корреляты: 鸟 ‘птица’, 鸣 ‘петь’, 鹅 ‘гусь’, 鸽 ‘голубь’ и др. В китайской письменности по форме и по смыслу они объединены одним знаком-детерминативом 鸟 ‘птица’ [5, с. 28].

Конституенты иероглифов выполняют разные функции, так как идеографическая система письма, отвечая вызовам времени, неизбежно вводит наряду со смысловыми элементами-детерминативами¹, фонетические и фоно-идеографические графемы, позволяющие фиксировать также звуковую форму. Следует отметить, что в процессе развития иероглифической письменности графемам свойственна вариативность их статуса: идеографического, фоно-идеографического или чисто фонетического. Так, например, детерминативы, являясь центральными смысловыми узлами и выполняя, прежде всего, функцию смысловую, вместе с тем могут решать иные языковые задачи. С этим вопросом связана проблема определения графемы как детерминатива и соответственно границ этой системы, поскольку общеизвестно, что идеографическая и фоно-идеографическая категории строились на одних и тех же исходных графемах. Непосредственная связь между двумя этими категориями отмечается уже на самых ранних этапах развития письменности. Так, в иньский период наиболее характерным способом образования фоноидеограмм было присоединение к фонограмме, уже употреблявшейся в данном значении, соответствующего смыслового детерминатива [6, с. 28]. В период западного Чжоу имело место усложнение идеограмм за счет оформления исходного идеографического

---

¹ В синологии существует несколько терминов, соответствующих определению смыслового компонента: категоризатор, классификатор, ключ, радикал, детерминатив, базовый элемент, идеограф. В нашей работе вслед за В. М. Алексеевым, А. Ф. Кондрашевским, В. Ф. Резаненко и др. [1; 7; 10], мы будем пользоваться термином *детерминатив* как наиболее близким и понятным в области номинации смыслового элемента иероглифа.

знака одним из смысловых детерминативов [7, с. 220]. Фонетик, восходящий к исходному идеографическому компоненту, мог рассматриваться функционально двояко: как фонетик и как обычный идеографический компонент [8, с. 20]. Существует также мнение, что практически все так называемые фонетики фоно-идеографических знаков изначально рассматривались не только как фонетические, но и как полноценные семантические элементы [9]. Аналогичная точка зрения поддерживается японистом В. Ф. Резаненко, который утверждает, что до 95 % знаков иероглифического минимума японского языка (около 2 000 единиц) можно трактовать как чисто идеографические знаки [10]. Исходя из этих посылок, естественно предположить, что в определенный период древности могла существовать единая идеографическая формула описания для всех синтетических знаков и в частности для тех, которые в современном мире считаются фоно-идеографическими. Следовательно, спискам иероглифических ключей-детерминативов в определенный период могли предшествовать некие списки базовых графем различных объемов, построенные по различным принципам [8, с. 20]. Существуют знаки, описываемые разными системами по-разному, и как идеограммы, и как фоно-идеограммы. Двоякая трактовка структуры и функционального значения элементов знаков китайского языка свидетельствует, с одной стороны, о факультативности использования обеих формул описания, с другой стороны, о сложности этой системы и наличии многочисленных нерешенных в этой области задач [Там же, с. 21]. В то же время общеизвестно, что знаки первоначальных категорий обладают определенными функциональными или знакообразовательными свойствами. Они способны образовывать новые знаки посредством транспозиции и мультипликации своей основы, а также выступать в роли наиболее активных семантических множителей [Там же, с. 25].

Несмотря на тысячелетнюю историю формирования иероглифических знаков и их типов, иероглифический компонент – детерминатив продолжает выполнять исключительно «смысловую» функцию, детерминируя семантические особенности иероглифов и не затрагивая при этом звуковую оболочку. Как отмечает В. Ф. Резаненко, детерминативы за многовековой период своего существования не утратили роль универсальных мотиваторов смысловых значений, превратились в эффективное средство конструирования новых составных иероглифов разных категорий [10, с. 9]. В то же время это компоненты иероглифов, которые могут выступать не только как смыслоопределители, но и как знакообразующие основы. В некоторых случаях их вариативность позволяет говорить о выполнении ими функции рефлектора дополнительных признаков в семантике объектов или процессов, нежели знакообразующей роли. Это семантически значимые узлы, «представители» прототипического признака, вокруг которых формируются соответствующие подсистемы иероглифических знаков. Элементы-детерминативы имеют две функции: представления и обобщения. Выступая в функции

представления, они кодируют предметы, явления, свойства посредством графической формы. В функции обобщения представляют собой вычлененные и обобщенные наиболее существенные свойства и признаки предметов и явлений, обозначаемых посредством этимологизированных графических форм, например, детерминатив 火 ‘огонь’ позволяет создавать знаки, именующие такие признаки, как *жаркий, горячий, яркий* и др. [5]. Уже более 2000 лет лингвистическая функция иероглифов остается практически неизменным, «невредимым от натисков воплощением простой и окончательной истины» [5, с. 31]. Современные графические формы большей части базовых структурных элементов иероглифической письменности не утратили сходства со своими древними формами [10, с. 5], вследствие чего система категорий, отраженная в иероглифической системе с помощью графем, более 40 столетий сохраняет свою форму и содержание.

В результате многовекового процесса совершенствования и формирования китайской иероглифической письменности образовалось ее ядро, представленное определенным количеством детерминативов, которые являются базовыми элементами семантико-графической структуры иероглифической письменности [Там же]. Выявление состава этой подсистемы элементов в разные периоды развития иероглифики и соответственно динамики ее формирования с целью определения закономерностей эволюции и является целью данной работы.

Отработка и упорядочивание приемов и средств передачи видовых признаков в виде организованной системы знаков китайской иероглифики начинается с оформления состава знаков базовых категорий и разработки правил их соположения. Первый процесс шел на основе анализа и систематизации по определенным критериям всего множества условных и рисунковых значков [8, с. 6].

Начальные границы подсистемы детерминативов были положены, вероятнее всего, концептуальной схемой китайской философии *Wuxing* 五行, определяющей основные параметры мироздания: огонь (火) 639¹, вода (水) 1595, дерево (木) 1369, металл (金) 806 и земля (土) 580. Представленные числовые показатели частотности отображающих их графем иероглифического письма являются в определенной степени доказательством релевантности перечисленных параметров для носителей китайского языка. Данные детерминативы наиболее часто фиксируются в составе иероглифических знаков, соответственно характеристики и признаки, им присущие, становятся основополагающими при определении того или иного понятия.

Расширение границ подсистемы детерминативов и ее детализация происходит путем постепенного увеличения числа узловых элементов. Так, согласно китайской мифологии, император Фу Си создал первые 8 триграмм

---

¹ Представленные числа являются показателями частоты встречаемости данных графем в иероглифике китайского языка согласно данным словаря Канси [12].

[11], отображающих важнейшие сферы жизнедеятельности человека. Представленные Фу Си восемь символов можно объединить всего в несколько категорий: природные явления (雷 гром, 風 ветер), стихии (水 вода, 火 огонь), ландшафт (山 гора, 澤 озеро) и пространство (天 небо, 地 земля) (рис. 1).

В отличие от первоначальной системы, новый инвентарь единиц, с одной стороны, расширяется путем увеличения числа обозначений иных природных явлений, с другой стороны, получает уровневую специфику, которая впоследствии более точно отразилась в иероглифической письменности. Примечательно, что в данной системе еще нет знака, описывающего человека как субъекта действия и одного из центральных компонентов мироздания. Семантически важным узлом всей будущей иероглифической системы становится, прежде всего, обозначение окружающей человека действительности.

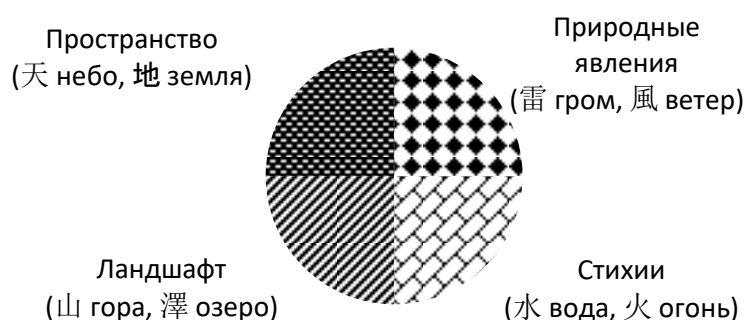

Рис. 1. Семантические категории триграмм Фу Си

С развитием социума и общественно-экономической деятельности, расширением сфер занятости человека, границы подсистемы детерминативов значительно углубляются и удаляются от указанного выше центра. Придворный историограф мифического императора Хуанди Цан Цзе предлагает для письменного изложения мыслей 540 знаков-рисунков, среди них дополнительно появляются знаки-обозначения растений, животных, инструментов, предметов обихода, птиц, рыб и др. [10, с. 5]. Анализ данной системы позволяет сделать вывод о том, что предложенная совокупность знаков имела строго организованную вокруг определенных смысловых центров структуру. В данном случае трудно говорить о первичности тех или иных форм относительно восприятия мира, но то, что это особые форматы знания, организованные в упорядоченную схему, – не вызывает сомнения. Описываемые данными знаками области охватывают наиболее релевантные для человеческой жизни сферы. Представленная система расширена посредством включения таких семантических групп, как наименования животных, растений, предметов быта и обихода.

Считается, что систематизация иероглифов по смысловым определителям – детерминативам впервые осуществлена и применена Сюй Шэнем [13]. По традиционной версии эта последовательность строится на сходстве формы или семантики целого знака либо входящей в него графемы, с предыдущими и последующими детерминативами. Производные располагаются по принципу семантического тождества. Композиционным элементом построения являются детерминативы [8, с. 11]. Методика описания исходных графем в списке ключей Сюй Шэня самым непосредственным образом связана с мотивами формирования всего списка семантических множителей [Там же, с. 19].

Список детерминативов последующих периодов развития китайской иероглифики наглядно демонстрирует разнообразие появившихся семантических типов и резкое увеличение границ этой системы (рис. 2). Количество различных иероглифов на панцирях и костях цзягувэней (甲骨文) насчитывает уже около 5 000 знаков. Из них отождествлены с современными иероглифами около 1 500. Остальные (преимущественно личные имена и географические названия) или уникальны и характерны только для периода Шан, или не расшифрованы [6]. Состав детерминативов в знаках китайской письменности цзягувэней представляет собой совокупность уже из 136 графем различных семантических типов, именующих объекты, действия и признаки (рис. 2). Универсальность оснований стратификации понятий и областей окружающей человека действительности иероглифической системой проявляется в дальнейшем в неизменном составе ядра подсистемы детерминативов. Следует отметить, что разница в количественном показателе инвентарей детерминативов разных периодов и стилей может быть объяснена также разной тематикой обнаруженных текстов надписей, поскольку, например, Цзягувэнь 甲骨文 – это иероглифические надписи на гадательных костях фиксирующие результаты гаданий. Они считаются древнейшими китайскими текстами и образцами китайской письменности, относятся к XIV–XI вв. до н. э. Цзиньвэнь (金文) – отлитые или выгравированные надписи на китайских бронзовых сосудах для жертвоприношения или музыкальных ритуальных инструментах в эпоху Шан-Чжоу (XIII–IV вв. до н. э.). Чжуаньшу (篆书) – «иероглифы печати» (VIII–III вв. до н. э.) [14].

Активные исследования в области иероглифики в XX веке приводят к появлению подсистем разного количественного состава (рис. 2). Число детерминативов резко возрастает, с одной стороны, в связи с применением различных методов и оснований их классификаций, с другой стороны, диалектные различия оказывают значительное влияние на развитие системы детерминативов и иероглифики в целом. В отечественной синологии революционной работой становится исследование японо-китайской иероглифики (значительная часть японской иероглифики состоит из заимствованной китайской части) В. Ф. Резаненко [10].

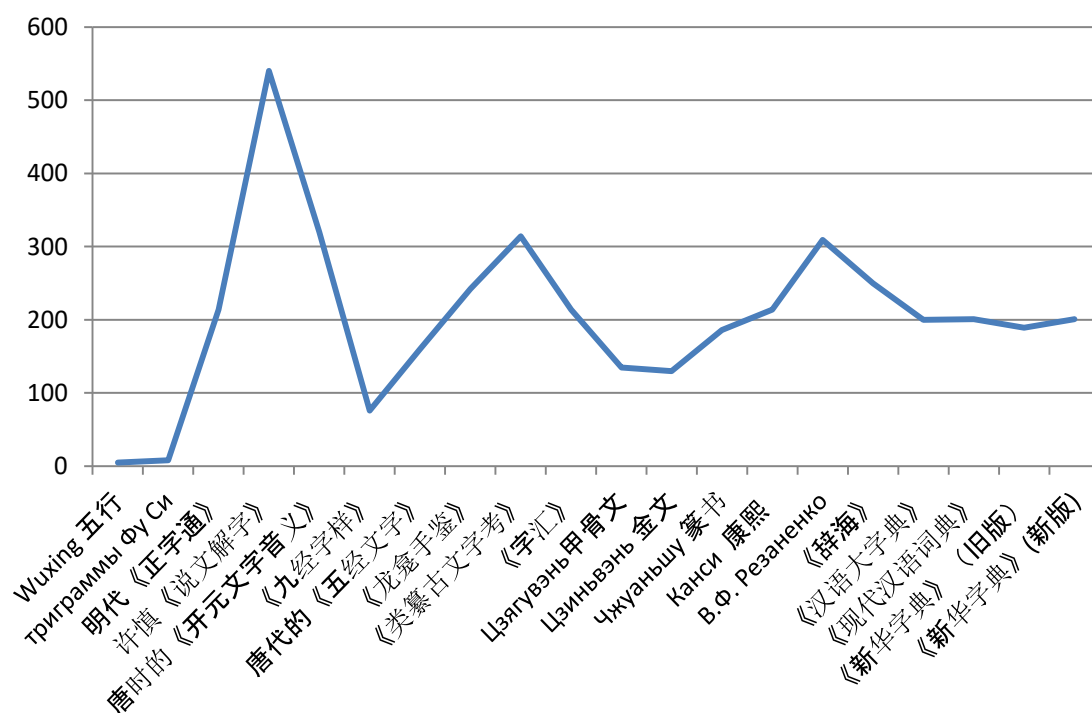

Рис. 2. Динамика развития подсистемы детерминативов китайской иероглифической письменности.

Автор получил список, включающий 309 знаков¹. Данное число было установлено путем в т.ч. этимологического анализа 16 000 гнездовых иероглифов с привлечением палеографических данных [10, с. 5]. Более того, ученые сопоставили полученные списки «文 вэнь» и «字 цзы» Сюй Шэня с базовыми списками графем Юэ Чжай (1947), Чжу Цзюньшэнь (1959), Гао Хэн (1963), Ма Сюйлунь (1958), Ли Сяодин (1974). Объем контрольных списков варьируется от 147 (Таката) до 650 знаков. Средий условный список составляет от 250 до 300 знаков [8, с. 18]. 98 % ключей «вэнь» входят в один из контрольных списков. Сопоставление подтвердило некоторую избыточность списка «вэнь», с другой стороны констатировало отсутствие в этом списке ряда оригинальных исходных графем, например, 矢 ‘стрела’ [Там же]. Следует отметить, что система детерминативов постепенно выделилась как отдельная группа смысловых единиц из первоначальных базовых первых иероглифических знаков вследствие в т.ч. практической необходимости. Анализ списков детерминативов разных периодов развития китайской иероглифической письменности показал, что для данной подсистемы единиц характерна как эволюционность, так и вариативность, поскольку сформиро-

¹ Впервые число 214 как стандарт было установлено в словаре 1615 года Цзыхуэй и позднее в словарях Чжэнцзытун в 1627 году и Канси в 1716 году. В Китае после 1949 года в связи с введением упрощенных иероглифов предлагались наборы с меньшим числом ключей (170–180) [15].

вавшись и выделившись единожды, дальнейшие модификации производились больше с целью упорядочивания или упрощения для обучающихся, нежели лингвистически необходимых структураций.

Таким образом, система детерминативов, выстраиваемая иероглификой китайского языка на протяжении многих веков, предстает как упорядоченная структура элементов, состоящая из разных типов единиц. Семантическими узлами могут выступать графемы-детерминативы различных лексико-семантических характеристик. При этом наиболее релевантными являются знаки, отображающие объекты окружающей действительности живой и неживой природы. Они формируют наибольшее разнообразие семантических ветвей. Периферию системы образуют графемы с процессуальной семантикой, обозначения признаков и абстрактных сущностей. Анализ конститuentов системы детерминативов в разные периоды ее существования показывает высокую степень значимости номинаций объектов живой и неживой природы в качестве источников отражения релевантных и салиентных признаков семантики знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант, И.* Собрание сочинений : Юбил. изд., 1794–1994 : в 8 т. / И. Кант / под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994.
2. *Аристотель.* Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1976–1983 гг.
3. *Кубрякова, Е.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. *Болдырев, Н.* Языковые категории как формат знания / Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2 (008). – 2006. – С. 5–22.
5. *Алексеев, В.* Китайская письменность и ее латинизация / В. Алексеев. – Л. : Изд. и тип. Акад. наук СССР, 1932. – 178 с.
6. *Крюков, М.* Язык иньских надписей / М. Крюков. – М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1973. – 136 с.
7. *Софронов, М.* Китайский язык и китайское общество / М. Софронов. – М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1979. – 312 с.
8. *Кондрашевский, А.* Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «шовэня» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. Кондрашевский ; МГУ. – М., 1982. – 27 с.
9. *Тан, Лань.* Знакомство с древними китайскими иероглифами / Лань Тан. – Шанхай : Шанхайск. изд-во истор. лит-ры, 2016. – 468 с. = 唐, 兰. 古文字学导论 / 兰唐. – 上海 : 上海古籍出版, 2016. – 468页.

10. Резаненко, В. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
11. Китайская мифология // Боги Китая / Фу Си [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://world-of-legends.su/kitai/kitai_bogi/id1740. – Дата доступа : 10.01.2021.
12. Словарь Канси = 康熙字典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.zdic.net/zd/kx/>. – Дата доступа : 20.01.2021.
13. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь, Сюй. – Юйлу : Изд-во в Юйлу, 2006. – 540 с. = 许, 慎. 说文解字 / 慎许. – 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540页.
14. Духовная культура Китая / Российская академия наук, Институт Дальнего Востока. – М. : Восточная литература, 2006. – Т. 3 : Литература. Язык и письменность / ред. : М. Л. Титаренко [и др.]. – 2008. – 885 с.
15. Список ключей Канси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wikipedia.ru.nina.az/wiki/%D0%9A%D0%BB%D1%8E%D1%87_%D0%BА%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B7%D0%B8. – Дата доступа : 12.12.2020.

Поступила в редакцию 15.05.2021

УДК 811. 581.11

Юй Вэй

аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Yu Wei

PhD Student at the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lanyiqiu@163.com

ФИНАНСОВЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ-НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

NEOLOGISMS IN FINANCIAL NAMES IN CONTEMPORARY CHINESE

В статье рассматриваются особенности процессов неологизации в сфере финансовой лексики в современном китайском языке последнего десятилетия; анализируется место финансовых наименований в общем корпусе китайских неологизмов; дается классификация структурных типов финансовых наименований-неологизмов (однословные, составные, словосочетания, аббревиатуры) и их графических особенностей; рассмотрены основные пути и способы вхождения иноязычных заимствований в систему китайского языка, а также их место в общем массиве новой финансовой лексики китайского языка последнего десятилетия.

Ключевые слова: неологизм; финансовое наименование; китайский язык; заимствование; суффикс; префикс.

The article is devoted to the study of neologisms in financial names in the Chinese language of the last decade. It discusses the dynamics of neologization processes, structural types of neologisms and features of their graphic fixation, as well as ways and means foreign borrowings enter the system of modern Chinese.

Key words: neologism; financial name; Chinese; borrowing; suffix; prefix.

Начало XXI века ознаменовалось существенными сдвигами в жизни мирового сообщества и национальных социумов, что находит свое отражение прежде всего в значительном расширении международного делового, научного и культурного взаимодействия и сотрудничества и усилении международной интеграции, что в свою очередь приводит к интенсивному расширению и усложнению сфер коммуникации, как внутринациональной, так и международной. В соответствии с интенсивным развитием общества происходит и непрерывное развитие языка, прежде всего его лексической системы, которая динамично реагирует на все изменения жизни как национального социума, так и мирового сообщества [1]. Из активного употребления уходят устаревшие номинативные средства, на замену им приходят новые номинативные единицы, называющие актуальные явления действительности и отражающие коммуникативные потребности социума.

Не являются исключением в этом отношении Китай и китайский язык. Последние десятилетия ознаменовались существенными изменениями в жизни китайского общества, интенсивно развивалась китайская экономика, ставшая в настоящее время второй по величине экономикой в мире, что в свою очередь способствовало расширению финансовой деятельности как основного показателя развития экономики. Все это находит свое непосредственное отражение в номинативной системе китайского языка, которая интенсивно пополняется новыми номинативными единицами (неологизмами) в соответствии с коммуникативными потребностями китайского социума.

В июне 2004 г. Министерство образования КНР и Пекинский университет языка и культуры совместно создали Национальный центр мониторинга и исследования языковых ресурсов в печатных СМИ, который в независимой форме проводит исследования в направлении мониторинга и анализа языковых ресурсов и обработки языковой информации [2]. Результаты статистических исследований Центра ежегодно публикуются отдельными книгами под названием «Отчет о состоянии языковой жизни Китая», включающими большое количество лингвистических данных: ежегодный список высокочастотных слов в СМИ, ежегодный основной список используемых слов, ежегодный список идиом, список новых слов (неологизмов) года и т.д.

Материалом исследования для данной статьи послужили 455 новых финансовых наименований, извлеченных из составленных Государственной комиссией по языку отчетов «Языковая ситуация в Китае» за 2010–2019 гг. [3], включающих 4168 неологизмов (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Финансовые наименования-неологизмы
по данным Государственной комиссии по языку за 2010–2019 гг.

Год	Общее число неологизмов	Число финансовых неологизмов	% к общему числу неологизмов
2010	500	39	7,80
2011	593	34	5,73
2012	585	49	8,38
2013	364	424	469
2014	25	62	68
2015	6,87	14,62	14,50
2016	424	55	12,98
2017	242	35	14,16
2018	320	70	21,88
2019	247	18	7,29
Всего	4168	456	10,94

Как видно из табл. 1, за последние 10 лет китайский язык пополнился значительным числом неологизмов, среди которых существенное место занимают финансовые наименования (около 11 % от общего числа неологизмов), что свидетельствует о важной роли финансовой деятельности в современном китайском обществе и мировом сообществе.

Китайские финансовые наименования-неологизмы характеризуются структурным разнообразием, что свойственно языку изолирующего типа (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение финансовых наименований-неологизмов
по структурным типам

Год	Тип наименования								Всего	
	Однословное		Составное		Словосочетание		Аббревиатура		кол-во	%
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
2010	2	5,13	14	35,90	23	58,97	2	5,13	39	100
2011	0	0	25	73,53	9	26,47	2	5,88	34	100
2012	0	0	22	44,90	27	55,10	3	6,12	49	100
2013	0	0	17	68	8	32	1	4	25	100
2014	1	1,61	44	70,97	17	27,42	2	3,23	62	100
2015	1	1,47	40	58,82	27	39,71	1	1,47	68	100

2016	0	0	37	67,27	18	32,73	3	5,45	55	100
2017	1	2,86	22	62,86	12	34,28	3	8,57	35	100
2018	1	1,43	29	41,43	40	57,14	5	7,14	70	100
2019	1	5,56	10	55,56	7	38,89	1	5,56	18	100

Так, среди 455 новых финансовых наименований, зафиксированных в 2010–2019 гг., преобладают составные (260 единиц, или 57,14 % от общего числа), которые можно считать аналогами сложных слов в русском языке. Следующую группу по числу неологизмов составляют наименования-словосочетания (188 наименований, или 41,32 %). Далее следуют однословные финансовые наименования-неологизмы (7, или 1,54 %) и аббревиатуры (23, или 5,05 %). Небольшая доля аббревиатур в общем объеме финансовых наименованиях объясняется прежде всего тем, что в целом современные китайские финансовые термины и наименования в принципе являются краткими и лаконичными, стремящимися выразить наибольший смысл в наименьшем количестве слов.

Новые финансовые наименования, как и в целом неологизмы последнего десятилетия, демонстрируют тенденцию к образованию новых номинативных единиц с использованием аффиксов (табл. 3, 4).

Т а б л и ц а 3

Суффиксы в составе финансовых наименований-неологизмов 2010–2011 гг.

Суффикс	~ 贷	~ 税	~ 币	~ 险	~ 宝	~ 条	~ 包	~ 通	~ 金
Кол-во слов	29	21	21	18	17	15	12	11	10
Доля в %*	6,37	4,62	4,62	3,96	3,74	3,3	2,64	2,42	2,2

Т а б л и ц а 4

Префиксы в составе финансовых наименований-неологизмов 2010–2011 гг.

Префикс	微 ~	税 ~	闪 ~	沪 ~	新 ~	薪 ~	数 ~	融 ~	银 ~
Кол-во слов	12	8	7	6	5	4	4	3	3
Доля в %*	2,64	1,76	1,54	1,32	1,1	0,88	0,88	0,66	0,66

* Указывается процент от общего числа финансовых наименований-неологизмов (455).

Наиболее частотными при образовании финансовых наименований являются следующие суффиксы и префиксы.

Суффиксы:

~ 贷: 宜车贷 (yí chē dài) ‘краткосрочная ипотека автомобилей от компании CreditEase’, 闪电贷 (shǎn diàn dài) ‘быстрые кредиты’, 校园贷 (xiào yuán dài) ‘кредит на кампус’;

~ 税: 大亨税 (dà hēng shuì) ‘налог на богатых’, 馒头税 (mán tou shuì) ‘налог на пампушки’, 红包税 (hóng bāo shuì) ‘налог красного пакета’;

~ 币: 比特币 (bǐ tè bì) ‘биткойн’, 亚马逊币 (yà mǎ xùn bì) ‘монета Амазонки’, 流量币 (liú liàng bì) ‘бонус интернет-трафика’;

~ 险: 高温险 (gāo wēn xiǎn) ‘страховой продукт, который платит за жаркую погоду’, 春运险 (chūn yùn xiǎn) ‘страховой продукт, который оплачивает дорожно-транспортные происшествия и потерю багажа во время весеннего фестиваля’;

~ 宝: 零钱宝 (líng qián bǎo) ‘услуга с добавленной стоимостью для мелких фондов’, 佣金宝 (yōng jīn bǎo) ‘сервисный продукт в области интернет ценных бумаг’;

~ 条: 新国十条 (xīn guó shí tiáo) ‘10 новых статей государства’, 沪九条 (hù jiǔ tiáo) ‘9 шанхайских статей’, 深改12条 (shēn gǎi 12 tiáo) ‘12 целей глубокой капитальной реформы’;

~ 包: 让座红包 (ràng zuò hóng bāo) ‘отказ от бонуса за место’, 微博钱包 (wēi bó qián bāo) ‘кошелек Weibo’, 微信红包 (wēi xìn hóng bāo) ‘красный пакет в WeChat’;

~ 通: 零佣通 (líng yōng tōng) ‘мобильная платформа, предоставляющая финансовые услуги и не взимающая платы за транзакции’, 沪伦通 (hù lún tōng) ‘механизм взаимосвязи между Шанхайской фондовой биржей и Лондонской фондовой биржей’, 陆股通 (lù gǔ tōng) ‘канал для капитала Гонконга и международного капитала для вливания в материк и покупки материковых акций’;

~ 金: 廉洁年金 (lián jié nián jīn) ‘пособие для вознаграждения честных чиновников за их добросовестность в правительстве’, 上海金 (shàng hǎi jīn) ‘Шанхайское золото’, 奖德金 (jiǎng dé jīn) ‘денежная награда, присуждаемая человеку с выдающимися моральными качествами’.

Префиксы:

微~: 微币 (wēi bì) ‘монета Sina Weibo’, 微信托 (wēi xìn tuō) ‘небольшая, гибкая и удобная платформа информационного обслуживания по вопросам финансирования, которая напрямую соединяет компании и инвесторов’, 微信银行 (wēi xìn yín háng) ‘банк в WeChat’;

税~: 税务贷 (shuì wù dài) ‘кредиты предоставляются на основании документа, подтверждающего уплату налогов и налоговую кредитную историю предприятия’, 税负平移 (shuì fù píng yí) ‘принцип налоговой и платной реформы’;

闪~: 闪惠 (shǎn huì) ‘инструмент для оформления заказа, запущенный dianping.com’, 闪电贷 (shǎn diàn dài) ‘быстрые кредиты’, 闪电熊 (shǎn diàn xióng) ‘мгновенное падение цен на акции на фондовом рынке’;

沪~: 沪九条 (hù jiǔ tiáo) ‘9 шанхайских статей’, 沪伦通 (hù lún tōng) ‘механизм взаимосвязи между Шанхайской фондовой биржей и Лондонской фондовой биржей’;

新~: 新国四条 (xīn guó sì tiáo) ‘10 новых статей государства’, 新国五条 (xīn guó wǔ tiáo) ‘5 новых государственных статей’;

薪~: 薪金煲 (xīn jīn bāo) ‘финансовый продукт’, 薪政 (xīn zhèng) ‘политика оплаты труда’;

数~: 数字服务税 (shù zì fú wù shuì) ‘налог Великобритании на крупные компании, работающие в сфере высоких цифровых технологий’, 数字资产化 (shù zì zī chǎn huà) ‘процесс превращения цифровых активов из нематериальных в финансовом смысле в активы, которые могут быть предметом переговоров, торговли и обеспечения’, 数字通证 (shù zì tōng zhèng) ‘обменный криптографический цифровой сертификат’;

融~: 融e购 (róng E gòu) ‘платформа электронной коммерции, которая объединяет потребительские покупки, продвижение и финансирование платежей’, 融e联 (róng E lián) ‘онлайновая финансовая социальная платформа’;

银~: 银铁通 (yín tiě tōng) ‘многофункциональный автомат, сочетающий в себе самообслуживание, продажу и инкассацию билетов на поезд’, 银保监会 (yín bǎo jiān huì) ‘комитет по регулированию банковской и страховой деятельности’.

Следует отметить и такую особенность образования новых китайских финансовых наименований, как повтор (редупликация) значимых компонентов (слов или аффиксов) очень распространенное лексическое явление

в китайском языке. К основным морфологическим моделям редупликации относятся следующие: АА, ААВ, АВВ, ААВВ, АВАВ, другие модели, например, ААВС, АВАС, ВСАА, используются реже [4]. Сравн.:

а) ААВ: 人人贷 (rén rén dài) ‘финансовая модель, при которой физические лица ссужают деньги другим лицам через посредников в кредит’;

б) АВВ: 房宝宝 (fáng bǎo bǎo) ‘финансовый продукт, использующий проекты в сфере недвижимости в качестве популярной цели финансирования’. Употребляется как шутливое наименование должностных лиц, которые используют свое положение для незаконного присвоения средств из прожиточного минимума резидентов;

в) АВАС: 双币双股 (shuāng bì shuāng gǔ) ‘одни и те же акции торгуются в двух валютах двумя биржевыми номерами одновременно’; 同税同权 (tóng shuì tóng quán) ‘равное налогообложение и равные права; 自发自还 (zì fā zì huán) ‘собственная организация округа по выпуску, выплате процентов и погашению основной суммы по местным облигациям’; 公存公贷 (gōng cún gōng dài) ‘депозитный и кредитный бизнес только для юридических лиц’;

г) ААВС: 宝宝军团 (bǎo bǎo jūn tuán) ‘общий термин для многих финансовых продуктов в индустрии интернет-финансирования’.

Как показывает исследованный материал, современные процессы глобализации и международной интеграции оказывают существенное влияние не только на количество и состав новой китайской лексики, но и на ее графическую фиксацию. Так, в соответствии с традиционной иероглифической китайской письменностью преобладающее число новых китайских финансовых наименований получают иероглифическую фиксацию (437 наименований, 96,04 % от общего числа финансовых неологизмов). В то же время в исследованных источниках отмечены графические неологизмы гибридного типа, состоящие из латинских букв и китайских иероглифов (11, или 2,42 %), арабских цифр и китайских иероглифов (4, или 0,88 %). Например, PE腐败 (PE fǔ bài) ‘РЕ-коррупция’, i理财 (I lǐ cái) ‘I финансовый менеджмент’, 富N代 (fù N dài) ‘богатое N поколение’, 融e购 (róng E gòu) ‘Электронная платформа потребительских платежей’, OK车险 (OK chē xiǎn) ‘ОК страхование автомобилей’, 融e联 (róng E lián) ‘финансовый электронный линк’, 电e宝 (diàn E bǎo) ‘платформа электронных платежей Государственной электросетевой корпорации’, e租宝案 (E zū bǎo àn) ‘дело eRentPost’, VR支付 (VR zhī fù) ‘VR-платежи’, GAFA 税 (GAFA shuì) ‘GAFA налог’; 破5 (pò 5) ‘превышать 5 процентов’, 深改12条 (shēn gǎi 12 tiáo) ‘12 целей глубокой капитальной реформы’.

Здесь следует отметить, что среди новых иероглифографических финансовых наименований обнаружено 29 (6,37 %) единиц, включающих числа, записанные китайскими иероглифами, например, 新国十条 (xīn guó shí tiáo) ‘10 новых статей государства’, 国十一条 (guó shí yī tiáo) ‘11 статей государства’, 灵猫六国 (líng māo liù guó) ‘CIVETS шести стран’, 沪九条 (hù jiǔ tiáo) ‘9 шанхайских статей’, 晒三公 (shài sān gōng) ‘раскрытие информации о трех видах официальных расходов’, 银十条 (yín shí tiáo) ‘десять циркуляров Комиссии по регулированию банковской деятельности’, 付二贷 (fù èr dài) ‘люди, которые платят два вида кредитов’, 金十条 (jīn shí tiáo) ‘десять пунктов по финансам’, 一带一路 (yī dài yī lù) ‘Один пояс и один путь’, 融十条 (róng shí tiáo) ‘десять пунктов о финансировании’, 央五条 (yāng wǔ tiáo) ‘пять правил центрального банкира’, 二胎贷 (èr tāi dài) ‘кредит на второго ребенка’ и т.д.

Наконец, среди исследованного материала отмечены три буквенные аббревиатуры (0,66 %), являющиеся прямыми заимствованиями из английского языка: *EWTO* (англ. *EWTO* – *Electronic World Trade Organization*) ‘Всемирная электронная торговая организация’, *ICO* (англ. *ICO* – *Initial Coin Offering*) ‘индустрии блочных цепочек’, *TMLF* (англ. *TMLF* – *Targeted Medium-term Lending Facility*) ‘среднесрочное целевое кредитование’.

Таким образом, активное заимствование иноязычной лексики способствует расширению разнообразия графических средств современного китайского языка и ведет к нарушению единства китайского иероглифического письма.

Среди китайских финансовых наименований-неологизмов последнего десятилетия определенное место занимают иноязычные заимствования (33 наименования из 455 неологизмов, или 7,25%). Как правило, эти наименования заимствованы из английского языка, что определяет специфику и особенности их адаптации системой китайского языка, а также функционирования в устной и письменной деловой речи. Анализ исследованного материала позволяет выделить следующие пути вхождения англоязычных финансовых наименований в современный китайский язык.

1. **Прямое заимствование** (с сохранением их графического оформления в языке-доноре): *EWTO*, *ICO*, *TMLF*. Все три неологизма являются англоязычными аббревиатурами, включенными в современную китайскую языковую (устную и письменную) практику.

2. **Транскрипция** (передача англоязычных слов, букв и буквосочетаний сходными по звучанию китайскими иероглифами), например, 芭比 (bā bǐ) – аббревиатура, являющаяся общим наименованием двух американских финансовых магнатов Уоррена Баффета и Билла Гейтса: 芭 (bā) означает *Warren Buffett*, а 比 (bǐ) – *Bill Gates*.

3. **Полутранскрипция** (заимствование, совмещающее транскрипцию и свободный перевод). Например: **地王秀** (dì wáng xiù) ‘явление частых высоких цен на земельных аукционах’, где **地** (dì) означает ‘земля’, **王** (wáng) – ‘царь’, а выражение **地王** (dì wáng) – ‘самый высокий’. Таким образом, статус короля – самый высокий, а «король земли» – ‘самая высокая цена на землю’. **秀** (xiù) ‘шоу’ является заимствованием (транскрипцией) английского *show* ‘показывать, демонстрировать’;

沪伦通 (hù lún tōng) ‘механизм взаимосвязи между Шанхайской и Лондонской фондовыми биржами, который позволяет инвесторам в обоих местах торговать акциями, зарегистрированными на другой бирже, в пределах определенного диапазона через местные фирмы по ценным бумагам (или брокеров)’, где **沪** (hù) ‘другое название города Шанхай’, **伦** (lún) – сокращение от **伦敦** (lún dūn) ‘Лондон’ (транскрипция англ. London), а **通** (tōng) имеет значение ‘взаимосвязь’;

伦港通 (lún gǎng tōng) ‘механизм взаимодействия между Гонконгской фьючерсной биржей и Лондонской биржей металлов’, где **伦** (lún) – это ‘Лондон’ (сокращенное **伦敦** (lún dūn) – транскрипция англ. London), **港** (gǎng) – ‘Гонконг’ (сокращенное **香港** (xiāng gǎng), **通** (tōng) – ‘взаимосвязь’;

滴滴 (dī dī) ‘Didi бонус’, в котором **滴** (dī), являющееся сокращением **滴滴** (dī dī), соответствует англ. *Didi company*. **米** (mǐ) – это интернет-термин, который восходит к англ. *money* (*M* – первая буква английского слова *money* в конечном итоге превратилось непосредственно в китайское слово, поскольку произношение **米** (mǐ) очень похоже на произношение английского «M»).

4. **Свободный перевод**. Например, **独角兽基金** (dú jiǎo shòu jī jīn) от англ. *Unicorn Fund* ‘фонд единорога, феномен масштабного роста компаний с оценкой в \$1 млрд и более и относительно коротким временем стартапа’. Термин **独角兽** (dú jiǎo shòu) был введен американским экспертом по венчурному капиталу Эйлин Ли в ноябре 2013 года в статье, описывающей, как перейти к компании с миллиардным рыночным капиталом на начальной стадии стартапа, «Добро пожаловать в клуб единорога: учимся предпринимательству у компаний с миллиардным капиталом» [5]. И с тех пор концепция «единорог» получила широкое признание и используется в отрасли по сей день. Китайское слово **基金** (jī jīn) является переводом английского *Fund*.

5. **Свободный полуперевод** (перевод части наименования методом перефразирования). Например, 闪电熊 (shǎn diàn xióng) ‘фондовый рынок, на котором цены на акции мгновенно падают’: 闪电 (shǎn diàn) – молния ‘природное явление, возникающее кратковременно и внезапно’; 熊 (xióng) – сокращенное 熊市 (xióng shì) ‘медвежий рынок’ соответствует английскому *bear market*. Сравн.: «Медвежий рынок» – относительно долгосрочный период снижения курса акций той или иной компании. ...В профессиональной среде «медведями» называют трейдеров, которые играют на понижение, то есть занимают короткую позицию на рынке [6]. Следовательно, терминологическое выражение 闪电熊 (shǎn diàn xióng) можно интерпретировать как ‘внезапный медвежий рынок’, что является метафорическим риторическим приемом.

6. **Смешанный перевод** (совмещение в одном наименовании транскрипции и перевода). Например, 比特币 (bǐ tè bì) ‘Биткойн – виртуальная валюта, которая может быть использована для покупки виртуальных предметов в интернете’, где 比特 (bǐ tè) является транскрипцией английского слова *Bit*, а 币 (bì) – китайским эквивалентом (переводом) английского слова *coin*;

巴菲特税 (bā fēi tè shuì) ‘налог Баффета – дополнительный налог на богатых людей, зарабатывающих более 1 млн. долларов в год, для достижения справедливости в налоговой системе’. Название «Налог Баффета» связано с тем, что его предложил правительству известный американский инвестор Уоррен Баффет. В наименовании 巴菲特税 (bā fēi tè shuì) часть 巴菲特 (bā fēi tè) является транскрипцией фамилии *Баффет*, а 税 (shuì) – китайским соответствием (переводом) *tax* ‘налог’;

特斯拉私有化 (tè sī lā sī yǒu huà) ‘приватизация Tesla’ – планы и действия председателя совета директоров и генерального директора Tesla Inc. Элона Маска на 2018 год по превращению Tesla Inc. в частную компанию (завершилась 25 августа 2018 года). В наименовании 特斯拉私有化 (tè sī lā sī yǒu huà) фрагмент 特斯拉 (tè sī lā) является транскрипцией английского слова *Tesla*, а 私有化 (sī yǒu huà) представляет собой свободный перевод на китайский язык английского слова *privatization*.

7. **Гибридное заимствование** (прямое заимствование, совмещенное с переводом). Например, PE腐败 (PE fǔ bài) ‘РЕ-коррупция’. В наименовании PE腐败 (PE fǔ bài) часть PE является прямым заимствованием аббревиатуры от английского *Private Equity*, а 腐败 (fǔ bài) – переводом английского *corruption*;

融E购 (róng E gòu) ‘платформа электронной коммерции, объединяющая потребительские покупки, продвижение продаж и финансирование платежей’. Запущена промышленно-торговым банком КНР. В данном наименовании 融 (róng) означает 金融 (jīn róng) ‘финансирование’, E является сокращением (аббревиатурой) английского выражения *Electronic commerce*, 购 (gòu) имеет значение ‘приобретение, закупка’. Китайское произношение 融 E 购 (róng E gòu) соответствует произношению 容易购 (róng yì gòu), означающее ‘легко купить’ и отражающее простую в использовании функцию покупки на этой электронной платформе;

VR 支付 (VR zhī fù) ‘виртуальная технологическая среда, в которой пользователи входят в свои учетные записи, вводят пароли и выполняют операции с помощью таких элементов управления, как взгляд, кивок головой и жесты’. В данном наименовании VR – это заимствованная аббревиатура английского выражения *virtual reality* ‘виртуальная реальность’, а 支付 (zhī fù) имеет значение ‘заплатить’;

E 融汇 (E róng huì) ‘новое мобильное приложение для валютных инвестиций, разработанное и запущенное Банком Китая’, в котором E – заимствованная аббревиатура от английского *electronic* ‘электронный’, 融 (róng) – сокращение китайского 金融 (jīn róng) ‘финансы’, 汇 (huì) – сокращение китайского 外汇 (wài huì) ‘иностранная валюта’.

Таким образом, современные процессы неологизации в сфере китайских финансовых наименований отражают общую тенденцию развития номинативного фонда китайского языка, направлены на обеспечение коммуникативных потребностей китайского социума и характеризуются разнообразием путей и способов, что в определенной степени расширяет разнообразие структурных типов номинативных единиц (простых, сложных, словосочетаний и т.д.), а также влияет на особенности традиционной китайской иероглифической графики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжу, Пинь. О новой лексике современного китайского языка в построении языковой экологии / Пинь Чжу // Языковое планирование. – 2015. – № 8. – С. 62–63. (朱萍, 论现代汉语新词汇在语言生态建设中的体现, 语文建设, 2015 年第八期, 62–63).
2. Национальный центр мониторинга и исследования языковых ресурсов и печатных СМИ (средства массовой информации) (国家语言资源监测与研究平面媒体中心) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : blcu.edu.cn. – Дата доступа : 20.05.2016

3. 教育部语言文字信息管理司, 中国语言生活状况报告2011. – 北京 : 商务印书馆, 2011–2020. (Департамент информации о языках и письменности при Министерстве образования. Языковая ситуация в Китае: 2011. – Пекин : Коммерческая пресса, 2011–2020).
4. Чжоу, Дубао. Китайские дубликация и перевод / Дубао Чжоу // Китайский перевод. – 1999. – № 3. – С. 26–28. (周笃宝, 汉语叠词与翻译, 中国翻译, 1999 年, 第三期, 26-28页).
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://m.rong360.com/baike/14994.html>. – Дата доступа : 24.05.2021.
6. Медвежий рынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.finam.ru/education/likbez/chto-takoe-medvezhiy-rynok-20191225-17510/>. – Дата доступа : 21.05.2021.

Поступила в редакцию 02.06.2021

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**УДК 81:004+004.912****Голяк Юлия Дмитриевна**

соискатель кафедры прикладной лингвистики,
Белорусский государственный университет;
специалист по компьютерной лингвистике
ООО «АйЭйчЭс Глобал»
г. Минск, Беларусь

Julia Haliak

Degree Seeking Applicant of the Department
of Applied Linguistics
Belarusian State University
Specialist in applied linguistics
at IHS Markit ltd.
juliaholiak@gmail.com

Совпель Игорь Васильевич

доктор технических наук, профессор;
заместитель генерального директора
по информационным технологиям
ООО «АйЭйчЭс Глобал»
г. Минск, Беларусь

Igor Sovpel

Habilitated Doctor of Technical Sciences,
Professor
Deputy General Director
for Information Technologies
at IHS Markit ltd.
igor.sovpel@gmail.com

**АВТОМАТИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ЗАПРОСОВ, ФОРМУЛИРУЕМЫХ
В ВИДЕ ИМЕННЫХ ГРУПП****AUTOCOMPLETION OF RUSSIAN LANGUAGE USER QUERIES
FORMULATED AS NOUN PHRASES**

В работе исследуется задача автоматического дополнения поисковых запросов для информационных систем с интерактивным пользовательским естественно-языковым интерфейсом и подробно описывается алгоритм ее эффективного решения для одного из наиболее частотных типов запросов, формулируемых в виде именных групп.

К л ю ч е в ы е   с л о в а: автодополнение; поисковый запрос; предиктивный ввод; лингвистический процессор; именная группа.

The paper investigates the problem of automatic search query completion for information systems with an interactive natural-language user interface and provides detailed description of the algorithm for its effective solution for one of the most frequent types of user search queries, formulated in the form of noun phrases.

Key words: query type-ahead; search query; predictive query input; linguistic processor; noun phrase.

Предиктивный ввод пользовательского запроса является необходимой функциональностью развитых информационных систем с интерактивным пользовательским естественно-языковым (ЕЯ) интерфейсом. Наиболее распространенные решения задачи автодополнения запроса опираются на автоматически фиксируемую в процессе эксплуатации этих систем историю проведенного поиска в виде списков наиболее частотных пользовательских запросов. В данном исследовании речь идет об одном актуальном частном

случае рассматриваемой задачи, когда существует возможность предварительного, т. е. до эксплуатации системы, формирования «истории», но не уже осуществленного, а предполагаемого поиска, в виде множества P так называемых подсказок, заранее автоматически распознаваемых в самой полнотекстовой базе данных (ПБД), поскольку именно ей будут адресованы пользовательские запросы. Постановка такой задачи и принципиальная схема ее решения представлены в [1]. Там же дана классификация синтаксических структур, распознавание которых в текстах из ПБД обеспечивает построение множества P . Показано, что доступный нам многоязычный базовый лингвистический процессор (БЛП) известной информационной системы IHS Goldfire [2] в наибольшей степени соответствует требованиям, предъявляемым к автоматическому лингвистическому анализу текстов из ПБД с целью решения указанной задачи распознавания.

Проведенный анализ показал, что наиболее подходящей структурой, используемой в качестве основы для формирования будущих подсказок, можно считать результат этапа семантико-синтаксического анализа текста, а именно так называемое САО (Субъект – Акция – Объект) – отношение, каждый элемент которого может иметь свои атрибуты [3; 4; 5]. Что касается текстов на русском языке, то по результатам анализа морфологических и синтаксических особенностей этого языка было решено каждому их предложению формировать расширенный формат этого отношения. Рассмотрим его на примере следующего предложения:

Антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее защитный слой, предотвращает повреждения металла, вызываемые коррозией.

В результате обработки этого предложения БЛП автоматически распознает в нем следующие три САО-отношения:

	Поля	САО 1	САО2	САО3
1.	ОС	–	повреждения металла	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения
2.	С	–	–	–
3.	П	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения	коррозия	антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения
4.	Ск	предотвращать	вызывать	создавать
5.	ИчС	–	–	–
6.	ПД	повреждения металла	повреждения металла	защитный слой
7.	ДДП	–	–	–
8.	ДТП	–	–	–
9.	Пр	–	–	–
10.	КДП	–	–	–
11.	О	–	–	–
12.	ВК	–	–	–
13.	ОПС	предотвращает	вызываемое	создающее

Здесь ОС – Опорное слово (компонент, через который одно САО-отношение предложения связывается с другим, если таковое имеет место), С – Союз, П – Подлежащее, Ск – Сказуемое (в форме инфинитива), ИчС – Именная часть Сказуемого, ПД – Прямое дополнение, ДДП – Дополнение в дательном падеже, ДТП – Дополнение в творительном падеже, Пр – Предлог, КДП – Косвенное дополнение с Предлогом, О – Обстоятельство, ВК – Вводная конструкция, ОПС – Оригинальное представление сказуемого в тексте.

Конкретное наполнение различных полей САО-структуры является в нашем случае тем исходным материалом, из которого, на основе его анализа и учета приведенной в [1] классификации синтаксических структур подсказок, последние могут быть получены автоматически, и это, очевидно, влечет за собой необходимость дополнительной функциональности лингвистического процессора. Прежде всего, учитывая, что одним из основных критериев значимости подсказки для автоматического завершения запроса является ее информативность как отдельного запроса или его части было исследовано наполнение пользовательских запросов, представленных в свободном доступе в сети Интернет [6; 7]. Оно позволило в итоге разработать набор правил и основанных на них независимых друг от друга базовых процедур (БП) фильтрации САО-отношений с точки зрения их информативности, а также преобразования отдельных компонентов САО-отношений. При этом особое внимание уделяется «именной группе (ИГ)» как одному из самых распространенных типов пользовательских запросов [1].

БП 1. Исключение определенных САО-отношений и их полей из списка кандидатов для формирования подсказок

Из списка кандидатов для формирования подсказок исключаются:

- САО-отношения, содержащие в совокупности количество слов больше некоторого устанавливаемого экспертным путем порогового значения μ_0 , например, в нашем случае оно равно 50;
- поля, содержащие служебные символы, специфические математические знаки, элементы алфавита ЕЯ, отличного от русского языка;
- поля, содержащие фрагменты искаженного текста;
- поля, содержащие определенного вида сокращения, например, *дис.*, *рис.*, *табл.*, *гр.*, *гл.*, *им.*, *проф.*, *ср.*

Отметим, что данную процедуру успешно преодолеют все САО-отношения приведенного в качестве примера предложения и все поля каждого из этих отношений.

БП 2. Фильтрация именных групп САО-отношений

Из именных групп, составляющих наполнение таких полей САО-отношений, как «Опорное слово», «Подлежащее», «Именная часть сказуемого», «Прямое дополнение», «Дополнение в дательном падеже», «Дополнение в творительном падеже», «Косвенное дополнение с предлогом», удаляются части (в приводимых ниже примерах они выделены курсивом и жирным шрифтом), представляющие собой:

- вводные конструкции, например, *вне всякого сомнения, в большинстве случаев*;
- числительные, а также числовые обозначения, например, *20-процентный, семнадцатый* чертеж;
- описание отрезка времени или число повторений, например, на *прошлой неделе, пять раз*;
- различного рода сокращения, например, *и т.д., и пр., т.н.*;
- буквенные обозначения объектов, например, *рисунок А, график G*;
- общие уточнения образа действия, например, *таким способом, этим образом*;
- местоимения, например, *его шляпа, несколько двигателей* и т.д.;
- неинформативные вне контекста атрибуты в виде прилагательных и причастий, например, *указанный перечень, вышеперечисленные пункты* и т.д. и ряд других.

Из указанных ранее САО-отношений для приведенного в качестве примера предложения БЛП распознает следующие приведенные к канонической форме попарно различные ИГ, все из которых также успешно преодолеют описанную процедуру БП2: *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, защитный слой, повреждения металла, коррозия*.

БП 3. Обработка именных групп с зависимой именной частью в косвенных падежах

Данной процедуре подвергаются те ИГ, для которых сформулированное условие имеет место. При этом в ИГ вычленяются зависимые от главного слова несогласованные части в косвенных падежах и добавляются искусственные разделители (метка *DELIMITER*) на стыке главной и зависимой частей.

В нашем списке условиям процедуры БП3 удовлетворяют ИГ: *антикоррозийное покрытие DELIMITER аэрозольного нанесения, повреждения DELIMITER металла*. Далее размеченные именные группы разделяются по метке на части, зависимые из них приводятся к канонической форме. Таким образом, в нашем случае на выходе мы получим следующий список ИГ: *антикоррозийное покрытие, аэрозольное нанесение, повреждения, металл*.

БП 4. Обработка именных групп с согласованными атрибутами

Именные группы с согласованными атрибутами сами по себе являются качественными кандидатами в формируемую базу подсказок, но анализ показал, что вероятность подсказать пользователю нужный суффикс запроса существенно повышается, если эта база будет дополнительно содержать эти же ИГ, но без их атрибутов. Поэтому данная реализованная нами процедура также включена в число БП решения целевой задачи: *антикоррозийное покрытие → покрытие, аэрозольное нанесение → нанесение*.

БП 5. Определение главных слов именных групп

Аналогично, взятые отдельно главные слова ИГ, обладая высокой информативностью, также являются качественными кандидатами в базу подсказок. Соответствующая процедура уже входит в состав функциональ-

ности БЛП, и, таким образом, она просто включается в состав БП. Каждое получаемое ею главное слово при этом приводится к канонической форме: *регулярная обработка антикоррозийным покрытием* → *обработка*, *двухфазная очистка воды* → *очистка*.

Как уже отмечалось ранее, в нашем случае речь идет о формировании списка подсказок для пользовательских запросов одного из самых частотных типов – «именные группы». В соответствии с представленной в [1] классификацией синтаксических структур таких запросов имеют место «простые именные группы» и «расширенные именные группы». Во втором случае именные группы осложнены несогласованными зависимыми частями, такими, как предложно-падежные конструкции, а также причастными оборотами.

Построение списка подсказок для пользовательского запроса типа «простая именная группа»

В силу изложенного ранее, полагая, что на вход поступают предварительно обработанные с помощью БЛП тексты из ПБД, имеет место следующая постадийная схема алгоритма решения данной задачи:

→ БП 1 → БП 2 → БП 3 → БП 4 → БП 5 → список подсказок

Построение списка подсказок для пользовательского запроса типа «расширенная именная группа с предложно-падежной зависимой конструкцией»

Примерами данного типа запросов могут служить: *добыча руды в шахтах*, *осложнения после лазерной коррекции зрения*, *просмотр сериалов без регистрации* и другие. Источником для их формирования являются две группы полей САО-отношений, обеспечивающих наполнение двух частей таких подсказок. Первая часть – главная именная группа – формируется из наполнения полей типа «Подлежащее», «Прямое дополнение», «Дополнение в дательном падеже», «Дополнение в творительном падеже». Фактически же будет достаточно использовать поле «Опорное слово», поскольку зависимость косвенного дополнения от другого именного члена предложения будет отражена через формирование отдельного САО-отношения с главным словом в данном поле. Вторая же часть подсказки – предложно-падежная группа – формируется из наполнения полей «Предлог» и «Косвенное дополнение». При этом речь идет как об отдельном САО-отношении, полученном БЛП, так и САО-отношении, синтезированном, при необходимости, из нескольких САО-отношений, распознанных БЛП в предложении. Построение списка подсказок данного типа осуществляется, как и в первом случае, постадийно, при этом все именные группы используемых полей САО-отношений предварительно подвергаются фильтрации (БП 2). Наиболее простым здесь является случай, когда кандидат в подсказки синтезируется путем непосредственного объединения наполнения полей «Опорное слово», «Предлог» и «Косвенное дополнение с предлогом» в пределах одного САО-отношения, полученного БЛП: *ржавчина (ОС) на (Пр) внешних поверхностях механизмов (КДП)*.

Более сложным является случай многословных составных предлогов, таких как *в соответствии с*, *в надежде на*, *в связи с* и др., поскольку их

объединение в единую структуру не заложено в функциональности БЛП на этапе построения САО-отношений. Дело в том, что определить, является ли такое сочетание составным предлогом или же самостоятельным знаменательным членом предложения, позволяет, семантический анализ предложения (ср. «*Ожидается перенос мероприятия в связи с пандемией*» и «*Наблюдаются перебои в связи с отдаленными населенными пунктами*»). В качестве иллюстрации предложенного нами решения проблемы рассмотрим первое из приведенных предложений. При его автоматическом лингвистическом анализе БЛП распознает следующие три САО-отношения:

	Поля	САО 1	САО2	САО3
1.	ОС	—	перенос мероприятия	связи
3.	П	перенос мероприятия	—	—
4.	Ск	ождаться	—	—
5.	ИЧС	—	—	—
6.	ПД	—	перенос мероприятия	связи
9.	Пр	—	в	с
10.	КДП	—	связи	пандемией
13.	ОПС	ождается	—	—

Все остальные поля САО-отношений выше и далее не приводятся в случаях, если они пусты.

На основе проведенного анализа используемого в наших исследованиях текстового материала были составлены словарь составных предлогов и специальные словари лексической сочетаемости с целью разрешения семантической многозначности для рассматриваемой проблемы. В данном случае в соответствии с ними будет осуществлена линковка (по определенному правилу), двух САО-отношений (САО 2а и САО 3а) в одно специальное (САО 4а), в результате которой в его поле «Предлог» будет помещен составной предлог *в связи с*:

САО 4а

1. ОС	<i>перенос мероприятия</i>
6. ПД	<i>перенос мероприятия</i>
9. Пр	<i>в связи с</i>
10. КДП	<i>пандемией</i>

Полученное таким образом новое САО-отношение уже подчиняется приведенной ранее схеме построения кандидата в подсказки для простого случая: *перенос мероприятия (ОС) в связи с (Пр) пандемией (КДП)*. Заметим, что во втором из приведенных предложений, с использованием словарей такая линковка будет запрещена, и в результате сформируются два кандидата в подсказки *перебои в связи* и *связь с отдаленными населенными пунктами*.

Процедуре синтеза составных предлогов в интересах решаемой нами целевой задачи будут подвергнуты и те составные предлоги, которые не содержат второго краткого производного предлога (*в, на, с* и др.), но определенные части которых при формировании САО-отношений БЛП по умолчанию отнесены к полю «Косвенное дополнение с предлогом»: *выплата (ОС) в (Пр) пользу основного истца (КДП) → выплата (ОС), в пользу (Пр) основноо истца (КДП)*. Таким образом, составной предлог *в пользу* целиком оказывается в поле «Предлог», а в поле «Косвенное дополнение» – семантически корректная именная группа *основного истца*.

В дополнение, к главной и зависимой именным частям только что сформированных кандидатов в подсказки применяется процедура определения главного слова (БП 5), в результате чего формируются их «укороченные» варианты. Таким образом, например, для кандидата в подсказки *повреждения металла на внешних поверхностях механизмов* будет дополнительно синтезирован вариант *повреждения на поверхностях*. Что касается приведенного выше кандидата в подсказки *выплата в пользу основного истца*, то здесь на основании сгенерированного САО-отношения будет дополнительно синтезирован вариант *выплата в пользу истца*, что более приемлемо, чем вариант, возможный в случае использования исходного отношения – *выплата в пользу*.

Проведенные исследования показали, что наряду с подсказками в виде ИГ с зависимыми предложно-падежными конструкциями релевантными автодополнению пользовательского запроса могут оказаться подсказки в виде отдельно взятых предложно-падежных конструкций, то есть комбинации только полей «Предлог» и «Косвенное дополнение с предлогом», а также – «Предлог» и главное слово «Косвенного дополнения с предлогом». Эти комбинации наполнений указанных полей фактически являются зависимыми частями полученных выше кандидатов в подсказки, поэтому далее осуществляется вычленение этих зависимых частей и включение их в формируемый список кандидатов в подсказки: *в пользу основного истца, в пользу истца, в связи с пандемией, на внешних поверхностях механизмов, на поверхностях*.

Построение списка подсказок для пользовательского запроса типа «расширенная именная группа с причастным оборотом»

Примерами данного типа запросов могут служить запросы: *покрытие, создающее защитный слой; повреждения, вызванные коррозией; поломки, устранимые подручными средствами; товары, приобретенные ребенку*. Как и в предыдущем случае, подсказки рассматриваемого типа также состоят из двух частей: главной ИГ и собственно причастного оборота. Процедура получения первой части подробно представлена выше, поэтому далее будет описан только процесс формирования из полей САО-структуры причастного оборота. Заметим, что БЛП при автоматическом лингвистическом анализе текста само причастие в своей оригинальной форме помещает в поле ОПС.

Именно это поле, наряду с полями ПД, ДДП, ДТП, КДП, является источником для формирования второй части подсказок рассматриваемого типа. Подчеркнем также, что все ИГ используемых при этом полей САО-отношений предварительно подвергаются описанной ранее процедуре фильтрации БП2.

Причастные обороты для кандидатов в подсказки рассматриваемого типа автоматически формируются путем объединения наполнений таких непустых полей САО-отношений, как ОПС и ПД (*создающие защитный слой*), ОПС и ДДП (*препятствующие появлению ржавчины*) и ОПС и ДТП (*оборудованный современной техникой*). В последнем случае учитывается и ситуация, когда в поле ОПС находится страдательное причастие, а наполнение поля ОС совпадает с наполнением поля ПД. Примером такого САО-отношения служит САО 2, сформированное БЛП в результате трансформации пассивного залога из оригинального предложения в активный. Такая конфигурация позволяет провести обратную конвертацию – привести наполнение поля П к творительному падежу, а затем объединить с ним причастие для получения причастного оборота (*вызываемые коррозией*). Кроме того, причастные обороты формируются путем объединения наполнений полей Пр и КДП (*встроенный в обновленный механизм, шлифованный с помощью алмазных дисков*). При этом используется уже описанная ранее процедура распознавания и синтеза многословных составных предлогов.

Также имеет место объединение причастия одновременно с несколькими непустыми полями из их множества {ПД, ДДП, ДТП, КДП}. Таким образом могут быть получены причастные обороты: *работавший руководителем в технической команде, пересылающий сообщение адресату, сообщающий показания оператору посредством автоматического оповещения*. После того, как причастные обороты сформированы, происходит их объединение с соответствующими им главными ИГ: *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее защитный слой; повреждения металла, вызываемые коррозией*. Дополнительно для каждого из уже полученных кандидатов в подсказки формируется его «укороченный» вариант, содержащий только главную именную группу и причастие без зависимых от него полей (*антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее; повреждения металла, вызываемые*), а для случаев страдательного причастия и причастия, образованного от непереходного глагола, формируется каждый раз еще один кандидат в подсказки с обратным следованием указанных составных частей (*вызываемые повреждения металла*). Также в этом случае с использованием процедуры БП5 формируются кандидаты в подсказки путем усечения именной группы: *покрытие, создающее защитный слой; покрытие, создающее; повреждения, вызываемые*.

Таким образом, в соответствии с изложенным для приведенного в начале работы примера предложения в совокупности будут получены следующие

подсказки для автодополнения пользовательского запроса типа «именная группа»: *антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения; покрытие аэрозольного нанесения; аэрозольное нанесение; нанесение; повреждения металла; повреждения; металл; коррозия; защитный слой; слой; антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее защитный слой; повреждение металла, вызываемые коррозией; антикоррозийное покрытие аэрозольного нанесения, создающее; повреждения металла, вызываемые; покрытие, создающее защитный слой; вызываемые повреждения металла; покрытие, создающее; повреждения, вызываемые.*

В заключение отметим, что полученные результаты внедрены в состав упомянутой ранее информационной системы IHS Goldfire и доказали свою востребованность и эффективность при решении задачи информационного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голяк Ю. Д. Автодополнение поискового запроса на основе автоматического извлечения подсказок из преиндексированных документов предметной области / «Вести БГПУ». Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. – Минск. – 2018. – №3. – С. 91–95.
2. IHS Goldfire [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ihs.com/pdf/IHS-Goldfire-Platform-Whitepaper_140823110915517432.pdf. – Date of access : 07. 05. 2021.
3. Совпель, И. В. Система автоматического извлечения знаний из текста и ее приложения / И. В. Совпель // Искусственный интеллект. – 2004. – № 3. – С. 668–679.
4. Голяк Ю. Д. Принципиальная схема решения задачи автодополнения пользовательских поисковых запросов на русском языке и ее анализ / Ученые записки ВГУ имени П. М. Машерова : сб. науч. трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – Т. 31. – С. 142–147.
5. Чеусов, А. В. Разработка алгоритмов и технологии построения многоязычного базового лингвистического процессора: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.17 / А. В. Чеусов. – Минск, 2013. – 116 с.
6. Krapamih: search-queries. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.kaggle.com/krapamih/search-queries#searchterms.txt>. – Date of access : 07. 05. 2021.
7. Wordstat. Yandex. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://wordstat.yandex.ru/>. – Date of access : 07. 05. 2021.

Поступила в редакцию 18.05.2021

Детскина Раиса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры информатики
и прикладной лингвистики
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Raisa Detskina

PhD in Philology
Associate Professor at Informatics
and Applied Linguistics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
raisadetskina@gmail.com

НЕЙРОСЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ МАШИННОГО АНГЛО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

NEURAL NETWORK MODEL OF THE ENGLISH-RUSSIAN MACHINE TRANSLATION SYSTEM OF LEGAL TEXTS

В данной статье излагаются наиболее важные аспекты нейросетевого моделирования систем машинного перевода текстов. Рассматриваются его суть и преимущества по сравнению с традиционным, статистическим методом решения задачи, приведены особенности реализации для системы машинного перевода юридических текстов с английского языка на русский. Даны примеры, иллюстрирующие качество получаемого системой выходного результата.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *входной текст; выходной текст; корпус текстов; машинный перевод; нейросетевая модель; машинное обучение.*

The article outlines the most important aspects of the neural network modeling of the machine translation systems. The essence and advantages of the presented model over the traditional statistical method of solving the tasks are considered in the article. The application features of the English-Russian machine translation system of legal texts are presented. The illustrative examples of the quality of the output result obtained by the system are provided.

К e y w o r d s: *input text; output text; text corpus; machine translation; neural network model; machine learning.*

На начальных этапах развития искусственного интеллекта (ИИ) в соответствующих приложениях довольно эффективно решались задачи, интеллектуально сложные для людей, но относительно «прямолинейные» для компьютеров, которые могут быть описаны списком формальных математических правил. Позже оказалось, что гораздо сложнее обстоит дело с теми задачами, которые не могут быть представлены в формализованном виде, но, тем не менее, решаются нами относительно легко, т.е. задачами, которые человек решает интуитивно, как бы автоматически, такие, например, как распознавание слов или лиц на изображениях [1].

Именно этим обстоятельством и признанием того, что человеческий мозг обрабатывает информацию совершенно отличным от компьютера способом, было предопределено возникновение совершенно нового направления в решении многих задач ИИ и компьютерной лингвистики, основанного на машинном обучении и нейронных сетях. Мозг, образно говоря, сложный,

нелинейный и параллельный компьютер (система вычисления информации), который может организовывать структурные составляющие, известные как *нейроны*, для выполнения определенных вычислений и операций быстрее, чем любая из ныне существующих высокопроизводительных вычислительных машин.

Таким образом, мозг имеет сложную структуру и способность выстраивать свои собственные правила, что мы чаще всего называем *опытом*. Нейронная сеть – это своего рода машина, которая конструируется с целью моделирования того, как человеческий мозг осуществляет решение той или иной задачи или выполнение некоторой функции.

Понятие *искусственная нейронная сеть* впервые было введено в 40-х годах прошлого века. Исследователи в данной области до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения нейронной сети, но наиболее цитируемым является определение, предложенное С. Хайкиным, которое отражает современный подход к пониманию нейронных сетей [2, с. 10]: «нейронная сеть – это процессор с массивно-параллельной архитектурой, состоящий из вычислительных элементов (нейронов), который имеет естественную склонность к запоминанию эмпирических знаний и представлению этих знаний в доступном виде». Нейронная сеть схожа с мозгом в двух отношениях:

- знания приобретаются нейронной сетью из окружающей среды посредством обучения;
- межнейронная сила связи, известная как синоптический вес, используется для хранения приобретенных знаний.

Процедура, применяемая для осуществления процесса обучения, называется *обучающим алгоритмом*, задача которого – упорядоченно модифицировать синоптические веса нейронной сети для достижения желаемой цели. Модификация синоптических весов обеспечивает традиционный метод для проектирования нейронной сети [1].

Современная эра нейронных сетей началась с новаторской работы У. Мак-Каллока и У. Питтса [3, с. 4]. В своей, уже классической, работе ученые описали логические вычисления нейронных сетей, которые объединили исследования нейрофизиологии и математической логики. Через 15 лет после выхода в свет фундаментальной работы У. Мак-Каллока и У. Питтса новый подход был предложен Ф. Розенблаттом, разработавшим модель перцептрона для решения задачи классификации. В 1969 году М. Минский публикует формальное доказательство ограниченности перцептрона и показывает, что он неспособен решать некоторые задачи, связанные с инвариантностью представлений. На протяжении последующих 10 лет интерес к нейронным сетям резко упал, сопровождаясь публикациями таких известных ученых, как Т. Кохонен, Дж. Андерсон, Б. В. Хакимов, Пол Дж. Вербос, А. И. Галушкин, работы которых, тем не менее, не привлекли должного внимания. Этот период забвения продолжался вплоть до 1982 года, когда Дж. Хопфилд в своей работе доказал, что нейронная сеть с обратными

связями может представлять собой систему, минимизирующую энергию, что вызвало бурные волнения в научном мире. В 1986 году Д. И. Румельхартом, Дж. Е. Хинтоном и Р. Дж. Вильямсом и одновременно С. И. Барцевым и В. А. Охониным был существенно развит метод обратного распространения ошибки. С того момента и по сей день интерес к обучаемым нейронным сетям растет в геометрической прогрессии [1].

Таким образом, можно заключить, что такая отрасль, как глубокое обучение с использованием нейронных сетей, зародилась в начале 50-х годов XX века и претерпела большие изменения, то попадая, то уходя из поля зрения как самостоятельная область исследований. Ее появление было мотивировано фундаментальным убеждением, что человеческий мозг является самым мощным вычислительным механизмом, а прототипом искусственных нейронных сетей послужили биологические нейронные сети.

Способ, по которому нейроны в нейронной сети структурированы, тесно связан с алгоритмом обучения, используемым для тренировки нейронной сети. Таким образом, можно говорить об алгоритмах или правилах, используемых для проектирования нейронной сети, как о чем-то структурированном, то есть имеющих свою архитектуру. Существует несколько классификаций нейронных сетей по типу структуры (гомогенные, гетерогенные), типу сигнала (бинарные, аналоговые), по типу работы (синхронные, асинхронные), топологии (многослойные, однослойные) [3, с. 7]. Всего выделяют несколько основополагающих типов архитектуры нейронной сети [2, с. 5].

1. Однослойная нейронная сеть прямого распространения

В нейронной сети со слоями нейроны организованы в слои. В простейшей нейронной сети со слоями присутствует *входной слой входных узлов*, который проектируется на *выходной слой нейронов (вычисляемых узлов)*, причем исключительно в данном порядке. Другими словами, эта нейронная сеть строго ациклична.

2. Многослойная нейронная сеть прямого распространения

Второй тип искусственных нейронных сетей отличается наличием одного или более *скрытых слоев*, вычислительные узлы которых соответственно называются *скрытые нейроны* или *скрытые элементы*. Скрытые нейроны расположены между входным и выходным слоями. Посредством добавления одного или более скрытых слоев нейронная сеть способна извлекать статистику высокого порядка, что является практически ценным, когда размер входного слоя очень большой.

Нейросетевое моделирование не обошло своим вниманием и целый класс актуальных задач автоматической обработки текста, в том числе и задачи его машинного перевода (МП). Именно этому подходу были адресованы проблемы, существующие в рамках статистического машинного перевода: (1) игнорирование зависимостей, которые в тексте находятся на большом расстоянии друг от друга, и (2) комплексность, так как добавляется все больше и больше характеристик для улучшения работы систем статистического МП.

Нейросетевое моделирование в задаче машинного перевода – это одна большая нейронная сеть с миллионом искусственных нейронов, которые проектируются с целью моделирования всего процесса МП текста. Такой подход требует минимальных знаний предметной области, параллельного корпуса входных и выходных пар предложений, как и в статистическом машинном переводе, но с меньшим количеством вычислительных шагов, реализующих переводную модель. Одна из самых привлекательных особенностей нейросетевого моделирования в задаче МП – это то, что модель может быть обучена производить перевод сразу, без промежуточного обучения компонентов, в противовес статистическому машинному переводу [4].

В данной статье рассмотрено представление лингвистической информации в системе машинного перевода англоязычных юридических текстов на русский язык и, в частности, нейронное моделирование языка. Для создания соответствующей системы МП был задействован известный корпус параллельных текстов: United Nations General Assembly Resolutions: A Six-Language Parallel Corpus. Данный корпус состоит из 2100 Резолюций Генеральной Ассамблеи ООН с переводом на 6 официальных языков Организации Объединенных Наций, из которых для проведения исследования была извлечена англо-русская языковая пара. В корпусе каждое английское предложение представлено с новой строки и имеет соответствующее ему предложение-перевод на русский язык. В рамках работы с данным корпусом были выбраны пары предложений, которые содержат не более 30 слов. В итоге для нашей задачи была сформирована выборка данных, равная 25 216 предложениям.

В практической реализации данной системы не использовались одноязычные данные кроме указанного параллельного корпуса, хотя может быть использован гораздо больший по объему англо-русский корпус.

Весь корпус текстов был разделен на тренировочную выборку (25 216 предложений), оценочную выборку (100 предложений) для подсчета качества перевода с текущими весами на промежуточном этапе и тестовую выборку (6 943 предложений) для итоговой оценки качества перевода.

В тренировочной выборке из множества всех входных и выходных предложений формируются словари уникальных слов: словарь уникальных слов выходного русского языка, содержащий 27 760 уникальных слов в 25 216 предложениях при общем количестве слов, равном 320 702, словарь уникальных слов входного английского языка, содержащий 19 061 уникальное слово в 25 216 предложениях при общем количестве слов, равном 365 493.

Тренировочная выборка, состоящая из англо-русских пар предложений, является основой для обучения данной нейросетевой модели машинного перевода. Для обработки и последующего представления лингвистической информации, в нашем случае слов, используется слой нейронной сети, который обеспечивает векторное представление входных и выходных значений. То есть каждое слово встроено в пространство заданной размерности и представлено в нем в виде вектора. Вложения – векторные представ-

ления каждого элемента – натренированы, как параметры функции внутри нейронной сети и в процессе обучения меняют координаты в пространстве, основываясь на встречаемости соответствующих слов в контексте. Для проведения исследования была выбрана размерность вектора, равная 128, так как опытным путем было выявлено, что его меньшая размерность дает худший результат, так как обладает меньшей способностью закодировать особенности такой лингвистической информации, как слово.

На этапе кодировки слов происходит построение двух языковых векторных моделей, которые отражают слова как точки, встроенные в некое многомерное пространство: входного английского текста и выходного русского текста.

Слова, которые не вошли в словари уникальных слов, заменяются специальным символом [UNK] и на этапе порождения перевода обрабатываются нейронной сетью отдельно, с использованием предварительно натренированных моделей представления слов GloVe: Global Vectors for Word Representation [1] и Word2Vec [5], которые находятся в открытом доступе и предоставляются их авторами для проведения исследований в области компьютерной лингвистики. Имплементация в систему дополнительных источников представления слов, естественно, может обогатить ее базу знаний и упростить процесс тренировки самой модели.

Стоит отметить тот факт, что благодаря вероятностному алгоритму, заложенному для вычисления векторных представлений, точки в их пространстве располагаются таким образом, что соответствующие им слова, которые являются семантически близкими, находятся в пространстве ближе друг к другу, и наоборот.

Другая важная особенность моделей состоит в том, что слова, которые являются переводными эквивалентами в английском и русском языках, имеют схожие значения векторов в английской и русской языковых моделях соответственно. Например, слово *unlawful* имеет вектор, равный 0,399, в модели входного языка, а слово *незаконный* имеет вектор, равный 0,348, в модели выходного языка.

И последняя характерная черта данных моделей, которая существенна для разработки целевой системы МП, – расстояния между векторами слов, которые вероятнее всего встретятся в контексте друг с другом, очень близки в двух векторных моделях. Как пример, расстояние между словами *unlawful* (0,399) и *act* (0,469) в модели входного языка равно расстоянию между словами *незаконное* (0,348) и *действие* (0,505) в модели выходного языка.

Таким образом, в нашей нейросетевой модели был использован слой нейронной сети, который определил векторное представление входных и выходных значений и сформировал две модели языка: для входного и выходного языков, причем, основываясь на контекстной встречаемости в корпусе. То есть каждое слово было встроено в пространство заданной размерности и представлено в нем в виде вектора.

Получившиеся нейросетевые модели отражают важные лингвистические особенности английского и русского языков: синонимичность, антонимичность их слов и контекстную зависимость между словами. Немаловажен тот факт, что данный способ представления удобен, так как генерирует вложения для большого корпуса текстов – больше 10 000 уникальных слов, работает с ненормализованными данными и представляет их в виде векторов заданной размерности.

Выбранная размерность – 128 – положительно отразилась на результатах. Так, при данном значении удалось сделать максимально репрезентативные языковые модели.

Были заданы следующие параметры, которые также повлияли на ход обучения модели: количество предложений, используемых для промежуточной оценки качества перевода (50), максимальное количество эпох – общее количество повторений, после которых обучение останавливается (40), размерность (128).

Для оценки качества МП текста по итогам обучения в рамках одной эпохи было использовано несколько общепринятых алгоритмов-метрик, которые приближены к человеческой оценке качества перевода: BLEU (bilingual evaluation understudy), CIDEr, ROUGE_L, TER [6]. В нашем случае качество перевода есть степень соответствия выходного текста, полученного системой МП и полученного экспертом. На графике (рисунок) показан прогресс качества выходного результата системы МП англоязычных юридических текстов на русский язык в зависимости от степени обучения ее нейросетевой модели.

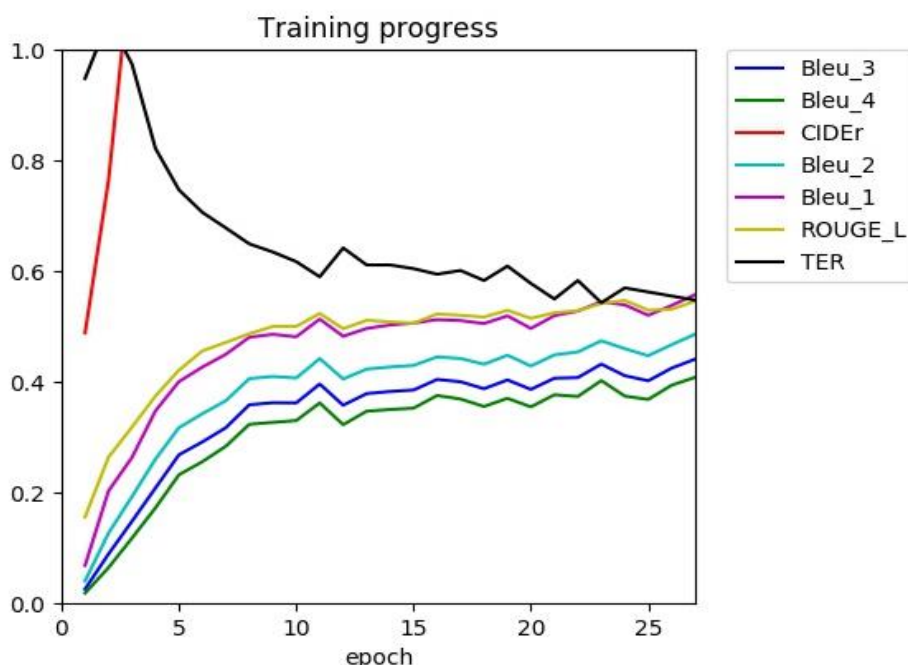

График зависимости качества МП англоязычных юридических текстов на русский язык: ось ОУ отражает качество перевода в диапазоне от 0 до 1, где 0 соответствует 0 %, а 1 – 100 %; ось ОХ показывает эпохи тренировки

Из графика можно сделать вывод, что нейронная сеть улучшила свою производительность в зависимости от степени обучения нейросетевой модели системы.

Выборочные результаты перевода предложений входного текста, полученные системой МП и, для сравнения, экспертом, представлены в таблице

Результаты перевода англоязычных юридических текстов на русский язык, полученные системой МП и экспертом

№ п/п	Предложения	Примеры
1.1	Входное предложение	<i>States Parties undertake to adopt immediate, effective and appropriate measures: (a) To raise awareness throughout society, including at the family level, regarding persons with disabilities, and to foster respect for the rights and dignity of persons with disabilities.</i>
1.2	Машинный перевод	<i>Государства-участники обязуются принимать безотлагательные, эффективные и надлежащие меры и надлежащие меры к тому, чтобы: а) повышать осведомленность общественности на всей общества, включая семьи и поощрять уважение прав человека и достоинства инвалидов.</i>
1.3	«Ручной» перевод	<i>Государства-участники обязуются принимать безотлагательные, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы: а) повышать просвещенность всего общества, в том числе на уровне семьи, в вопросах инвалидности и укреплять уважение прав и достоинства инвалидов</i>
2.1	Входное предложение	<i>Recalling also the relevant Security Council resolutions.</i>
2.2	Машинный перевод	<i>Ссылаясь также на соответствующие резолюции Совета Безопасности.</i>
2.3	«Ручной» перевод	<i>Ссылаясь также на соответствующие резолюции Совета Безопасности.</i>
3.1	Входное предложение	<i>Encourages entities of the United Nations system to participate fully in the work of the Inter-Agency Meeting on Outer Space Activities</i>
3.2	Машинный перевод	<i>Рекомендует органам системы Организации Объединенных Наций в полной мере принимать участие в работе Межучрежденческого совещания по космической деятельности</i>
3.3	«Ручной» перевод	<i>Рекомендует органам системы Организации Объединенных Наций в полной мере принимать участие в работе Межучрежденческого совещания по космической деятельности</i>

4.1	Входное предложение	<i>Each State Party shall cooperate with the Committee and assist its members in the fulfilment of their mandate.</i>
4.2	Машинный перевод	<i>Каждое Государство-участник должны сотрудничать с Комитетом и оказывать помощь в выполнении ими своих мандата.</i>
4.3	«Ручной» перевод	<i>Каждое государство-участник сотрудничает с Комитетом и оказывает его членам содействие в выполнении ими своего мандата.</i>

Заметим, что в целом качество перевода, полученное системой МП, в данном случае достаточно высокое. Существуют некоторые проблемы, связанные с переводом более сложных, длинных предложений, которые, исходя из сути нейросетевых моделей, преодолимы с использованием более объемных тренировочных корпусов текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pennington, J. GloVe : Global Vectors for Word Representation / J. Pennington, R. Socher, Christopher D. Manning [Electronic resource]. – Stanford: Computer Science Department, Stanford Univ. – Mode of access : <https://nlp.stanford.edu/pubs/glove.pdf>. – Date of access : 14.05.2021.
2. Хайкин, С. Нейронные сети : полный курс / С. Хайкин. – 2-е изд. – М. : Вильямс, 2006. – 1104 с.
3. Галушкин, А. Нейронные сети. Основы теории / А. Галушкин. – М. : Горячая линия–Телеком, 2010. – 496 с.
4. McCulloch, W. S. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity / W. S. McCulloch, W. Pitts. – Bulletin of Mathematical Biophysics, 1943. – 133 p.
5. Sutskever, I. Sequence to Sequence Learning with Neural Network / I. Sutskever, O. Vinyals, Quoc V. Le // Cornell University Library [Electronic resource]. – Cornell Univ., 2014. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1409.3215>. – Date of access : 10.04.2021.
6. Mikolov, T. Distributed Representations of Words and Phrases and their Compositionality / T. Mikolov [Electronic resource]. – Mode of access : <https://papers.nips.cc/paper/5021-distributed-representations-of-words-and-phrases-and-their-compositionality.pdf>. – Date of access : 14.05.2021.

Поступила в редакцию 03.06.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0

Авраменко Владислав Игоревич

магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vladislav Avramenko

Master of Philology, postgraduate student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
avramenkowl@gmail.com

РОМАН НА СТЫКЕ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

NOVEL AT THE JUNCTION OF PHILOSOPHY AND LITERATURE

Статья посвящена анализу взаимодействия философского и художественного аспектов во французском философском романе XVIII–XX веков. В исследовании поднимается проблема разграничения литературного и философского дискурсов, затрагиваются вопросы эволюции французского философского романа, рассматриваются различные способы проявления философии в произведениях французских просветителей, романтиков и экзистенциалистов.

Ключевые слова: *философия и литература; философский роман; экзистенциализм; экзистенциалистский роман; философский дискурс.*

The article analyzes the interaction of the philosophical and the artistic aspects in the French philosophical novel of the 18th – 20th centuries. The study raises the problem of differentiating literary and philosophical discourses, touches on the evolution of the French philosophical novel, and examines various ways of manifestation of philosophy in the works of French enlighteners, romantics and existentialists.

Key words: *philosophy and literature; philosophical novel; existentialism; existentialist novel; philosophical discourse.*

В философском романе, национально французской жанровой форме [1, с. 10], взаимодействуют два аспекта – философский и художественный. Их синтез рождает этот жанр. Но что подразумевает под собой философский аспект в художественном произведении? Каким образом может проявлять себя философия в романе? «Признак, связующий в единое целое философию и искусство, – пишет российский исследователь Е. Никольский, – заключается в языке выражения философии, в ее метаязыке, а именно: в рефлексии, взятой в ее гносеологической, а не психологической функции...» [2]. Такое выражение философии, этот философский метаязык в художественном произведении исследователь называет *эстетической рефлексией*.

В литературе эстетическая рефлексия получает особое развитие. Танец говорит языком тела, музыка выражается в звуках, а картина – в красках и цвете. Язык выражения философии, пусть это и метаязык, все же является той же знаковой системой, что и язык литературы, то есть литература

и философия говорят на одном языке. Порой трудно отличить собственно философское произведение от художественного. Однако можно попробовать установить границы между философским и художественным текстами, чтобы видеть яснее литературу в философии или наоборот: философию в литературе.

Рассуждения о жанре философского романа, так или иначе, приводят нас к вопросам о сущности философии и особенностях ее взаимодействия с литературой. Какова специфика философии как особого вида деятельности? Один из способов узнать это – обратить внимание на формы ее воплощения. Несколько прояснить ситуацию по этим пунктам нам помогут исследования, затрагивающие *проблему философского и литературного дискурсов*¹.

Канадский исследователь Г. Бушар в своей работе «Littérature et philosophie» задается вопросом о специфике самого философского дискурса. Ученый ссылается на Ж. Коэна (французский философ, автор труда «Structure du langage poétique») [4, р. 456] и предлагает вообразить стиль через прямую линию, начало и конец которой представляют собой два противоположных полюса. Началом линии может быть полюс прозы «d'écart nul» (то есть без отклонения от нормы), ее концом – полюс поэзии «d'écart maximum» (с максимальным отклонением). Если научный текст стремится к полюсу «d'écart nul», то есть к максимально объективному и точному описанию явлений и фактов (научный стиль), то стихотворение, соответственно, – к полюсу «d'écart maximum». Вопрос в том, к какому полюсу стремится язык философии? И в какой степени философский дискурс вообще является научным? Г. Бушар пишет: «Si le discours philosophique s'apparentait au discours scientifique, il serait, intégralement, prose, l'écart y tendrait vers zéro: il ignorerait donc le vers, les "images" ainsi que les formes globales d'expression comme le récit ou le dialogue; autrement dit, il devrait être purement référentiel et n'utiliser aucun des moyens qui confèrent au message une valeur autonome» [4, р. 456]. Философия в академической среде, безусловно, стремится именно к такому способу выражения. Вне пределов этой среды и условий, которые эта среда навязывает, мы наблюдаем поразительное разнообразие: от философских поэм до философских драм.

Г. Бушар не может согласиться с тем, что языку выражения философии свойственна главным образом наукообразность. С другой стороны, затруднительно говорить и о том, что философия тяготеет к полюсу поэзии. Однако поскольку наукообразные философские тексты более многочисленны, чем тексты, балансирующие на грани науки и художественной литературы, последние, пишет канадский ученый, можно представить как отклонение от нормы [4, р. 459]. Проникновением в философский дискурс всевозможных форм выражения и процессов, свойственных литературе, и характеризуется это отклонение.

---

¹ Под *дискурсом* мы сейчас понимаем «...специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [3, с. 232].

Однако вопрос о том, что больше свойственно природе философской деятельности – стремление к наукообразности или все же к художественным формам воплощения, остается открытым. Простое преобладание академических и научных философских текстов над художественно-философскими не сообщает ничего, кроме как о наличии условной нормы.

«Литературность» может проявляться не только в плане выражения философии, но и в плане ее содержания. Литературно-художественный текст может быть использован в качестве отправной точки для той или иной философской идеи, более того, сама философская идея могла бы иной раз и не существовать без художественного текста [4, р. 459–460]. Однако главная проблема заключается в философичности самой литературы: сам художественный текст может породить философскую идею, взять на себя функцию философии и представлять собой собственно *философский* текст. В эстетической рефлексии художником осуществляется поиск истины – поэты и философы занимаются, в сущности, одним и тем же.

Философию и литературу может объединять, таким образом, общая цель, однако, литература дает душе человека почувствовать (и прочувствовать) то, что философия «предлагает анализу рассудка» [4, р. 462]. То, что философ излагает теоретически, художник делает доступным для чувственного восприятия. Дифференцировать философский и художественный тексты можно, таким образом, по способам их воздействия на читателя: философский роман «Посторонний» Камю-художника, дающий возможность *почувствовать* (на что указывал Ж.-П. Сартр в своей рецензии [5]) абсурдность бытия, принадлежит литературному дискурсу, *объясняющее* эту абсурдность эссе «Миф о Сизифе» Камю-философа – философскому дискурсу.

Конечно, если рассматривать дискурс узко (как особые правила организации письменной или устной речи) и фокусироваться по большей части на стилистике, проблема разграничения философии и литературы едва ли решается. Но дискурс можно понимать и шире: как определенную систему производства и циркуляции значений [6, р. 22]. Работает эта система при помощи институтов, а наличие такого института и является «рамкой дискурса» [7, с. 18].

Однако со временем институты меняются, меняться будет и понятие философского. Российский исследователь А. Корчинский пишет, что философский дискурс «...не сводится только к эксплицированным лингвотекстуальным компонентам, но определяется исходя из социально-коммуникативного контекста» [7, с. 19]. «В этом смысле важно не столько то, что *считает* “философским дискурсом” исследователь, – продолжает А. Корчинский, – сколько то, что *считается* таковым на определенном этапе интеллектуальной истории (курсив А. Корчинского)» [Там же]. Как бы ни менялось, однако, понятие философского, институты всегда будут различать творения философии и литературы. Ж.-П. Сартр писал «Тошноту» с осознанием того, что занимается философской практикой, феноменологией. Но он

писал роман и знал, что бытование этого произведения будет бытованием романа, а не бытованием философского трактата. А. Камю, в свою очередь, хотя и заявлял, что нужно писать романы, чтобы быть философом, все же осознанно разделял романное и философское творчество.

Итак, очевидно, что философский роман – не аналог философского трактата; это художественное произведение, а значит, философия в нем будет «переплавляться» и менять свой обычный облик. Смещения дискурсов, как показывает А. Корчинский в своей работе, на самом деле не происходит, но литература может брать на себя функции философии и порождать чисто *художественные формы* философствования.

Поначалу эти формы в философском романе были крайне простыми. Философия в произведениях просветителей – в «Персидских письмах» Ш. Л. Монтескьё, в «Кандиде» Вольтера, в «Эмиле» и «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо – существует благодаря *герою-резонеру*. Через его речи автор доносит свои идеи без околичностей. Важен не столько сам образ героя, сколько его слово. Юлия в романе Ж.-Ж. Руссо – совершенно неправдоподобная юная девушка, но зато блестящий философ.

Однако все меняется в следующем столетии. Каким образом философия в романе становится *чувственной*, и насколько убедительным может быть язык поэзии как инструмент философствования, хорошо показано в статье «Madame de Staël. La littérature comme “philosophie sensible”» [8] французской исследовательницы Ф. Лоттри.

Де Сталь разделяет литературу на *la littérature d'idées* (литература идей) и *la littérature d'imagination* (литература воображения). В хорошем романе (который относится к категории «la littérature d'imagination») художественное остается художественным, но именно поэтому оно и способно достичь философской глубины [8, р. 20]. Вместе с тем у де Сталь совершенно особое понимание философского, которое Ф. Лоттри уточняет: «...Le “philosophique” qui se révèle dans et par le texte proprement littéraire relève de la peinture des “passions”, pour autant qu'elles suscitent un conflit intense entre les revendications de la vie intérieure et la dépendance à l'égard du monde extérieur, que cette dépendance s'appelle amour, préjugés sociaux, ou histoire» [8, р. 22]. Открытие своего внутреннего глубоко индивидуального мира и его конфликт с условиями внешнего мира, подверженность страстям, несоответствие между желаемым и действительным – все это рождает в человеке чувство меланхолии, которое является *чувством философским*. «Parler philosophiquement» в романах – значит писать совсем не так, как писал свои сказки Вольтер, которые де Сталь критикует за принесение в жертву фабуле правдоподобия [8, р. 23]. Философия в литературе рождается через открытие художником универсального в «чувствительных душах», через его проникновение в суть человеческих страстей, через раскрытие природы того или иного конфликта в ситуации, где взаимодействуют друг с другом характеры, но где нет места искусственности: случайности, року или чудесам [Там же].

Французский филолог Э. Бордас на примере романа Оноре де Бальзака «Луи Ламбер» показывает формирование особого типа поэтики, которую называют «*romanesque des effets*». Эта поэтика определяется философской идеей [9, p. 65], но сама философия в романе начинает существовать в ином виде. Философствовать, вызывать к жизни различные идеи все больше начинает сама художественная ткань произведения. По-настоящему философским в романе оказывается выражение (l'énonciation) философии, а не прямое ее высказывание (l'énoncé): «...L'énonciation véritablement “philosophique”, l'énonciation qui pense dans le roman, et qui donne à penser, n'est pas tant dans l'énoncé de ces “idées”, mais dans leur configuration en langue narrative romanesque globale. L'énoncé donné comme “philosophique” dans l'énonciation du roman est presque ce que le récit offre de *moins philosophique*... (курсив наш. – В. И.) [9, p. 69]. Здесь, на наш взгляд, и рождается эстетическая рефлексия; развивается вместе с тем косвенное сообщение той или иной идеи.

Через чувства донести мысль – это особенно типично и для датского философа С. Кьеркегора. В своем творчестве этот выдающийся мыслитель и первый экзистенциалист закрепляет и окончательно оформляет новый способ философствования, который разрабатывали и пропагандировали романтики начала XIX столетия.

Его главный философский трактат «Или-Или», состоящий из множества разрозненных элементов, получается совсем не похожим на строгое научное произведение. В нем есть место эстетическим и этическим рассуждениям, афоризмам, лирическим наблюдениям и даже целому роману («Дневник соблазнителя»); в повествовании участвуют несколько выдуманных авторов, которые, сменяя друг друга, представляют разные точки зрения и спорят между собой; вместе со сменой автора меняется и стиль. Н. Исаева, автор перевода «Или-Или» на русский язык, приходит к выводу, что подобный способ коммуникации с читателем оказывается важным «...не как беллетристическая оболочка, но как единственно живая, действенная форма для нового содержания» [10, с. 23]. По ее мнению, для С. Кьеркегора «...косвенное сообщение, философия как творческий порыв, философия, ищущая себе поэтическую форму выражения, – это единственный достойный способ связи для свободного духа в его поисках со-сердечных слушателей» [10, с. 24].

Косвенное сообщение может проявлять себя по-разному. У С. Кьеркегора это постоянное использование псевдонимов, фрагментарность повествования, незавершенность и несистематичность философии [11, с. 11]. То есть, это набор средств, который позволяет выразить нечто не прямым образом.

С. Кьеркегор представляется нам связующим звеном между романтизмом и экзистенциализмом в литературе. «Философия как творческий порыв» – это очень характерно для обоих направлений.

По мнению белорусского литературоведа Л. Гаранина, в романтизме философия «...не навязывается... художественному образу, но присутствует у самых истоков его рождения, зреет и развивается вместе с ним, пронизывая

все его компоненты, связывая их друг с другом и облекаясь при этом в чувственные, осязаемые формы» [12, с. 15]. Л. Гаранин солидарен с Р. Габитовой, автором монографии «Философия немецкого романтизма», в которой показано, что «систематически развитая философия» противоречит самой природе романтизма [13, с. 5]. Все это без всякого сомнения можно сказать и об экзистенциализме.

Выработка собственной интеллектуальной активности литературы, отказ от дидактизма и схематизма, философия, рождающаяся в образах и ситуациях, «...форма поэтических и полупоэтических философем, фрагментов, высказываний, афоризмов» [Там же] – все это, на наш взгляд, говорит о развитии косвенного сообщения как особой формы философствования в художественном произведении. Такой способ передачи информации (идеи) в произведении коррелирует и с самой философией, которая связана с этим произведением. Это не свойственно творчеству просветителей, но типично для романтизма, в литературе же экзистенциализма косвенное сообщение, на наш взгляд, уже доминирует. Отказ от дидактизма – это часть природы самой экзистенциалистской философии.

Во французской литературе эпоха Просвещения и первая половина XX в. – два периода, когда философия с художественным произведением соединяется особенно тесно. Проанализированные нами исследования показывают, что это соединение может происходить в литературе разными способами. Тот тип философского романа, который апеллирует к рассудку, представлен главным образом в творчестве просветителей. Собственно, роль эстетической рефлексии в таких произведениях, на наш взгляд, не велика. Персонажи философствуют по большей части как резонеры, то есть «в открытую»; идея, как правило, выражается читателю прямым сообщением. Такой философский роман можно было бы назвать классическим. С другой стороны, в эволюции подобное состояние философского романа (в котором философская и художественная деятельности еще не слились в единый поток эстетической рефлексии) представляется как начальное.

Философский роман может апеллировать также и к чувству. Здесь философствовать начинает художественная составляющая произведения; рождается эстетическая рефлексия. «Ce recours à l'expérience sensible permet de pallier les insuffisances de l'abstraction» [9, р. 56], – пишет Э. Бордас. Одно дело – создать афоризм «ад – это другие» и совсем иное – не только продемонстрировать этот тезис, но и дать возможность его прочувствовать и пережить. Ж.-П. Сартр, как известно, сделал это в одной из новелл своего сборника «Стена».

Таким образом, выявляется определенный характер движения философичности в романе от восемнадцатого века к двадцатому: от прямого сообщения к косвенному, от интеграции философии с помощью героя-резонера к развитию эстетической рефлексии, от апелляции к разуму к апелляции к чувству, от «roman à thèse» к «littérature d'imagination» и «romanesque de l'effet».

Это лишь общие контуры, однако, они уже сообщают некоторые особенности поэтики философского романа на каждом из этапов развития. Именно это движение иллюстрирует специфическую гибкость его структуры и объясняет различие его форм в XVIII, XIX и XX веках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенова, С. Г. Философский роман Ж.-П. Сартра и А. Камю. «Тошнота» и «Посторонний» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05/ С. Г. Семенова ; МГУ. – М., 1973. – 25 с.
2. Никольский, Е. В. К вопросу о жанровой специфике философской прозы [Электронный ресурс] / Е. В. Никольский // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – Сер. 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zhanrovoy-spetsifike-filosofskoy-prozy>. – Дата доступа : 28.09.2019.
3. Ильин, И. П. Дискурс / И. П. Ильин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 231.
4. Bouchard, G. Littérature et philosophie [Электронный ресурс] / G. Bouchard // Études littéraires. – 1976. – № 9 (3). – Р. 435–468. – Режим доступа : <https://doi.org/10.7202/500415ar>. – Дата доступа : 28.09.2019.
5. Сартр, Ж.-П. Объяснение «Постороннего» [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. – Режим доступа : <http://noblit.ru/node/1131>. – Дата доступа : 28.09.2019.
6. Cahn, M. Entre science et littérature [Электронный ресурс] / M. Cahn // Littérature. – 1991. – № 82. – Р. 16–27. – Режим доступа : <https://doi.org/10.3406/litt.1991.1028>. – Дата доступа : 28.09.2019.
7. Корчинский, А. В. Форманты мысли: Литература и философский дискурс / А. В. Корчинский. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
8. Lotterie, F. Madame de Staël. La littérature comme «philosophie sensible» [Электронный ресурс] / F. Lotterie // Romantisme. – 2004. – № 124. – Р. 19–30. – Режим доступа : <https://doi.org/10.3406/roman.2004.1254>. – Дата доступа : 28.09.2019.
9. Bordas, É. Romanesque et énonciation «philosophique» dans le récit [Электронный ресурс] / É. Bordas // Romantisme. – 2004. – № 124. – Р. 53–70. – Режим доступа : <https://doi.org/10.3406/roman.2004.1257>. – Дата доступа : 28.09.2019.
10. Кьеркегор, С. Или-Или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор. – М. : Академический проект, 2014. – 774 с.
11. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / С. Кьеркегор. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 680 с.
12. Гаранин, Л. Я. Философские искания в белорусской литературе / Л. Я. Гаранин. – Минск : Наука и техника, 1984. – 222 с.
13. Габитова, Р. М. Философия немецкого романтизма / Р. М. Габитова. – М. : Наука, 1978. – 288 с.

Поступила в редакцию 04.05.2021

Боричевская Татьяна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка,
Минский государственный
лингвистический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Tatsiana Barycheuskaya

PhD in Philology, Associate Professor at the
Department of the Theory and Practice of the
German Language,
Minsk State Linguistic University,
Republic of Belarus, Minsk
tatsiana.syrayezhka@gmail.com

УПЛЫЎ ТРАДЫЦЫЙ АНТЫТЭАТРА НА РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ЭКСПЕРЫМЕНТАЛЬнай П'ЕСЫ

THE INFLUENCE OF THE ABSURDIST TRADITION ON THE EVOLUTION OF BELARUSIAN EXPERIMENTAL DRAMA

В статье исследуется влияние традиций европейского театра абсурда на становление белорусской экспериментальной драматургии. Особое внимание уделяется таким понятиям, как *парадокс*, *черный юмор*, *ирония*, *цитатность* и *деперсонализация*, которые являются характерными проявлениями эстетики театра абсурда. Индивидуально трансформированные абсурдистские тенденции были выявлены как в произведениях мэтров современной белорусской драмы, так и в пьесах последующих поколений драматургов. На основании детального анализа их произведений сделаны выводы касательно особенностей экспериментальной белорусской драматургии конца XX – начала XXI века.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *эксперимент; театр; абсурд; драма; антитеатр; традиция; развитие; влияние; тенденции; постмодерн*

The article examines the influence of the European anti-theatre on the evolution of Belarusian experimental drama. Particular attention is paid to such concepts as *paradox*, *black humour*, *irony*, *quotation* and *depersonalization*, which are characteristic manifestations of the aesthetics of the Theater of the Absurd. Individually transformed absurdist tendencies were revealed both in the works of the masters of modern Belarusian drama and in the plays of the next generation of playwrights.

Key words : *experiment; theatre; absurdity; drama; anti-theatre; tradition; evolution; influence; tendencies; the postmodern*

Беларуская нацыянальная драматургія ўяўляе сабой вынік эвалюцыйнага развіцця традыцыйных фальклорных матываў у сінтэзе з запазычанымі элементамі, ступень уплыву якіх заўсёды залежала, у першую чаргу, ад геапалітычных працэсаў: «На тэрыторыі Беларусі вельмі рана стала праяўляць сябе ўзаемадзеянне розных культур: ужо ў XIV–XVI стст. выявілася цесная сувязь тэатра, архітэктуры, выяўленчага мастацтва як з усходне-еўрапейскім, так і з заходнім арэалам сярэднявечага і рэнесанснага мастацтва» [1, с. 12].

Некаторыя тэндэнцыі закранулі беларускі тэатр значна пазней, чым тэатр суседніх краін, але працэс творчага станаўлення ніколі не перарываўся,

заўсёды знаходзіліся ўнутраныя рэсурсы для абнаўлення звыклых формаў і сродкаў, узбагачэння рэпертуару, мадэрнізацыі самога тэатральнага побыту. Варта адзначыць самакаштоўнасць такіх намаганняў і надзвычайную ролю ў іх драматургічнага эксперымента як з’явы, супрацьлеглай стагнацыі і рэгрэсу. З-за палітычнай сітуацыі ў краіне абсурдызм, як і прыёмы постмадэрнісцкага пісьма, якія шмат што запазычылі ў тэатра парадоксу, пачалі выяўляцца напачатку 80-х гадоў нават у творчасці «добранадзейных драматургаў» [2, с. 5], але доўга фармальна не прызнаваліся – перашкаджалі празмерная ідэалагізацыя грамадства і жорсткія умовы для друку і пастаноўкі п’ес, асабліва па адносінах да маладых аўтараў.

Вымушана маргінальнае існаванне стала адным з фактараў, які праз пэўны перыяд нонканфармізму і нацыянальнага адраджэння прывеў некаторых драматургаў да нігілістычнага постмадэрнісцкага светапогляду з яго песімістычным бачаннем будучыні. Таму не дзіўна, што калі ў сярэдзіне 90-х палітычныя абставіны з’явіліся каталізатарам змены беларускай культурнай парадыгмы, драматургічны эксперымент атрымаў новыя рысы. Выразнымі прыкметамі маладой драматургіі зрабіліся адмаўленне звыклых метанаратываў і цікаўнасць да паўсядзённасці, якія часта падаваліся ў форме фарсу.

Адной з ілюстрацый такога падыходу з’яўляецца, на думку беларускага літаратурнага крытыка Г. Кісліцынай, стварэнне вясной 1994 г. літаратурнага руху «Бум-Бам-Літ». Яго правапрыемніцай стала ў 2000 г. суполка «Schmerzwerk», што ў сваім маніфесце «Утылізацыя болю» (2003) абвешчае намер прымірыць у сваёй творчасці экзістэнцыялізм і сюррэалізм.

Сябры гэтай суполкі часта выступалі з перфоманс-групай беларускага літаратара і мастака Іллі Сіна (нар. у 1971) «Тэатр псіхічнай неўраўнаважанасці», якая працягвае традыцыю французскіх драматургаў-авангардыстаў пачатку XX стагоддзя. Легітымізацыя перформансу дазваляе сцвярджаць, што некаторыя праявы постмадэрнізма як культурнай традыцыі ўкараніліся ў нацыянальнай драматургіі і прывялі да эксперыментальнай трансфармацыі абсурдысцкай эстэтыкі і актуалізацыі постмадэрнісцкіх сродкаў апісання рэчаіснасці.

Адлюстраванне няўпэўненасці ва ўласным лёсе і ў лёсе ўсёй краіны, а з ім і некаторыя элементы, характэрныя для філасофіі антытэатра і нігілістычнай пазіцыі постмадэрна, можна знайсці ў творах розных беларускіх драматургаў. Гэта і тыя аўтары, якія працавалі напрыканцы XX ст. у рэчышчы так званага «беларускага эксперыментальнага тэатра» (што часткова пераняў традыцыі еўрапейскага тэатра абсурду), і класікі нацыянальнай драматургіі Янка Купала і Кандрат Крапіва. Так, у творах прадстаўнікоў класічнай беларускай драмы таксама багата тыпова абсурдысцкіх матываў. Справа ў тым, што ў крызісных, пераломных моманты нацыянальнай гісторыі свядомыя аўтары проста вымушаныя звяртацца да парадаксальных сродкаў уздзеяння на гледачоў: у пэўным сэнсе, іх драматургічны эксперымент справакаваны самім жыццём.

Напрыклад, у п'есе Я. Купалы «Тутэйшыя», што адлюстроўвае дзяржаўнае бязладдзе пачатку XX ст., абсурднае прысутнічае на кожным кроку. Гэта і моўныя эксперыменты: метамарфозы імёнаў, аказіяналізмы, шматмоўная пародыя ў традыцыях п'есы В. Дуніна-Марцінкевіча «Пінская шляхта», заснаваная на нацыянальнай полілінгвістычнасці (*Кіндэр фравуу, меджду протчым, фатэрлянд, гэр гэрманіш*¹ [3, с. 431]), як і фарсавы марш Мікіты на лаўцы, і вазок з партфелямі, напакаванымі пасведчаннямі на ўсе магчымыя і немагчымыя выпадкі.

Адкрытыя гратэскавасць і парадаксальнасць словаў і дзеянняў герояў п'есы (тыя прыкметы, што стануць характэрнымі для антытэатра сярэдзіны XX ст.) служаць адзінай мэце: падкрэсліць змушаную абсурднасць паводзінаў людзей, выкінутых рэвалюцыяй-акупацыяй са звыклага асяроддзя. Я. Купала ажыццявіў эксперыментальны выхад за межы звыклага камедыйнага антаганізму, і смяшлівыя сцэны ў яго п'есе – гэта толькі «*маленькая камедыя ў вялікай трагікамедыі*» [3, с. 423] з шырокім эсхаталагічным падтэкстам, што не губляе сваёй сучаснасці і сёння. Па сцвярджэнні вядомага беларускага літаратуразнаўцы П. В. Васючэнкі, «творчая манера Купалы ёсць манераю менавіта мастака XX стагоддзя» [4, с. 169].

Прыкладам, зусім у характары постмадэрнісцкай інтэртэкстуальнасці класік апасродкавана цытуе, калі не парадыруе, пушкінскае «Старик Державин нас заметил»: *Нас бацька Пурышкевіч, быўшы ў Менску тут, замеціў і, ад'язджаючы, на гэтую місію благаславіў* [3, с. 441], а таксама гуляе з біблейскімі алюзіямі, згадвае адначасова грэчаскую міфалогію (*Самая натуральная амброзія знакамітай тутэйшай фірмы – а ля самагонка* [3, с. 424]) і старажытную гісторыю, мяняе месцамі пралетарыят і буржуазію, маральны імператыў і амаральнасць. Але пры гэтым катастрофа ў фінале п'есы пачуваецца вельмі рэальнай, аўтар здолеў надаць твору сапраўдную трагічную глыбіню, прыхаваную пад маскай фарсу і абсурду.

У выпадку фантастычнай камедыі К. Крапівы «Брама неўміручасці», дзе купалаўскі камедыйны жанр атрымлівае далейшае эксперыментальнае развіццё, гутарка таксама ідзе перш за ўсё пра вострыя праблемы часу. П'еса насычана «складанай маральна-этычнай, сацыяльна-эканамічнай, экалагічнай, уласна біялагічнай і іншай праблематыкай агульначалавечай значнасці» [5, с. 295]. З мэтай выпукліць гэтыя цяжкасці К. Крапіва і выкарыстоўвае некаторыя прыёмы антытэатра, напрыклад, упершыню ў сваёй творчасці звяртаецца да сюжэта, дзе «мастацкая прастора і час дэфармуюцца» [6, с. 134], хоць і не так адкрыта, як гэта адбываецца ў п'есах С. Бекета і Э. Іанеска.

Э. Іанеска лічыў, што створаны ім абсурдны тэатр дае глядачу шанс «вынырнуць» з атупляючага сацыяльнага асяроддзя, і якраз гэтае асяроддзе высмейвае К. Крапіва праз рэплікі і паводзіны людзей, што бавяць час у

---

¹ Тут і далей курсіў наш – Т. Б.

чарзе за неўміручасцю. Сітуацыя, спачатку паказаная здзекліва-іранічна, у выніку паўстае абсурднай, а іронія ператвараецца ў чорны гумар: *Дабрыян. Скажыце, ваш бацька быў біцюг ці рысак? // Торгала. Як гэта – рысак? Чалавек. // Дабрыян. Сумняваюся. Чаму ж у вас мача конская?* [7, с. 167].

Класічныя мастацкія сродкі антытэатра, напрыклад, дэперсаналізацыю, часта ўжывае і А. Макаёнак. Трагікамедыя «Кашмар» (1974) (першапачатковая назва «Святая прастата») стала ў свой час амаль сенсацыяй, дзякуючы «мільгнуўшаму ў ёй зігзагу гратэска» [8, с. 352], і такія персанажы, як Міністр па шпіянажу і Тэлерэпарцёр з’яўляюцца звычайнымі карыкатурамі, але нараўне з імі паказаны Стары, Сын, Гаспадар, Раб: гэтыя характары здаюцца не проста стэрэатыпамі, а своеасаблівымі сімваламі. Вакол Старога, яго думак, рашэнняў, словаў, сканцэнтравана ўсё дзеянне, і гэта ў нечым набліжае твор «да эксперыментальнага жанру монап’есы» [8, с. 351].

Такім чынам, класікі беларускай драматургіі метадычна ўзбагачалі сваю творчую палітру і эстэтычна ўдасканалівалі мастацкія прыёмы, не цураючыся здабыткаў заходняй авангардысцкай культуры, калі яны здаваліся ім прыдатнымі для выражэння надзённых праблем чалавека і грамадства. Гэтую традыцыю наступныя пакаленні аўтараў мэтанакіравана выкарыстоўвалі і спалучалі з прынцыпамі антытэатра і постмадэрнісцкімі тэндэнцыямі.

Дзякуючы элементам абсурдызму, жанр беларускай камедыі атрымаў эксперыментальнае развіццё ў творах М. Матукоўскага «Мудрамер» (1987) і «Калізей» (1996), У. Саўліча «Сабака з залатым зубам» (1994), Г. Марчука «Калі заспявае певень» (1990), «Блудны муж і Варвара» (1990), А. Федарэнкі «Жаніх па перапісцы» (1993), М. Казачонка «Часны сектар» (1994) і інш. [9, с. 79].

Выдатны прыклад трансфармацыі абсурдысцкай эстэтыкі на беларускай тэатральнай прасторы і ўзор нацыянальнай камедыі абсурду пад назвай «Султан Брунея» стварыў у 1994 г. А. Дзялендзік (1934–2019), вядомы беларускі драматург і кінасцэнарыст. Гэты твор яднае ў сабе вострае сатырычнае ўспрыманне абсурднай паўсядзённасці 90-х, гратэскныя перабольшанні, цытатнасць у лепшым стылі постмадэрна (*Ужо поўнач набліжаецца, а каня ўсё няма* [10, с. 19]; *О, схавай свае бледныя ногі!* [10, с. 32]), сур’ёзныя развагі аб ролі інтэлігенцыі ў складаны для краіны час і лінейны жанравы эксперымент па некалькіх напрамках: аўтар даследуе і відазмяняе аспекты традыцыйных камедыі, утопіі, антыдрамы і нават навуковай фантастыкі.

Персанажы п’есы напаўабязлічаныя – тут А. Дзялендзік эксперыментуе з абсурдысцкім прынцыпам адчужэння: яго героі пазначаныя як Бацька, Маці, Сын, Дзед, Іншапланецянін, але ў размове ўжываюць уласныя імёны. Яны робяць уражанне напаўвар’ятаў, прычым, вар’яцеюць усе па-свойму, у адпаведнасці з сацыяльнымі і сямейнымі стэрэатыпамі. Маці сыпле клішэ кшталту «*калі я ем, я глухі і нямы*» [10, с. 10], Бацька эканоміць нават на

паветры, Дзед купляе ў цыгана каня за апошнія грошы, а Сын бясконца цытуе рэкламныя ролікі (*Пакаштуйце Баўнці! Райская асалода!* [10, с.13]) – гэта алюзіі, знаёмыя кожнаму даросламу беларусу.

Тут праяўляецца тэндэнцыя сучаснай беларускай драматургіі звяртацца па натхненне да спецыфічных нацыянальных рэалій. Праз чорны гумар і шматлікія парадоксы сцэнічнага дзеяння А. Дзялендзік спрабуе данесці да гледача складаныя экзістэнцыяльныя пытанні (*Дзед. Так нельга! Хачу памерці! // Дачка. Лічыш, ты жывеш?* [10, с. 26]; *Бацька. А не ашукае? // Дзед. Як жа ён можа ашукаць, калі ўзяў грошы?* [10, с. 17]), і ў пошуку рашэння робіць сваіх герояў багацейшымі за султана Брунея, пераносячы спачатку ў былы партызанскі бліндаж у лесе, потым – у 2017 г., а затым – на іншую планету.

Лінейнае эксперыментальнае развіццё авангардысцкіх драматургічных канцэпцый, у тым ліку кананічнага абсурдызму ў стылі бекетаўскай п’есы «У чаканні Гадо», у спалучэнні з постмадэрнісцкай цытатнасцю набыло сваё адлюстраванне і ў творчым падыходзе А. Асташонка (1954–2004) – беларускага драматурга, літаратара і перакладчыка. У п’есе-кампіляцыі «Драматургічныя тэксты» (1997), што складаецца з шэрагу кароткіх твораў, надрукаваных раней у перыядычных выданнях, ён паслядоўна падводзіць гледача да думкі, якая з’яўляецца мадыфікацыяй цэнтральнай для філасофіі абсурдысцкага тэатра ідэі: спасцігнуць таямнічы сэнс жыцця можна, але толькі праз асаблівае, парадаксальнае бачанне: – *Не адчыняе. Глухі. І дзвярэй жа няма, як збоку паглядзець. У адным пакоі сядзім. // – Кропля логікі ў абсурдным свеце... // – Табе заваркі яшчэ даліць?* [11, с. 198].

У пошуках магчымасцяў стварэння такога бачання аўтар спалучае эклектычнасць і гратэск з высокаінтэлектуальнымі літаратурнымі рэмінісцэнцыямі: у II-й частцы п’есы (якая вытрымана ў стылістыцы постмадэрнісцкай плыні свядомасці і носіць назву-аксюмарон «Уначы, калі светла») згадваюцца такія імёны, як Кант, Сакрат, Капернік, Фама Аквінскі, Саванарола, прасочваюцца алюзіі да творчасці Стэндаля (*Хоць бы і на плаху, як Жульен Сарэль* [11, с. 202]), Шэкспіра (*мыць ці ня мыць* [119, с. 204]), і нават да мінезінгераўскага Сярэднявечча (*Але цяжка панне жыць і заставацца Пекнаю Паннай* [11, с. 203]; *Ваша Пекная Панна, якой вы не прысвячалі вершаў. Прысвячалі?.. Тады крыўдаваць зусім няма падставы...* [11, с. 203]).

У гэтым творы таксама праўляецца асаблівасць сучаснага беларускага драматургічнага дыскурсу: хоць замежны культурны матэрыял і адыгрывае адмысловую ролю ў творчасці маладых драматургаў (звычайна, у постмадэрнісцкай бурлескнай апрацоўцы), але аўтары пастаянна звяртаюцца менавіта да беларускіх рэалій, у дадзеным выпадку – да надзвычай вострай праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі: *К. Я...я хачу абудзіць беларусаў. // Л. Каго?! // К. Беларусай... разумееце... я беларус... Я хачу абудзіць беларусаў... // Л. Ты што – звар’яцеў?! Якіх беларусаў?! [11, с. 216].* А. Асташо-

нак відавочна прытрымліваецца філасофіі экзістэнцыялізму ў стылі А. Камю: якімі б цяжкімі не выглядалі ўмовы, чалавек павінен змагацца, і адно гэта робіць яго жыццё не марным.

Беларускі драматург часта звяртаецца і да іранічнай цытацыі антытэатра, якая была перанятая драматургіяй постмадэрна: згадваючы ў першай частцы сваіх «Тэкстаў» імя С. Бэкета, А. Асташонак абірае наступныя вызначэнні: – *Бэкет тут падшыванец // – Які там Бэкет? Камсамол Касавубу...* [11, с. 198].

Пры гэтым аўтар усе ж прызнае факт запазычання і мадыфікацыі ім у пятай частцы ідэі бессэнсоўнага на першы погляд чакання з драмы «У чаканні Гадо»: *А калі ён не прыйдзе, то ўсё роўна прыйдзе. // – ? // – А таму што прыйдзе. Бо мы чакаем* [11, с. 220]. Як падкрэслівае беларуская даследчыца Е. А. Лявонава, А. Асташонка турбуе «не канкрэтна-сацыяльны ці канкрэтна-маральны, а экзістэнцыяльны стан чалавека» [12, с. 126], што нагадвае асноўныя прынцыпы аўстрыйскага «гуманістычнага сусветнага тэатра».

Яшчэ адной праявай лінейнага эксперымента з абсурдысцкай эстэтыкай у беларускай драме канца ХХ ст. з’яўляецца п’еса Г. Багданавай (нар. у 1961) «АС-лінія» (1997). Пададзены ў пралогу як «калядны сон» [13, с. 53], твор мае падзагалавак «*Абсурд у стылі посткамунізму*» [13, с. 53], а дзейныя асобы разам з самой Аўтаркай стаяць у бясконцай чарзе па яйкі. П’еса па-абсурдысцку закальцаваная на народнай казцы «Курачка Раба», а матыў гульні з моўным афармленнем бачны ўжо ў назве, якую галоўныя героі – «асы»-ветэраны – разумеюць як лінію абароны, а гледачы могуць інтэпрэтаваць як «краіну аслоў».

Г. Багданава эксперыментальна адаптуе прыём дэперсаналізацыі: персанажы абязлічаныя толькі часткова, аўтар дае ім нешта накшталт мянушак (*Непрадажны мастак, Былая Савецкая Дама, Вучоны з авоськай, Сталічная правінцыялка і г. д.*), якія часта гавораць аб чалавеку значна больш, чым імя.

Жыхары посткамуністычнага часу размаўляюць кожны адпаведна сваёй ролі, напрыклад, Сталічная Правінцыялка (гэты аксюмаран выступае як яшчэ адзін парадокс) ужывае «трасянку» – у сваіх эксперыментальных спробах сучасныя аўтары свядома адыходзяць ад лінгвістычнай нормы і перадаюць шматгалосіцу вобразаў пры дапамозе ўсіх магчымых сродкаў: *А то з заўтрашняга дня, гаварат, усе ў два разы даражаець І етыя яйца, скажу вам, слухайце сюды, вы толькі падумайце!.. Куды ета правіцельства толькі глядзіт!* [13, с. 55].

Пры ўсёй абсурднасці дзеяння вызначальным момантам п’есы «АС-лінія» з’яўляецца тое, што утапічная цэнтральная ідэя п’есы аб стварэнні новага «Саюза непарушнага» «не адлюстроўвае жадання аўтаркі пасмяяцца з людскай недасканаласці і неўладкаванасці. <...> Сацыяльна-крытычны пафас “АС-лініі” скіраваны супраць прымітыўнай прагматыкі, масавай бездухоўнасці, пакланення фальшывым ідалам, якія набываюць абсурдную форму» [14, с. 138].

На пачатку ХХІ ст. прынцыпы антытэатра, як і асоба Гадо, закранутая А. Асташонкам, па-ранейшаму з’яўляюцца для беларускіх драматургаў знакавымі. Але сучасныя творцы разглядаюць гэты вобраз зусім інакш, чым папярэднія пакаленне: «Іх персанажы ўжо не бавяць час у чаканні Гадо. Гадо прыходзіць» [15, с. 186]. Абсурдызм сам стаўся той традыцыяй, з якой цяпер гуляюць маладыя аўтары, для іх Гадо – больш не алегорыя Бога, «ён валодае толькі адной прасторай – унутрытэкставай» [16, с. 187].

Новае бачанне адмятае ранейшыя спробы паказаць сувязь чалавечага і Боскага, сцірае звыклыя бінарныя апазіцыі, адлюстроўваючы такія характэрныя тэмы, як «камунікацыйная раз’яднанасць, інфанталізм, суіцыд, маргінальныя слаі грамадства» [17, с. 205]. Але важна адзначыць: пры гэтым, на думку П. В. Васючэнкі, «створаныя ў апошнія гады п’есы Зміцера Вішнёва “Фаракаінавыя мумілюсікі”, “Свет, які я не выдумаў” Алеся Бычкоўскага, “Едзем!” А. Часа акрамя самаіроніі і нават самапарадыравання вызначаюцца ўсё той жа апеляцый да класікі, хоць аўтары, магчыма, не ўсведамлялі, што працягваюць абсурдысцкі эксперымент» [15, с. 184].

Новае ўвасабленне набываюць абсурдысцкія прынцыпы ў драме А. Карэліна (нар. у 1978) «Зона Х, альбо пакой з правам на спадзяванне» (2002). Згодна з аўтарскай рэмаркай «смах, слёзы, крымінал» [18, с. 99], п’еса нібыта з’яўляецца сінтэзам трагікамедыі і дэтэктыва, а на самой справе ўяўляе сабой закальцаваную фантасмагорыю, «драму ў драме» з праявамі чорнага гумару ў спалучэнні з малюнкамі нечакана надзённых чалавечых цяжкасцяў. У адрозненне ад класічнага антытэатра, які (прынамсі, першапачаткова) не ставіў сваёй мэтай надаць твору нейкі павучальны падтэкст, п’еса А. Карэліна прасякнута імпліцытным гуманізмам. Галоўная думка творца заключаецца ў свярджэнні «*Пачвары трэба дараваць. Інакш нічога не зменіцца*» [19, с. 123], нават калі справа ідзе аб пачвары ўнутры цябе самога.

Падобны трансфармацыйны падыход да эстэтыкі тэатра парадоксу ўласцівы і п’есе беларускага драматурга Дз. Бойкі «Крывая Мэры» (2003): гэта абсурдысцкі твор з выразным лірычным адценнем. П’еса Дз. Бойкі выклікала вялікі рэзананс у прэсе і была ў 2009 г. пастаўленая на англійскай мове ў Эдынбурзе і Лондане. Але, нягледзячы на сваю папулярнасць, твор Дз. Бойкі так і не быў надрукаваны, як не быў надрукаваны сапраўдны ўзор абсурдысцкага гратэску – парадаксальная п’еса-фантасмагорыя вядомага беларускага пісьменніка і драматурга А. Дударова (нар. у 1950) «Прынц Мамабук» (1999).

Справа не толькі ў фінансавых цяжкасцях, што паўстаюць сёння як перад аўтарамі-пачаткоўцамі, так і перад мэтрамі нацыянальнай літаратуры. Для канца ХХ – пачатку ХХІ стст. характэрныя так званыя «п’есы для чытання», чыя традыцыя перажывае значную эксперыментальную трансфармацыю ў тэатры постмадэрна, але паралельна гэтай тэндэнцыі існуе іншае вымярэнне драмы: «тэксты для тэатра» [20, с. 322], творы, літаратурны змест якіх не здольны прыцягнуць увагу чытача, але добра глядзяцца на сцэне.

У выпадку драмы Д. Бойкі шматлікія поп-клішэ, кшталту матываў індыйскага кіно і вэстэрнаў у фарсавай апрацоўцы, неверагодныя павароты сюжэту, «бясконцыя паўторы адных і тых жа рэплік, так званыя “прыколы” – усё гэта паказвае на жанравую прыналежнасць твора да драмы абсурду» [14, с. 142] з аднаго боку, а з іншага – робіць п’есу ў першую чаргу сцэнічным творам. Як і А. Карэлін, Дз. Бойка эксперыментуе з ідэйнымі пастулатамі тэатра парадоксу: у канцы ён дазваляе сваім персанажам быць шчаслівымі. «Менавіта ў гэтай п’есе узнікае нечаканая гармонія, таму што ў ёй разглядаецца не толькі гісторыя нянавісці, але і – перадусім – гісторыя кахання» [21, с. 142].

Прынцыпы антытэатра, хоць і пазней, чым гэта адбылося ў еўрапейскай драме, трывала ўвайшлі ў кантэкст беларускай драматургіі, п’есы С. Бекета, Э. Іанеска, С. Мрожака і Фр. Дзюрэнмата перакладзеныя на беларускую мову і сталіся часткай культурнай традыцыі беларускай тэатральнасці. Але многія беларускія драматургі і крытыкі прытрымліваюцца таго пункту гледжання, што «ў п’есе не бывае “чыстага”, абсалютнага абсурду. Самая дрымучая бяссэнсіца мае нейкі сэнс і можа быць трактаванай у тым або іншым аспекце» [14, с. 163]. Традыцыі абсурдызму перажылі непазбежны злом, і нездарма познія п’есы С. Бекета ўзняліся ад адчужанай ірацыянальнасці да прытчавасці. Менавіта такая скіраванасць на спалучэнне традыцыйнага і авангардысцкага падыходаў падаецца нам адной з асноўных адметнасцяў беларускай драматургіі канца XX – пачатку XXI стст. і яднае яе з драматургіяй еўрапейскай.

ЛІТАРАТУРА

1. Гісторыя беларускага тэатра / М. Каладзінскі [і інш.] // Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтва-знаўства, этнаграфіі і фальклору. – 1983. – Т. 1: Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917 г. – 496 с.
2. *Васючэнка П. В.* Ад тэксту да хранатопа: артыкулы, эсэ, пятрогліфы / П. В. Васючэнка. – Мінск : Галіяфы, 2009. – 200 с.
3. *Купала, Я.* Паэмы. Драматычныя творы / Я. Купала; уклад. А. А. Сляпцовай; паслясл. В. А. Каваленкі; мал. В. П. Шаранговіча. – Мінск : Маст. Літ., 1989. – 494 с.
4. *Васючэнка, П. В.* Драматычная спадчына Янкі Купалы : Вопыт сучаснага прачытання / П. В. Васючэнка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 173 с.
5. *Бугаёў, Дз. Я.* Зброяй сатыры, зброяй праўды / Дз. Я. Бугаёў. – 2-е выд., выпраўл. і дап. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 316 с.
6. *Васючэнка П. В.* Драматургія і час / П. В. Васючэнка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 144 с.
7. *Крапіва, К.* Хто смяецца апошнім: камедыі: для ст. шк. узросту / К. Крапіва. – Мінск: Маст. Літ., 2010. – 186 с.

8. *Макаёнак, А.* Збор твораў : у 5 т. / уклад. і камент. С. С. Лаўшука. – Мінск : Маст. Літ., 1987. – Т. 2 : П’есы – 367 с., 4 л. іл.
9. *Бельскі, А.* Сучасная літаратура Беларусі: дапам. для наст. / А. Бельскі. – Мінск : Аверсэв, 2000. – 127 с.
10. *Делендик, А. А.* Султан Брунея / А. Делендик. – Мінск : Юнацтва, 1999. – 204 с.
11. Сучасная беларуская п’еса: для ст. шк. узросту / склад. П. В. Васючэнка. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 302 с.
12. *Леонава, Е. А.* Беларуская літаратура XX ст. і еўрапейскі літаратурны вопыт: Дапаможнік для студэнтаў філал. фак. / Е. А. Лявонава. – Мінск : БДУ, 2002. – 130 с.
13. Беларуская драматургія / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, [Часоп.] «Тэатр. творчасць» ; уклад. В. Валадзько, 1997. – Вып. 3 : П’есы сучасных аўтараў, Творы са спадчыны. – 237 с.
14. *Васючэнка П. В.* Сучасная беларуская драматургія: дапаможнік для настаўнікаў / П. В. Васючэнка. – Мінск : Маст. Літаратура, 2000. – 158 с.
15. Тэксты. Літаратурна-мастацкі праект. – № 3. – Мінск : 2007. – 248 с. – (Другі фронт мастацтваў).
16. Современная драматургия: литературно-художественный и общественно-политический журнал // Орган Союза писателей СССР, Министерства культуры СССР и Союза театральных деятелей СССР : Лит.-художеств. журн. – 1989. – №1. – С. 137–169.
17. *Смольская, К. Р.* Беларуская драматургія як генератар абнаўлення эстэтычнай палітры / К. Р. Смольская // Пытані мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 15 / навук. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2013. – С. 205–211.
18. Беларуская драматургія: Зборнік / М-ва культуры Рэсп. Беларусь ; уклад. В. Валадзько, 2003. – Вып. 7: П’есы. – 222 с.
19. Беларуская п’еса: Драмат. творы: для ст. шк. ўзросту / уклад. І. А. Гімпель; маст. Н. С. Ларына. – Мінск : Полымя, 1996. – 701 с.
20. Нарысы па беларускай літаратуры XX ст. : для ст. шк. узросту / уклад. Юрыя Пацюпы. – Мінск : Маст. Літ., 2010. – 438 с.
21. *Васючэнка, П. В.* Таямніца неўміручасці Кандрата Крапівы : да 115-годдзя з дня нараджэння / П. В. Васючэнка // Роднае слова. – 2011. – N 3. – С. 5–9.

Поступила в редакцию 01.06.2021

Рак Марыя Сяргееўна

аспірант, выкладчык кафедры беларускай і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Maryia Rak

Post-graduate student, Lecturer at the Department of Belarusian and Foreign Literature,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
mashutka.rak@gmail.com

**МАСТАЦКА-ЭСТЭТЫЧНАЯ І ЖАНРОВАЯ ПАРАДЫГМА ТВОРАЎ
ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКОЙ І ДЗІЯНЫ СЭТЭРФІЛД**

**ARTISTIC, AESTHETIC AND GENRE PARADIGM OF WORKS
BY LUDMILA RUBLEUSKAYA AND DIANE SETTERFIELD**

У артыкуле на аснове кампаратывісцкага падыходу супастаўляецца проза Л. Рублеўскай і Д. Сэтэрфілд, вызначаецца вобразна-тэматычная, жанравая і стылёвая адметнасць твораў беларускай і англійскай пісьменніц, выяўляюцца спосабы рэцэпцыі гатычнай традыцыі ў сучасных апавяданнях і раманах. Адзначаецца, што сучасныя пісьменніцы выкарыстоўваюць паралельны хранатоп, белетрызуюць наратыўны апавед, ствараюць поліжанравыя раманыя формы.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *кампаратывістыка; рэцэпцыя; беларуская проза; англійская проза; мастацка-эстэтычная спецыфіка; жанравая дыфузія; гатычная традыцыя; белетрызацыя апаведу.*

The work compares the prose of L. Rubleuskaya and D. Setterfield on the basis of a comparative approach, defines the imagery, thematic, genre and stylistic features of the works of these two Belarusian and English writers, reveals the ways of functioning of the gothic tradition in contemporary stories and novels. It is noted that modern writers use a parallel chronotope, fictionalize the narrative, create multi-genre novel forms.

Key words: *comparative studies; reception; Belarusian prose; English prose; artistic and aesthetic specifics; genre diffusion; gothic traditions; fictionalization of the narrative.*

Прыярытэтны кірунак нацыянальнага літаратуразнаўства – вызначэнне непаўторнасці развіцця літаратурнага працэсу ў Беларусі – дапаўняецца і пашыраецца актуальнымі праблемамі, якія па-ранейшаму стаяць перад айчыннай філалогіяй: асэнсаванне месца беларускай літаратуры ў свеце, а таксама раскрыццё асаблівасці ўваходжання сусветнай літаратуры ў беларускі кантэкст. У вырашэнні названых праблем бачыцца асаблівасць дыскурсу беларускай кампаратывістыкі ў гісторыка-культурным працэсе канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя. Станаўленню нацыянальнай кампаратывістыкі паспрыялі буйныя працы беларускіх і замежных даследчыкаў: Г. Я. Адамовіч [1], М. П. Аляксеева [2], Л. П. Баршчэўскага і П. В. Васючэнкі [3], П. Брунэля, К. Пішуа і А. М. Русо [4], Д. Дзюрышына [5], В. М. Жырмундскага [6], В. Г. Зінчанкі [7], У. М. Конана [8], Ю. Крысцевай [9], Е. А. Лявонавай [10], Д. Ф. Маркава [11], Т. М. Тарасавай [12], І. В. Шаблоўскай [13] і інш.

Параўнальна-гістарычныя, тыпалагічныя даследаванні літаратуры свету стварылі грунтоўную аснову для вывучэння сумежных літаратурна-мастацкіх з’яў у пачатку ХХІ стагоддзя. Разам з тым варта адзначыць, што функцыянаванне падсістэмы «літаратура» ў кантэксце іншых форм свядомасці чалавека ўплывае на спецыфіку самой гэтай падсістэмы. З’яўляючыся часткай назапашанага вопыту ўсяго чалавецтва, сусветная літаратура складаецца з асобных нацыянальных літаратур, адметным чынам уплываючы на кожную з іх. Спецыфіка прыярытэтаў, якімі вызначаецца структура сучаснага свету, фарміруе адметнасць літаратурнага развіцця і ў маштабах адной краіны, і ўсяго чалавецтва.

Асноўная задача даследчыкаў на сучасным этапе – выявіць агульнае і адрознае паміж іншанацыянальнымі літаратурамі, што дазваляе раскрыць у сусветным нацыянальнае, асобнае, а ў нацыянальным – сусветнае, агульначалавечае. У постіндустрыяльным грамадстве, у новай інфармацыйнай прасторы пачатку ХХІ ст. вывучэнне гэтых праблем становіцца надзвычай актуальным.

Рэцэпцыя традыцый і мастацкіх пошукаў замежнай літаратуры ў айчыннай мастацкай прасторы, тыпалогія сумежных літаратурна-мастацкіх з’яў, сістэмна-структурныя параметры беларуска-замежнага літаратурна-мастацкага кантэксту – актуальныя праблемы беларускага літаратуразнаўства ХХІ стагоддзя.

У сувязі з гэтым варта адзначыць, што проза Д. Сэтэрфілд у айчынным літаратуразнаўстве не вывучалася, тым больш не параўноўвалася з творамі сучасных беларускіх пісьменнікаў, такіх, як, да прыкладу, Л. Рублеўская. Раман англійскай пісьменніцы «Трынаццатая казка» дастаткова поўна быў прааналізаваны рускімі літаратуразнаўцамі, якія звярталі ўвагу на інтэртэкстуальнасць і адметнасць паэтыкі твора. Яны даследавалі рэцэпцыю класічнай англійскай і нямецкай літаратуры ў прозе Д. Сэтэрфілд (Г. Ішымбаева [14], Н. Літвіненка [15], А. Нікіфарава [16] і інш.). Разгляд твораў Д. Сэтэрфілд і Л. Рублеўскай у кампаратыўным аспекце стане падмуркам для вывучэння беларуска-англійскага літаратурнага ўзаемадзеяння.

Адзнакі плённага пошуку ў рэчышчы мастацка-эстэтычнага і жанравага «поліфанізму» выявіліся ў творчасці англійскай і беларускай пісьменніц Д. Сэтэрфілд і Л. Рублеўскай, дзякуючы якім сучасная проза стала яскравым прыкладам жанрава-стылёвай дыфузнасці і разамкнёнасці, а розныя часавыя вымярэнні (мінулае і сучаснасць) пачалі ўзаемадапаўняцца і нарошчвацца з дапамогай выкарыстання паралельнага хранатопу, а часам і прыёму шматсветавасці. Названыя пісьменніцы актыўна спалучаюць у межах аднаго тэксту розныя стылёвыя плыні, кірункі, жанры і формы (імпрэсіянізм, неарамантызм, натуралізм, рэалізм, постмадэрнізм, готыку, неаготыку, дэтэктыў, фэнтэзі і інш.).

Галоўны аспект, звязаны з мастацка-эстэтычнай парадыгмай у сучаснай прозе, абумоўліваецца выкарыстаннем раманнай панарамнасці і традыцый

В. Скота пры апісанні аддаленых па часе падзей. Праблема засваення і асэнсавання гісторыі мастацкай літаратурай заўсёды адыгрывала важную ролю і становілася яшчэ больш актуальнай у пераломныя моманты развіцця грамадства. Працэс рэцэпцыі і рэканструкцыі «свой даўніны» слоўным мастацтвам характарызуецца актыўным выкарыстаннем шырокага дыяпазону літаратурных жанраў пры адлюстраванні гістарычнай тэмы, у межах якой асвятляюцца падзеі далёкага ці недалёкага мінулага, што садзейнічае абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці, цікавасці да гісторыі ўласнага роду.

Пісьменніцы не проста ўзнаўляюць падзеі мінулага, а ствараюць паўнавартаснае панарамнае мастацкае палатно гістарычных падзей. Гэта назіраецца ў творах Д. Сэтэрфілд (гісторыя сямейнага пракляцця ў раманах «Трынаццатая казка», «Бэлман і Блэк, ці Незнаёмец у чорным», «Пакуль цячэ рака»). Арыгінальная аўтарская інтэрпрэтацыя жыцця і дзейнасці канкрэтнага персанажа ў названых творах становіцца адным са спосабаў філасофскага заглыблення ў свет чалавека, рэфлексіяй над надзённымі і вечнымі праблемамі.

Прозе Л. Рублеўскай таксама ўласціва спалучэнне неарамантычнага, гатычнага, містычнага падыходаў да ўзнаўлення мінулага. Працягваючы рамантычныя традыцыі англійскай і беларускай літаратур, у цыкле «Шляхецкія апавяданні» аўтар уздымае праблемы годнасці чалавека, знітоўвае сучаснасць і мінулае ў аповесцях «Сэрца мармуровага анёла», «Пярсцёнак апошняга імператара» і раманах «Золата забытых магіл», «Скокі смерці» і інш.

Так, у паралельным рамане «Золата забытых магіл» Л. Рублеўская імкнецца выявіць вытокі нацыянальнай ментальнасці, уводзіць паняцце *міфалагічны час* (памяць, містыка снабчанняў, народнае разуменне свету). Падобнае назіраецца і ў прозе В. Скота, які дасканала перадаваў «дух мінуўшчыны», вывучаў гісторыю, але ўводзіў у свае творы герояў, якія не заўсёды мелі рэальных адпаведнікаў, і, больш таго, сцвярджаў, што рухавіком падзей становіцца народ. Варта зазначыць прынцыповае адрозненне ў асэнсаванні і адлюстраванні гісторыі беларускай пісьменніцай і класікам англійскай літаратуры: паралельны хранатоп як адметнасць мастацкай інтэрпрэтацыі «свой даўніны» і адметнасць аўтарскай стратэгіі пісьменніцы актуалізуе мінулае і сучаснасць.

Д. Сэтэрфілд і Л. Рублеўская паспяхова выкарыстоўваюць традыцыі класічнага англійскага гатычнага рамана (Ш. і Э. Брантэ, Х. Уолпал, М. Шэлі, Г. Рэдкліф і інш.). Англійская пісьменніца неаднаразова зазначала, што ў юнацтве захаплялася творамі Л. Талстога, Ф. Дастаеўскага, Ш. і Э. Брантэ, Д. Осцін і інш., у прозе якіх можна таксама знайсці рысы гатычнай літаратуры. Раман «Трынаццатая казка» напісаны ў поўнай адпаведнасці з гатычнай традыцыяй: наяўнасць змрочнага маёнтка з мноствам таямніц, у якім жыве Віда Вінтэр; зарослы сад, дзе галоўная гераіня Маргарэт Лі нібыта сустракаецца з прывідам, а на самой справе – сапраўднай дачкой гаспадароў маёнтка; знікненне і смерць герояў (Чарлі,

Ізабэла, Эстэр і інш.); вогнішчы і пажары (Анджэлфілд-Хаўс); цёмныя, дажджлівыя ночы; кровазмязненне; садызм; невылечная смяротная хвароба і інш.

Раманы Д. Сэтэрфілд і Л. Рублеўскай блізкія і ў тым плане, што яны маюць не толькі выразную неагатычную скіраванасць, але і прадуманую кампазіцыю, у якой назвы раздзелаў часта становяцца своеасаблівым ключом для далейшага разгортвання падзей. Г. Ішымбаева адзначала, што «“Трынаццатая казка” з яе неаготыкай і традыцыямі віктарыянскага рамана мае відавочную літаратуразнаўчую аснову ў тым сэнсе, што асобныя часткі пабудаваны ў адпаведнасці з амаль класічнай тэорыяй сюжэта» [14].

Адным з ключавых прыёмаў аповеду Д. Сэтэрфілд становіцца такая наратыўная стратэгія, як *кніга ў кнізе* (падзеі апісваюцца з пункту гледжання Маргарэт, якая складае біяграфію знакамітай пісьменніцы Віды Вінтэр, а таксама самой Віды, Аўрэліуса і дзённіка былой гувернанткі Эстэр). Аўтар дасканалы перадае пакуты Віды Вінтэр, якая пачынае раскрываць таямніцу, звязаную з яе лёсам: «Яна настолькі прывыкла хаваць праўду, што цяпер, падчас спробы яе агучыць, сутыкнулася з фізіялагічнымі цяжкасцямі. Другая і трэцяя спробы пачаць апавед таксама былі няўдалымі. Але ўрэшце рэшт яна гэта адолела, як перамагае стары музыка свой інструмент пасля таго, як з года ў год не браў яго ў рукі <...> Ізабэла Анджэлфілд была дзіўнай» [17, с. 34].

У гатычных апавяданнях «Шклянкі цемры з прысмакам крыві», «Дыярыуш пані», «Жаніх пані Данусі» і інш. Л. Рублеўская таксама актыўна выкарыстоўвае элементы гатычнай паэтыкі: дзеянне адбываецца ў змрочных замках, сядзібах, касцёлах, на могілках, пераважна ноччу, у неспрыяльнае надвор'е, прысутнічаюць інфернальныя істоты, чытач запалоханы прадчуваннем блізкай трагедыі.

Гатычны раман «Скокі смерці» – цікавая мастацкая знаходка беларускай пісьменніцы, «твор, які сінтэзуе элементы гатычнага, прыгодніцка-дэтэктыўнага, філасофскага раманаў, дзе удала спалучаны нацыянальна-гістарычныя (этнанацыянальная самаідэнтыфікацыя беларусаў, захаванне гістарычнай памяці) і так званыя вечныя праблемы (пачуццё і абавязак, вернасць і здрада, мэтазгоднасць і мараль, дабро і зло)» [18, с. 150]. Сам жанр гатычнага рамана, як абалонка твора, абраны пісьменніцай наўмысна: звяртаючыся да таямніц і загадак змрочнага былога, Л. Рублеўская імкнецца падкрэсліць сувязь мінуўшчыны і будучыні, паказаць, да чаго можа прывесці выкарыстанне звышзброі прагнучымі сусветнага панавання людзьмі.

Л. Рублеўская ідзе ўслед за жанравым канонам англійскай готыкі: дзеянне адбываецца ў «вусцішнай» прасторы (ратуша, старажытны замак, закінутая мясцовасць, сутарэнні і г.д.), а рэалістычнасць апісання змрочных дэталей побыту стварае напружанасць аповеду. Цэнтральны і нязменны вобраз гатычных твораў – замак – прысутнічае ў творы і трансфармуецца ў адпаведнасці з мясцовымі рэаліямі: гэта вежа, якую абыходзяць як магілу вісельніка, маёнтак уплывовага алігарха, старадаўні палац, апошні ўладальнік якога звар'яцеў. У рамане прысутнічаюць таксама наступныя

«гатычныя» топасы: халодныя пусткі, закінутыя дамы і могілкі, апусцелыя ўдалечыні ад цывілізацыі мястэчкі, сутарэнні, схаваныя пераходы і схованкі. Пара года, у якую разгортваюцца падзеі, – восень, часта на мяжы з зімой – стварае змрочную і трывожную атмасферу паступовага памірання і адзіноты. Дзеянне пераважна разгортваецца вечарам ці ноччу, або днём ў непагоду, калі неба зацягнута шэрымі аблокамі. У стылістыцы ўрбаністычнай готыкі горад і яго будынкі набываюць у творы рысы падземнага царства мёртвых, дзе асфальт – рака Лета, мухі (інсекты) – вешчуны Аіда, зграі гарадскіх птушак нагадваюць магільныя крыжы, а транспарт параўноўваецца з ладдзёй Харона: «За вокнамі мчаліся агні начнога гораду, быццам згубныя балотныя агенчыкі <...> Паўпусты тралейбус пагрукваў, нібыта развальваўся. Я на хвілю ўявіла, што так можа выглядаць сучасны Харонаў транспарт. Вось прыпыніўся, каб прыняць у сябе новыя памерлыя душы...» [19, с. 113–114].

Варта адзначыць, што ў жанравай парадыгме рамана беларускай пісьменніцы, поруч з гатычнымі, выкарыстоўваюцца рамантычныя, дэтэктыўныя і фантастычныя элементы. Як і ў Д. Сэтэрфілд, у гатычных творах Л. Рублеўскай прысутнічаюць і пераплятаюцца некалькі часавых вымярэнняў. У цэнтры аповеду, як правіла, аказваецца кананічны гатычны матыў радавога праклёну, які з'яўляецца наступствам рэальнага граха або злачынства і непазбежна прыводзіць да асобнага крызісу, варажнечы паміж пакаленнямі адной сям'і. Яшчэ адзін важны гатычны матыў у творах Л. Рублеўскай і Д. Сэтэрфілд – матыў ізаляцыі, які знаходзіць вырашэнне праз мастацкае адлюстраванне адзіноты герояў.

Змена мастацка-эстэтычнай парадыгмы беларускай і англійскай прозы звязана з арыентацыяй слоўнага мастацтва на белетрыстыку (літаратуру, якая мае ў сваёй аснове займальны пачатак, але закранае важныя тэмы). Дэтэктыўныя аповесці Л. Рублеўскай з'яўляюцца прыкладамі змены ў мастацка-эстэтычнай парадыгме і жанравай поліфаніі. Яны спалучаюць у межах аднаго тэксту аднакі гістарычнага твора і белетрыстычных жанраў – дэтэктыва, прыгодніцкай і меладраматычнай аповесці. У іх аснове знаходзіцца «росшук таямніцы» і паралельны хранатоп, мадэрнізацыя рэчаіснасці і, па сутнасці, адыход ад уласна гістарычных падзей і фактаў, спалучэнне і перакрываўванне сучаснасці з даўнінай, што нагадвае аб сабе праз атрыманыя ці выпадкова знойдзеныя рэчы, лісты, артэфакты, пачутыя гісторыі і г.д. Да прыкладу, Магда Дарбут, гераіня аповесці «Пярсцёнак апошняга імператара», аказваецца спадчынніцай аднаго з нашчадкаў візантыйскага імператара з роду Палеалогаў. Таемна-мройны, нерэалістычны, рамантычны, нават містычны каларыт і гісторыка-легендарны фон твораў пісьменніцы заснаваны на шырокім выкарыстанні паданняў і легенд. У прозе Д. Сэтэрфілд таксама назіраецца падобнае: сюжэт яе твораў дынамічны, рэцыпіент з лёгкасцю «пераносіцца» ў розныя часавыя вымярэнні, а ў аснове большасці твораў знаходзіцца канфлікт паміж добром і злом.

Варта заўважыць, што галоўнымі гераінямі твораў Л. Рублеўскай (усе творы за выключэннем серыі раманаў пра Пранціша Вывіча) і Д. Сэтэрфілд

(«Трынаццатая казка», «Пакуль цячэ рака») з'яўляюцца жанчыны творчых або гуманітарных прафесій: гісторыкі, журналісткі, мастацтвазнаўцы, якія паспяхова вырашаюць таямніцу, звязаную ці з лёсам уласнай сям'і, ці з лёсам іншай («Скокі смерці», «Дагератып», «Сутарэнні Ромула», «Трынаццатая казка» і інш.).

Л. Рублеўская, як і Д. Сэтэрфілд, спрабуе – і не без поспеху – вынайсці рэцэпт добрага мастацкага тэксту, у якім павінны перакрыжоўвацца адзнакі і набыткі фэнтэзі і дэтэктыва, прыгодніцкай і меладраматычнай, гатычнай і неарамантычнай літаратуры, а падзеі і характары з'яўляюцца адначасова выключнымі і ўнікальнымі ў сваёй надзвычайнасці, нетыповасці.

Пра арыентацыю Л. Рублеўскай на сусветны мастацкі вопыт сведчыць наступнае выказванне М. Аляшкевіч: у «прозе Л. Рублеўскай сюжэты добра закручаны – як у галівудскім экшане. <...> Нашы Лара Крофт ды Індыяна Джонс шукаюць страчаныя скарбы, якія маюць велізарную каштоўнасць не толькі для перакупшчыкаў антыкварыяту, але і для нацыі, а праз тое для ўсяго чалавецтва. У працэсе пошуку героі змагаюцца са злымі сіламі, вырашаюць асабістыя праблемы і раскрываюць таямніцы мінуўшчыны. У адрозненне ад галівудскіх персанажаў, нашы шукальнікі скарбаў маюць мясцовы каларыт – імёны, звычкі, абставіны, пазнавальныя месцы дзеяння» [20, с. 149].

Такім чынам, спалучэнне арыентацыі на класічную англійскую традыцыю (В. Скот, Ш. і Э. Брантэ, часткова М. Шэлі) з адзнакамі жанраў масавай літаратуры ў прозе Д. Сэтэрфілд і Л. Рублеўскай спрыяе прыцягненню ўвагі чытача да сучаснай літаратуры, мастацтва, культуры і «белетрызацыі» вечных тэм, абнаўленню традыцый гатычнай літаратуры і жанраваму поліфанізму, які выявіўся ў стварэнні арыгінальных аўтарскіх жанравых форм (раман-інструкцыя, неагатычны раман, раман-лабірынт, раман-казка і інш.).

ЛІТАРАТУРА

1. *Адамовіч, Г. Я.* Асновы кампаратывістыкі: беларускі кантэкст = The basics of comparativistics: the belarusian context / Г. Я. Адамовіч. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2009. – 228 с.
2. *Алексеев, М. П.* Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 447 с.
3. *Баршчэўскі, Л. П.* Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён : папул. нарысы / Л. П. Баршчэўскі, П. В. Васючэнка, М. А. Тычына. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 575 с.
4. *Брунэл, П.* Што такое параўнальнае літаратуразнаўства? / П. Брунэл, К. Пішуа, А. М. Русо. – Мінск : ЭўраФорум, 1996. – 238 с.
5. *Дюришин, Д.* Теория сравнительного изучения литературы : пер. со словац. / Д. Дюришин – М. : Прогресс, 1979. – 320 с.
6. *Жирмунский, В. М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад : избр. тр. / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. – 493 с.

7. *Зинченко, В. Г.* Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме : учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 220 с.
8. *Конан, У. М.* Беларуская літаратура ў кантэксце еўрапейскай мастацкай культуры / У. М. Конан // Пераклад збліжае народы: матэрыялы Міжнар. «круглага стала» памяці А. Адамовіча, Мінск, 3–4 верас. 2001 г. / Міжнар. асац. беларусістаў / гал. рэд. Р. І. Барадулін. – Мінск, 2002. – С. 34–39.
9. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
10. *Лявонава, Е. А.* Плыні і постаці: з гісторыі сусветнай літаратуры другой паловы XIX–XX стагоддзяў: дапам. для настаўнікаў / Е. А. Лявонава. – Мінск : Рэдакцыя часопіса «Крыніца», 1998. – 336 с.
11. *Марков, Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках: из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Д. Ф. Марков. – М. : Наука, 1983. – 237 с.
12. *Тарасава, Т. М.* Духоўны досвед беларускай прозы і еўрапейскі кантэкст / Т. М. Тарасава. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2009. – 175 с.
13. *Шаблоўская, І. В.* Сусветная літаратура ў беларускай прасторы: Рэцэпцыя. Тыпалогія. Кантакты / І. В. Шаблоўская. – Мінск : Радыёла-плюс, 2007. – 303 с.
14. *Ишимбаева, Г. Г.* Интертекстуальность романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» [Электронный ресурс] / Г. Г. Ишимбаева. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-romana-d-setterfild-trinadtsataya-skazka/viewer>. – Дата доступа : 07.06.2021.
15. *Литвиненко, Н. А.* «Тринадцатая сказка»: жанровая стратегия успеха / Н. А. Литвиненко // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. – № 1. – С. 117–121.
16. *Никифорова, А. Н.* Рецепция античного мифа о близнецах в романе Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» / А. Н. Никифорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 284–286.
17. *Сеттерфилд, Д.* Тринадцатая сказка / Д. Сеттерфилд. – СПб : Азбука-классика, 2007. – 464 с.
18. *Бароўка, В. Ю.* Раманы Людмілы Рублеўскай як мастацкі дыялог з жанравай традыцыяй / В. Ю. Бароўка // Białorutenistyka Białostocka. – Том 7. – Białostock. – 2015. – С. 147–160.
19. *Рублеўская, Л.* Ночы на Плябанскіх млынах: раман, апавесці, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 526 с.
20. *Аляшкевіч, М.* Людміла Рублеўская: адкрывальніца скарбаў / М. Аляшкевіч // Вандроўкі вакол самотнага сонца: беларуская літаратура пачатку XXI стагоддзя ў літаратуразнаўчых партрэтах і эскізах: зборнік артыкулаў / уклад. І. Л. Шаўлякова-Барзенка. – Мінск, 2011. – С. 143–150.

Поступила в редакцию 07.04.2021

Скоропанова Ирина Степановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Irina Skoropanova

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Department of Russian Literature,
Belarusian State University
Belarus, Minsk ruslit@bsu.by

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮБОВИ ТУРБИНОЙ

CENTRAL ASIAN COMPONENT IN THE WORKS OF LYUBOV TURBINA

В статье рассматриваются стихи Л. Турбиной, посвященные республикам Средней Азии – Туркменистану, Азербайджану, Узбекистану. Раскрываются средства воссоздания восточного колорита, проанализирован среднеазиатский компонент стихотворений. Концептуализируется турбинский образ Востока.

К л ю ч е в ы е   с л о в а : названия городов; имена собственные; обозначения примет среднеазиатского быта и пейзажа; иноязычная лексика.

The poems of L. Turbina dedicated to the republics of Central Asia, such as Turkmenistan, Azerbaijan, Uzbekistan, are examined in the article. The ways of creating the Eastern local flavour are revealed, and the Central Asian component of the poems is analyzed. The article also conceptualizes Turbina's image of the East.

К е у   w o r d s : city names, proper names; naming units of the features of Central Asian mode of life and landscape; foreign words.

В творчестве современной русской поэтессы Л. Турбиной заметное место занимают портреты городов и стран, в которых она побывала. Есть у нее европейский, русский, белорусский, восточный циклы. Сердцевину последнего составляют стихотворения, посвященные республикам Средней Азии – Туркменистану, Узбекистану, Азербайджану, с которыми Л. Турбина сроднилась еще в советскую эпоху. Наряду с поэтическим творчеством она занималась и литературоведческими исследованиями, в том числе во время работы в НАН РБ темой «Контакты Беларуси с тюркоязычными литературами». Л. Турбина посещала Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, принимала участие в проводившихся там культурных мероприятиях, обрела друзей и даже проходила в Азербайджане стажировку, когда изучала азербайджанский язык. Туркменистан же Л. Турбина вообще считает своей второй родиной, так как родилась в Ашхабаде, куда во время войны была эвакуирована ее мать-москвичка. И для творчества поэтессы идеи межнационального культурного сотрудничества, вообще нормализованных межнациональных отношений весьма значимы. Обострилось внимание к ним с конца 1980-х – начала 1990-х, когда в условиях гласности в республиках возникли национальные движения, а в их недрах заявили о себе и ультра-национа-

листические тенденции, чреватые кровавыми межнациональными столкновениями. В таких непростых условиях обращается Л. Турбина в своих стихах к межнациональной проблематике. Она трезво оценивает происходящее, в ее произведениях появляются и горькие ноты, и обвинения творящим злодейства, но доминируют в них идеи сближения, единения, родства, пронизывающие цикл «Восточные мотивы».

Основывается Л. Турбина всегда на личных впечатлениях, пишет об увиденном, испытанном, пережитом ею самой. Чаше это воспоминания о прошлом, его прекрасных мгновениях при подведении итогов жизни. Закономерно появляется в стихах среднеазиатский компонент, передающий национальную специфику описываемых республик, в дальнейшем – самостоятельных государств. Сюда входят:

а) обозначение части света: *Азия*, эпитет *азийский*;

б) названия городов: *Ашхабад*, *Баку*, *Шэки*, *Ташкент*, *Фергана*;

в) имена классиков среднеазиатской литературы: *Махтумкули*, <Гянджеви Ильяс Юсиф оглы> *Низами*, <Мирза Фатали> *Ахундов*, <Алишер> *Навои*, <Захириддин Мухаммед> *Бабур*, а кроме того – современных писателей: *Байрам Жутдиев*, *Атамурад Атабаев*, *Тиркиш Джамагульдиев*; сюда же, можно сказать, примыкает название классического произведения азербайджанской литературы – «*Лейла и Меджнун*» Низами;

г) лексика для обозначения характерных примет среднеазиатской жизни: *арык*, *караван-сарай*, *шатёр*, *саза*, *шербет*;

д) непосредственные узбекские слова, правда, в русской транслитерации: *Багча шамал*, *мушайра*.

Дополнительную окраску благодаря этому обретает лексика нейтрального характера, передающая особенности среднеазиатского пейзажа: *горы*, *жара*, *орошенная пустыня*, *море*.

Л. Турбина не скрывает, что очарована восточной экзотикой, например, пещерой с подземным озером у подножья Копетдага в Туркменистане и ашхабадским базаром, напоминавшим сказочную «пещеру Аладина, где сокровища лежат на земле горами» [1, с. 7], а главное – встречей с талантливыми, доброжелательными людьми, в числе которых – поэты Б. Жутдиев, А. Атабаев, прозаик Т. Джамагульдиев. Это вполне европеизированные люди, сохранившие, тем не менее, особую восточную утонченность и приверженность национальным традициям. В романтизированно-опоэтизированном облике предстают у Л. Турбиной А. Атабаев в стихотворении «Пушкинский профиль» и Т. Джамагульдиев в «Посвящении в восточном стиле». Сквозь переводимые ею стихи А. Атабаева проступает для поэтессы образ туркменского собрата, его прекрасная душа, посылающая улыбку привет. Джамагульдиев же у Л. Турбиной – центр группы писателей, отдающих дань памяти основоположнику туркменской классической литературы Махтумкули в его родном селении Хаджи-Говшан. Тиркиш запомнился поэтессе с розой пурпурной у самых ног Махтумкули [2, с. 94].

А подняться к памятнику нужно было высоко в горы, минуя поля маков и скалистых пород. Реальный подъем обретает у Л. Турбиной и метафорическую семантику духовного очищения, приобщения к высшим ценностям. Для Махтумкули они воплощались в положениях ислама, выбитых на стене памятного мемориала. Но Махтумкули был противником религиозного фанатизма, критиковал межплеменную и межродовую вражду. Все это делает его наследие по-новому актуальным, и духу Махтумкули поэтесса как бы предлагает следовать и ныне.

Сладостность переживаемых в Туркменистане мгновений акцентирует у Л. Турбиной эпизод поедания дыни, получающий расширительное, символическое наполнение:

Мы ели дыню – сладкий плод –
Из орошаемой пустыни...
У райских запертых ворот
Мы ели дыню [2, с. 96].

Ночь в Красноводске ассоциируется с пребыванием в преддверии рая, настолько она прекрасна («Красноводск», 1985). Звездный свод над головой, на Востоке гораздо более отчетливо видный, напоминает вместе с тем о вечном и о том, что рано или поздно каждый из этого мира уйдет. Л. Турбина поэтизирует сам феномен жизни как главной для человека ценности, нацеливает на сближающие людей факторы и отталкивание от всего, что может приблизить «ладью Харона». Немаловажную роль в этом она отводит литературе.

Конкретизирует представление о том, как литература помогает найти общий язык людям разных национальностей, стихотворение «Шэки» (1986). Это название родного города Мирзы Фатали Ахундова, азербайджанского писателя и просветителя XIX в., памятные мероприятия в честь юбилея которого проводились в Азербайджане в 1986 году. Ахундов же сформировался под влиянием русской культуры и считается родоначальником реалистической азербайджанской литературы. Л. Турбина передает свои впечатления от пребывания в Шэки на днях Ахундова.

Поразил ее, например, Дом интеллигенции, ибо подобного больше нет ни в одной стране мира, – чувствуется влияние авторитета образованнейшего Фатали; там же находится музей старины. Упоминаются у Л. Турбиной и караван-сарай как обозначение сохранившегося с шахских времен дворцового строения, и струнный инструмент – саза, что служит передаче национального колорита. Общее настроение стихотворения – трепетно-романтическое, так как пребывание в Шэки сопровождается воссозданием зарождающегося любовного чувства между познакомившимися здесь мужчиной и лирической героиней. Л. Турбина напрямую ничего не проговаривает, больше намекает, так как окончательно ничего еще не определилось. Антураж, в который помещены персонажи, указывает на их духовное родство, каковое сильнее национальных различий. Соединил встретившихся Ахундов-Фатали:

Под знаком Фатали –
и сердце вдруг забьется
На том краю земли, что Азией зовется,
На том краю земли, у самой дальней дали
Под знаком Фатали –
оркестрик на вокзале.

Шел дождь в тот день в Шэки –
мы пробуем шербеты.
Коснись моей щеки –
еще нельзя об этом,
В музее старины, где заиграют сазы,
Едва коснусь струны –
ты восторгнешься сразу [2, с. 98].

«Под знаком Фатали», как можно понять, значит под знаком честности, искренности, отсутствия лжи, притворства, предрассудков созревает возникшее чувство. Окружающая экзотика создает для него прекрасно-возвышенную раму, настраивает музыку сердец. Само слово «Фатали» очень музыкальное, поющее, и используемый повтор усиливает смутно различимый восточный мотив.

Спустя четверть века стихотворение продолжает взывать к тому, чтобы взаимоотношения и отделившихся друг от друга Азербайджана и России строились «под знаком Фатали» – мира и добросердечия.

С ходом времени в произведениях Л. Турбиной увеличивается количество восточной лексики, расцвечивающей стихи, насыщающей их среднеазиатским колоритом. Больше всего ее в стихотворении «Фергана» (1987), написанном после поездки в Узбекистан, где в 1982 г. в Ташкенте отмечался юбилей классика узбекской литературы Алишера Навои. Но Л. Турбиной больше запомнился «бросок» в Фергану, где проходил «тур поэтов». Этот город овеян славой Захириддина Мухаммеда Бабура, у которого наиболее известны «Записки Бабура» о путешествии в Афганистан и Индию – «Бабурнамэ» и которому в Фергане установлен памятник. Поэтесса включает это имя в текст стихотворения, окружает его пиететом. Поэтический же тур описан как некий пир – подразумевается пир духа, таланта, благородства. В наше время это роскошь, и Л. Турбиной используются образы с семантикой богатства и роскоши, но в метафорическом ключе. Национальную специфику подчеркивают узбекские слова в кириллическом написании, причем за непонятным выражением может следовать русскоязычный перевод:

Багча шамал – в саду ветров,
Не пир – персидские эмали.
Закатом золотятся дали...
И мы – среди земных богов
В багча шамале [2, с. 97].

Багча шамал – и есть «сад ветров» (значит, здесь не изнывают от жары, есть прохлада), тогда как слово *мушайра*, означающее «турнир поэтов», дается без перевода, но смысл его в контексте стихотворения все-таки улавливается:

В тени Бабура – мушайра.
Поэты ждут второго тура:
Стихи звучали б до утра,
Но кто-то знак подал – пора!
В тени Бабура [2, с. 97].

Л. Турбина своеобразно совмещает в стихе признаки *рондо* (пятистишие, только 2 рифмы, проходящие через строфу, нерифмующийся рефрен, завершающий строфу и повторяющий начальные слова первой строки «В тени Бабура») и *газеллы* (последние слова «В тени Бабура» можно рассматривать как редиф). Кроме того, внутренняя рифма *Бабура* созвучна с рифмующимся с концевым словом *тура*, а *мушайра*, (*до*) *утра*, *пора* образуют единую тройную рифму. Европейская стихотворная традиция причудливо соединяется с восточной.

Однако во второй половине стихотворения (III и IV строфы) настроение меняется: завершение праздника поэзии и перемещение в окружающую действительность порождает тревогу, связанную с ощущением угрожающей опасности. Ее источник – Фергана, где, как можно догадаться, зреют настроения радикалистского ислама, ненависти и вражды:

Гигантской чашей Фергана
В саду у ног лежала наших,
Как чаша темного вина;
Пахнуло жутью вдруг со дна
Гигантской чаши [2, с. 97].

Вроде бы речь идет о ландшафте, но и метафора *дна* как последней степени падения опьяненных злом проступает сквозь строки стихотворения. Верить в страшные предчувствия не хочется, тревогу поэты стремятся заглушить, однако золото заката сменяется у Л. Турбинной ночью, грозой без грома и дождя, но с пугающими вспышками молний. Пейзаж передает меняющуюся национально-историческую погоду, предощущение торжества мрака. Хотя бы душой сквозь все это предстояло пройти:

Во тьме крошечной мчались мы –
При свете молний бег поспешный,
В машине, с песнею потешной,
И смех – как грех среди чумы –
Во тьме крошечной... [2, с. 97].

В подтексте стихотворения проступает культурема *пир во время чумы*, и составляющие ее члены укрупняют проблематику до общефилософской, ибо *пир* – пришедшая из античности метафора прекрасной жизни, каковою упивается человек, *чума* символизирует смерть. К бацилле «чумы» приравнивается национальная и религиозная вражда, разжигаемая в Средней Азии.

Предчувствия, как оказалось, не обманывали. Вскоре после отъезда из Узбекистана Л. Турбина узнала о резне там турок-месхетинцев. Дальше – больше. Подробно узбекский кошмар 1990-х описан в книге Ильи Стогофф а «mASIAfucker». И у Л. Турбиной мотив «бега» – иносказательное обозначение судьбы 25 млн русских на постсоветском пространстве за пределами России. Характерно, однако, что «бег» от разразившейся «грозы» совершают у нее и узбекские поэты, сохранившие верность идеалам Навои и Бабура, – они тоже не приемлют «чуму», обрушившуюся на их родину. Л. Турбина видит в них союзников в противостоянии «чуме», всем содержанием стихотворения зовет к единению, отстаиванию гуманных начал бытия.

Восточные же стихи Л. Турбиной в целом удостоверяют: каких-то неразрешимых антагонистических противоречий между республиками Средней Азии, ставшими независимыми государствами, и Российской Федерацией не было – раскол 1990-х был спровоцирован во многом искусственно. Находясь в Туркменистане, Азербайджане, Узбекистане, свидетельствует поэтесса, она ощущала себя в полной безопасности. В своих стихах Л. Турбина напоминает, каким гостеприимным и притягательным может быть Восток, какая у него богатая культура – из памяти это вычеркнуть невозможно.

Неприятие радикализма не должно перерастать в неприязнь и враждебность к самим народам, связанным общей историей, не так уж редко и личными отношениями, утверждает Л. Турбина.

В стихотворении «Запретный плод» (1990) турбинский образ Востока двоится, несет в себе и позитивное, и негативное; при всем том он предстает как родной, пусть и подхвативший опасный вирус, а к родному отношение особое:

Еще Европы нет в помине –
Уже распахнут твой шатер...
Мне не забыть, когда покину,
Ковровый красочный узор.

Цветы и фрукты всё дороже,
Но снова щедро льётся кровь...
Коварный, пагубный – и всё же
Тебе, Восток, моя любовь! [2, с. 91]

Л. Турбина оправдывает данное ей Ашхабадом имя и словно наводит новые мосты, адресуя Востоку свою любовь. Не выгода, не корысть рассматриваются как основа взаимоотношений, а добрые чувства, искренняя заинтересованность друг в друге. Л. Турбина следует и собственному душевному порыву, и традиции Ф. Тютчева, писавшего:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней... [3, с. 245]

Вообще недооценивать Восток неправомерно, убеждена Л. Турбина, открывающая там для себя немало замечательного. Возможно, ее любовь к Востоку и «неразделенная» (если воспользоваться блоковскими словами из стихотворения «Земное сердце стынет вновь...»), но поэтесса остается верна и возникшей привязанности, и идеалу всеединства. Культурные связи со Средней Азией, пусть и ослабевшие, однако, постепенно восстанавливаемые, она скрепляет своими стихами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Турбина, Л.* Разносчик телеграмм: сб. прозы / Л. Турбина. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015.
2. *Турбина, Л.* Ангел на велосипеде / Л. Турбина. – М. : ИПО «У Никитских ворот», 2017.
3. *Тютчев, Ф. И.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1988.

Поступила в редакцию 26.05.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 3 (112), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.06.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 33.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172